

LANCER BOOKS 73-572 60¢ • VOLUME THREE OF THE COMPLETE CONAN

ROBERT E. HOWARD edited by **L. SPRAGUE DE CAMP**

"HOWARD'S ONLY BOOK-LENGTH NOVEL, WORTHY TO STAND BESIDE SUCH HEROIC FANTASY AS E. R. EDDISON AND J. R. R. TOLKIEN." □ □ □ □

CONAN

THE CONQUEROR

Конан наголову разгромил пиктов под Велитриумом — варвар командовал тогда аквилонской армией. Победа возвела его на трон Аквилонии — правда, его пришлось освободить от жестокого короля. Так как человек Конан был простой, держава при нем процветала. Но завистливые соседи решили свергнуть его с престола. Им это удалось, но ненадолго. Как Конан спас свое королевство, читайте в романе «Час дракона».

- [Роберт И. Говард](#)

-

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)

- [Глава I](#)

- [Глава II](#)

- [Глава III](#)

- [Глава IV](#)

- [Глава V](#)

- [Глава VI](#)

- [Глава VII](#)

- [Глава VIII](#)

- [Глава IX](#)

- [Глава X](#)

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

- [Глава XI](#)

- [Глава XII](#)

- [Глава XIII](#)

- [Глава XIV](#)

- [Глава XV](#)

- [Глава XVI](#)

- [Глава XVII](#)

- [Глава XVIII](#)

- [Глава XIX](#)

- [Глава XX](#)

- [Глава XXI](#)

- [Глава XXII](#)

Роберт И. Говард

Час дракона

*Могучий лев сорвался в мрак,
В объятьях злобных фурий.
Расправил крылья злой дракон
На гребне черной бури.
Лежат герои вечным сном,
Уснув в бою кровавом,
А в глубине зловещих гор
Проснулись силы мрака...
Звон стали, пламя, трупов хлад,
Рыдания и стоны...
Смертельным страхом полон взгляд
Кто ж встанет пред Драконом?..*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«Черный ветер»

Глава I

«Спящий, пробудись!»

По собранным в складки бархатным портьерам и по стенам небольшой темной комнаты заметались рваные тени от пламени длинных свечей. Однако сюда не проникало даже слабое дуновение ветра. Рядом со столом из черного дерева, на котором, поблескивая резной яшмой, лежал зеленоватый саркофаг, стояли четверо. В поднятой правой руке каждого из них дивным зеленым пламенем горела черная свеча из особого воска. Все вокруг было окутано ночью, и лишь ветер завывал протяжно и злобно в мрачных сплетениях ветвей.

В комнате царили напряженная тишина и колеблющиеся тени, а четыре пары блестящих глаз, не отрываясь, вглядывались в длинную зеленую крышку саркофага, по которой, струясь, вились, как змеи, загадочные иероглифы, вызванные к жизни неверным светом свечей.

Человек, стоявший в ногах саркофага, слегка наклонился вперед и стал водить свечой, словно пытаясь написать ею в воздухе магический символ. Потом, поставив ее в чашу из багряного золота, он пробормотал какое-то непонятное своим спутникам заклинание и опустил руку под складки своей обшитой горностаем накидки. Когда он вынул ее обратно, в его сжатых пальцах пылал живой огонь.

Трое его пораженных спутников затаили дыхание, а потом смуглый, рослый мужчина, стоявший в головах саркофага, сдавленным голосом прошептал:

— Сердце Аримана...

Старший из четырех мужчин резким жестом велел ему замолчать... Где-то вдалеке раздавался жалобный собачий вой, а за надежно запертыми дверями комнаты были слышны чьи-то осторожные шаги, однако никто из находившихся здесь людей не отрывал взгляда от саркофага, над которым мужчина в горностаевой накидке водил в воздухе теперь уже огненным драгоценным камнем и бормотал заклятия, память о которых была утеряна еще в дни гибели Атлантиды. Свет и жар, исходившие от этого камня, слепили глаза... И вдруг резная крышка саркофага вздрогнула и с треском лопнула, словно в центр ее попал удар сокрушительной силы. Рассыпавшись на куски, она открыла взорам покоившуюся под ней мумию — сутулую, сморщенную фигуру, коричневая иссохшая кожа которой проглядывала сквозь прогнившие бинты, а руки и ноги были похожи на высохшие ветви старого дерева.

— Ты что, оживить его хочешь? — пробормотал с саркастической усмешкой небольшой смуглый мужчина, стоявший справа. — Да он же рассыплется от первого прикосновения. Глупости...

Высокий, в руках которого пылал камень, повелительно цыкнул на него. На его широком белом лбу блестели капельки пота, а глаза были напряженно расширены. Он еще сильнее наклонился вперед и, стараясь не коснуться мумии, возложил драгоценность ей на грудь, а потом отступил назад и с каким-то безумным напряжением стал смотреть на нее, продолжая беззвучно шептать заклятия.

Казалось, будто частица живого огня мерцает на сморщенной груди высохших останков. И вдруг сквозь сжатые зубы взирающих на это людей непроизвольно вырвался короткий вздох, ибо перед их глазами происходила поразительная перемена. Иссохшая фигура в саркофаге стала приподниматься, увеличиваться и приобретать объем. Ее прогнившие биндажи и бинты лопались и превращались в коричневый прах. Конечности мумии выпрямлялись, а кожа начала светлеть.

— О, господи!.. — прошептал высокий золотоволосый мужчина, стоявший справа. — Он не

из Стигии! Ну, хоть это ладно...

И вновь дрожащий палец приказал ему замолчать. Собака уже перестала выть, взвизгнув, словно испугавшись чего-то, отголосок этот скоро затих, и в наступившей тишине стал слышен скрип тяжелых запертых дверей, будто кто-то с огромной силой давил на них снаружи. Золотоволосый шагнул было открыть, положив ладонь на рукоять меча, но человек в мантии из горностая предостерегающе зашипел:

— Остановись! Не разрывай магической цепи! И не подходи к двери, если тебе дорога жизнь!

Тот, пожав плечами, обернулся и застыл, как вкопанный: в яшмовом саркофаге лежал с закрытыми глазами живой человек — высокий, крепкий, с чистой белой кожей и совершенно обнаженный. Потом глаза его раскрылись, но взгляд их оставался бессмысленным, как у новорожденного. На матовой груди его, оттененной большой черной бородой, все еще мерцал огромный драгоценный камень.

Мужчина в накидке зашатался, словно охваченный сильной слабостью после продолжительного нечеловеческого напряжения.

— Боги! — прошептал он. — Это Ксальтотун!.. Он жив! Валерий! Тараск! Амальрик! Вы видите? Вы видите!? Я сомневался... Прошлой ночью мы все были в одном шагу от разверзнутых врат ада, за спинами у нас стояли кошмарные чудовища темноты, — они следовали за нами по пятам до дверей этой самой комнаты, — но мы все-таки возвратили жизнь великому магу и чародею!

— И не говори, — жариться нам теперь в этом самом аду веки вечные... — пробормотал коренастый, смуглый Тараск.

Светловолосый, которого звали Валерием, на это весело рассмеялся:

— Да какие муки могут быть хуже самой жизни? Мы же все обречены на страдания со дня своего рождения! Но покажи мне того, кто за королевский трон не продал бы свою жалкую душонку дьяволу?..

— ...Его взгляд бессмыслен, Ораст, — неожиданно отозвался рослый Амальрик.

— Он очень долго был мертвым, — ответил Ораст. — Он сейчас, как человек, которого неожиданно разбудили после глубокого сна, — душа его к нему еще не вернулась. Когда это случится, силы тьмы отхлынут, и память вновь вернется к нему. Это будет уже скоро.

Он вновь склонился над саркофагом и, заглянув в глаза лежащему человеку, там человеку, позвал:

— Ксальтотун, проснись! Губы воскрешенного механически задвигались:

— Ксальтотун... — произнес он глухим шепотом.

— Ты — Ксальтотун, — настаивал Ораст тоном гипнотизера, внушающего что-то усыпленному. — Ты Ксальтотун из города Пифона в Ахероне.

В глубоких темных глазах мелькнул слабый проблеск.

— Я был Ксальтотуном, — послышался ответ. — Он теперь мертв.

— Ты Ксальтотун! — крикнул Ораст вновь. — Ты снова жив!

— Я сплю вечным сном в темной пещере святилища Кеми, где давно умер...

— Жрецы, давшие тебе яд, сделали из твоего тела мумию. Но теперь ты вновь жив! Сердце Аримана вернуло жизнь твоему высохшему телу и скоро возвратит тебе душу.

— Сердце Аримана! — пламя мысли в глазах разгорелось сильнее. — Его украли у меня варвары.

— Он вспомнил! — приободрился Ораст. — Выньте его из саркофага.

Присутствующие послушались его после секундного замешательства, словно боясь прикоснуться к человеку, которого они только что воскресили. Напряжение с их лиц не исчезло

даже после того, как они ощутили под своими пальцами плотное, мускулистое и наполненное жизнью тело. Теперь Ораст одел осторожно перенесенного на диван Ксальтотуна в темную бархатную накидку, украшенную блестками в виде золотистых звезд и полумесяцев, а на голову опустил чалму с золотым верхом, скрывающую его ниспадающие на плечи черные кудри.

Тот безмолвно позволял делать с собой все, что угодно, и не открывал рта до тех пор, пока его не усадили в похожее на трон кресло с высокой черной спинкой, широкими серебряными подлокотниками и ножками, выполненными в виде золотых когтистых лап. Он сидел неподвижно, но его темные глаза уже постепенно приобретали осмысленное выражение, наполняясь загадочным светом. Казалось, будто свет этот, давным-давно исчезнувший, не спеша всплывает на поверхность из темных глубин ночи.

Ораст осторожно глянул на своих товарищей, все еще недоверчиво вглядывающихся в своего безответного собеседника. Им было не привыкать — их стальные нервы могли выдержать даже то, что обычного человека довело бы до безумия. Это были не слабаки, а известные воины, отвага которых славилась повсюду, точно так же, как и властные амбиции и жестокость. Убедившись, что с ними все в порядке, он вновь обернулся к тому, кто сидел в кресле с богатым эбеновым покрытием. А тот наконец произнес:

— Теперь я вспомнил. Я Ксальтотун, верховный жрец бога Сета в ахеронском городе Пифоне.

Голос его был сильным и звенящим, а говорил он на немедийском диалекте с дивным древним акцентом.

— Сердце Аримана... Мне показалось, что оно нашлось, — где же оно?

Ораст вложил его ему в ладонь и облегченно вздохнул, наконец избавившись от страшного камня, пылающего теперь в пальцах Ксальтотуна.

— Его украли у меня очень давно, — продолжал тот. — Это кровавое сердце тьмы, несущее проклятие и зло. Оно пришло в этот мир из глубины времен, и никто не знает откуда. Пока оно было в моих руках, никакая сила не могла меня одолеть. Но его украли, и империя Ахерон пала, а я, словно изгнанник, укрылся в мрачных пещерах колдовской страны Стигии. Я многое вспомнил, но еще не все... А какой сейчас год?

— Конец года Льва, — ответил Ораст. — Три тысячи лет после падения Ахерона.

— Три тысячи лет... — как эхо пробормотал Ксальтотун. — Так много... А вы кто такие?

— Меня зовут Ораст, я бывший жрец бога Митры. Этот человек — Амальрик, барон Тор Немедийский; тот — Тараск, младший брат короля той же страны. А вот этот высокий — Валерий, законный наследник трона королевства Аквилония.

— Зачем же вы вернули меня к жизни? — поинтересовался Ксальтотун. — Чего вы от меня хотите?

Было видно, что он уже полностью пришел в себя и разум его работает в полную силу. Из поведения его исчезли неуверенность и настороженность. Он явно отдавал себе отчет в том, что на этом свете ничего не дается даром и за все нужно платить. А Ораст заплатил ему достаточно дорого.

— Прощлой ночью мы открыли врата адского пекла, чтобы вызволить оттуда твою душу и вернуть ее в тело. Мы хотим попросить твоей помощи в нашем деле. Мы хотим — посадить Тараска на трон Немедии, а для Валерия добыть корону Аквилонии. Твоя чернокнижная сила может нам в этом хорошо помочь.

— Но ты же сам неплохо посвящен в эти темные таинства, — быстро возразил ему Ксальтотун, — коли сумел вернуть мне жизнь. Но интересно, откуда верховный жрец бога Митры знает о Сердце Аримана и о черных заклятиях культа Скелос?

— Я уже не жрец Митры, — ответил ему Ораст. — Я не ношу этого звания с тех пор, как

посвятил себя черной магии. Если бы не Амальрик, меня давно бы уже сожгли на костре, как колдуна. Но я остался жив и продолжал совершенствовать свое мастерство. Я странствовал по Заморе, Вендии, Стигии, по неизведанным джунглям Кхитая. Я читал оправленные в железо книги Скелоса, разговаривал с невиданными существами из бездонных пещер и чудовищами без обличья во мрачных, затянутых влажным туманом джунглях. В охраняемом черными демонами склепе под мрачным гигантским покровом святилища бога Сета в самом сердце страшной Стигии я отыскал твой саркофаг и овладел чарами, способными вернуть жизнь твоему иссохшему телу. Из полусгнивших старинных манускриптов я узнал о Сердце Аримана, а потом целый год искал место, где оно спрятано, прежде чем получить его.

— А к чему тебе были все эти заботы о моей душе? — с подозрением спросил жреца Ксальтотун. — Почему ты сам не воспользовался им, чтобы обрести власть?

— Никто из живущих ныне людей уже не знает тайн Сердца, — объяснил Ораст. — Заклятие, благодаря которому оно может раскрыть свои полные возможности, не дошло до нас даже в легендах. Мне неведомы его секреты, и я воспользовался им только затем, чтобы оживить тебя. Только ты знаешь темные тайны Сердца.

Ксальтотун молча покачал головой, задумчиво глядя в огненные глубины драгоценного камня.

— Мои познания в черной магии стали столь могущественны лишь от собранных воедино знаний других людей, — пояснил он. — Но даже я не знаю всех этих возможностей. Я не повелевал этой силой и в древности и только следил, чтобы она не обернулась против меня. Потом камень был у меня украден, и в руках одетого в перья шамана дикарей он одолел мою магическую мощь и был спрятан неизвестно где, а меня отравили завистливые жрецы Стигии.

— Он был спрятан под святилищем бога Митры в Тарантии, столице королевства Аквилония, в глубокой пещере, — произнес Ораст. — При помощи хитроумного плана я отыскал твои останки в стигийском подземном святилище бога Сета. Разбойники из Заморы, хранимые моими заклятиями, о происхождении которых лучше умолчать, выкрали твой саркофаг из когтей его ужасных стражников. А потом, караваном верблюдов, по морю и на воловьих упряжках он был доставлен сюда. Те же разбойники, а вернее, только те из них, кто пережили первое испытание, похитили Сердце Аримана из найденной мною пещеры под святилищем бога Митры. Но даже мои заклятия чуть не подвели: почти все они остались там навсегда. Лишь один из них уцелел там и успел передать камень мне из рук в руки, чтобы тотчас умереть в страшном бреду от увиденного в проклятом склепе. А ведь это были самые надежные люди, наиболее пригодные для такого рода работ. Никто кроме них — даже под охраной моих чар — не был бы в состоянии добыть Сердце из темноты, в которой под охраной черных демонов оно спало, скрытое от людских глаз три тысячелетия, минувших после упадка Ахерона.

Ксальтотун опустил свою голову и устался в пол, как бы пытаясь углубиться взглядом в ушедшие столетия. Львиная грива его колыхнулась:

— Три тысячи лет! — пробормотал он. — Господи!.. Расскажите мне, что произошло на свете за это время.

— Варвары, разорившие Ахерон, основали новые королевства, — начал свой рассказ Ораст. — На том месте, где когда-то была империя, появились государства Аквилония, Немедия и Аргос, названные так от племен, которые дали им начало. Старые королевства — Офир, Коринфия и Коф, ранее подчинявшиеся Ахерону, после гибели империи получили независимость.

— А что сейчас с народом Ахерона? — поинтересовался Ксальтотун. — Когда я бежал в Стигию, Пифон лежал в развалинах, а все большие города Ахерона с их пурпурными башнями заливали потоки крови, и там властвовали варвары...

— Несколько сотен лет назад еще были некоторые горские народы, которые хвалились своим происхождением от жителей Ахерона, — ответил ему Ораст. — Но наши полудикие предки стерли их с лица Земли. Слишком многое им пришлось вытерпеть от властителей Ахерона.

Жестокая мрачная улыбка искривила губы воскрешенного.

— О, да! Немало этих варваров, — как мужчин, так и женщин, прошли через вот эти самые руки на жертвенных алтарях. Я сам видел, как на главной площади Пифона из их голов складывали целые пирамиды, когда короли возвращались из походов на запад, везя добычу и обнаженных пленников.

— Да... Но потом их мечи отпраздновали победу и день расплаты, после чего Ахерон перестал существовать, а Пифон с пурпурными башенками стал легендой давно минувших лет. На руинах некогда могучей империи выросли и окрепли молодые королевства. Мы воскресили тебя, чтобы ты помог нам овладеть ими. Пускай они и не такие большие, сильные и богатые, как древний Ахерон, но достаточно хорошо вооруженные, чтобы их просто так одолеть. Смотри! — и Ораст развернул перед гостем карту, искусно вычерченную на ткани.

Ксальтотун быстро окинул ее взглядом и ошеломленно покачал головой:

— Очертания стран изменились. Все кажется знакомым, но искаженным, как в фантастическом сне...

— Смотри! — повторил Ораст, водя по карте пальцем. — Это Бельверус, столица Немедии, где мы сейчас находимся. А вот границы немедийских земель — на юге и юго-востоке лежат Офир и Коринфия, на востоке — Бритуния, а на западе — Аквилония.

— Это карта мира, которого я не знаю, — тихо произнес Ксальтотун, но Ораст не заметил жесткого огня ненависти, запывавшего в его темных глазах.

— Это карта мира, который ты сможешь нам изменить! — твердо сказал бывший жрец. — Сначала нужно посадить Тараска на трон Немедии. Но сделать это необходимо бескровно, причем таким способом, чтобы не навлечь на него подозрений. Ни к чему, чтобы страну разрывала на части гражданская война, — эти силы понадобятся для войны против Аквилонии. Вот если бы король Нимед с сыновьями умерли естественной смертью, например, от какой-нибудь болезни, Тараск мирно и спокойно взойшел бы на трон, как ближайший наследник.

Ксальтотун молча кивнул, и Ораст продолжил:

— Второе задание более трудное. Для того, чтобы трон Аквилонии занял Валерий, войны не избежать. А это значит, что наше королевство столкнется с сильным противником. Это упорный и воинственный народ, чья твердость закалялась в схватках и войнах с племенами пиктов, воинами Зингары и Киммерии. Уже пять сотен лет Аквилония и Немедия находятся в состоянии войны, но последнее слово всегда оставалось за армией Аквилонии.

Их правитель — лучший боец среди воинов западных земель. Он иноземный авантюрист, захвативший корону путем победы в гражданской войне. Он сверг власть короля Нумедидеса и сам воцарился на его троне. Зовут этого проходимца Конан, и нет пока человека, который справился бы с ним в открытом бою.

Настоящим же, законным наследником трона является Валерий. Он был изгнан из своей страны как родственник Нумедидеса и уже много лет провел за пределами отечества. Однако в жилах его течет кровь давней королевской династии, и многие бароны Аквилонии тайно желали бы падения Конана, у которого в крови не то что королевского, — благородного-то ничего нет. Но простонародье относится к нему лояльно, так же, как и дворянство отдаленных провинций. Если, однако же, его армия будет разбита в бою и, — все может случиться, — сам Конан в том же бою погибнет, взойти на трон Валерию будет несложно. Со смертью Конана перестанет существовать еще один центр враждебной нам власти.

— Хотел бы я посмотреть на этого короля, — задумался Ксальтотун, поглядывая на серебряную настольную лампу, стоящую в одной из ниш стены. Абажур лампы не давал отражения, но по выражению лица чародея Ораст догадался, чего тот хочет.

Ораст почтительно склонил голову, словно хороший подмастерье, без слов уловивший пожелание настоящего мастера, и произнес:

— Я постараюсь тебе его показать!

Он сел перед абажуром на мягкий стул и уперся в матовую поверхность гипнотизирующим взглядом. И вдруг из бледной глубины металла начали подниматься вереницы размазанных теней. Выглядело это страшновато, но присутствующие поняли, что их глазам является видимое в образах отображение мыслей самого Ораста, — в этом проявлялась его магическая сила. Неожиданно туман рассеялся и изображение приобрело удивительную четкость — все увидели рослого, широкого в плечах мужчину с сильной грудью, грубой жилистой шеей и мускулистыми конечностями. Он был одет в шелк и бархат, его богатый кафтан украшали золотые львы Аквилонии, а на ровно расчесанных черных блестящих волосах его блестела корона. Обоюдоострый меч на боку явно заменял собой все регалии. Под его низким, широким лбом каким-то внутренним огнем горели вулканические глаза. Светлое, исполосованное шрамами лицо было лицом воина, и даже шелк не мог скрыть заметной твердости тела.

— Этот человек родился не на хайборийском нагорье, — удивился Ксальтотун.

— Нет, он из Киммерии, выходец одного из диких племен, что населяют серые горные склоны Севера.

— Мы воевали с его предками, — буркнул Ксальтотун, — но, к сожалению, не успели их уничтожить...

— Варвары Киммерии всегда были грозой для жителей юга, — произнес Ораст. — Он достойный сын этой дикой расы, и я слышал рассказы, что никто не в силах ему противостать в бою.

Ксальтотун ничего не ответил, как замороженный глядя в горсть живого огня, что мерцал в его ладони...

В ночи длинно и пронзительно завыл пес...

Глава II

«Порыв Черного ветра»

Год Дракона начался с дыма войн, болезней и народных волнений. Черный мор свирепствовал на улицах Бельверуса, поражая и купца в его товарной лавке, и невольника в сарае, и рыцаря в застолье. Он орудовал, словно банда коновалов. Поговаривали, что это божья кара за грешные мысли и развращенность. Он был быстр и смертоносен, как укус змеи — кожа заболевшего краснела, потом чернела, пару минут несчастный бился на земле в агонии, и после этого смерть окончательно вырывала душу из гниющего тела, оставляя резко бьющий в ноздри запах разложения.

Горячий завывающий ветер беспрестанно веял с юга, отчего на полях гибли посевы, а на пастбищах падал скот.

Народ взывал к небесам и тихо роптал на короля, ибо неизвестно откуда по всему королевству разошелся слух, что под защитой стен своего дворца владыка тайно предается отвратительным занятиям и гнусным оргиям. А потом и во дворец со страшной оскаленной улыбкой голого черепа вползла смерть, и у ног ее за клубился ужасный и отвратительный туман заразы. В одну из ночей умер король и сразу все три его сына, и громкое отпевание их тел заглушила тихий, прерывистый и печальный звон колокольчиков, которыми были увешаны повозки, собирающие с улиц гниющие останки.

В ту же ночь, перед рассветом, веющий уже неделю горячий ветер с юга перестал зловеще шелестеть шелковыми шторами дворца. С севера налетел прохладный вихрь, раздался оглушительный гром, ослепительно засверкали молнии, и хлынул дождь. Рассвет встал чистым, зеленым и светлым, обожженная земля покрылась ковром свежих трав, павшие хлеба вновь потянулись к небу, и мор отступил, выметенный из страны сильным ветром вместе со своими гниющими испарениями.

Говорили, что боги смилостивились, как только умер грешный король со своими отпрысками, и когда в огромном тронном зале короновали его младшего брата Тараска, люд, приветствуя короля, которому покровительствуют боги, выразил свой восторг так, что дрожали стены и башни.

Такая волна народной радости и энтузиазма часто предвещает начало новой войны. Поэтому никто и не был удивлен, когда глашатаи объявили о решении короля Тараска признать подписанное умершим правителем перемирие с западными соседями недействительным и начать мобилизацию войск для войны с Аквилонией. Его намерения были чисты: он призывал к крестовому походу против завоевателей и поработителей, несущих его стране горький позор поражений. Поддерживая Валерия, «истинного наследника аквилонского трона», в своих речах он представлял не врагом Аквилонии, а лишь бескорыстным другом, стремящимся освободить страдающий народ от тирании узурпатора и чужеземца.

А если где и появлялись циничные иронические усмешки, так они касались давнего королевского приятеля Амальрика, в обширное имение которого уплывали и без того уже достаточно оскудевшие богатства королевской казны, но на волне всеобщей популярности Тараска этому не придавалось большого значения. И если умные люди понимали и подозревали, что настоящим, невидимым правителем Немедии является Амальрик, они опасались высказывать вслух эти еретические мысли.

Король и его приближенные выступили в поход против западного соседа во главе

пятидесяти тысяч воинов — тяжеловооруженных рыцарей с развевающимися над шлемами перьями, копейщиков в стальных касках и кольчужных полупанцирях, и наемников в кожаных куртках. Они перешли границу, с ходу взяв приграничный замок, сожгли три горных селения и тут, в долине реки Валки, пройдя всего десять миль в глубь чужой территории, лицом к лицу встретились с армией Конана, короля Аквилонии, — сорокапятитысячным войском, собранным из лучников, воинов с алебардами и цвета аквилонской военной силы — рыцарей. Не прибыли еще только воины из области Пуантен под командованием генерала Просперо, так как путь их лежал от самой дальней юго-западной границы королевства. Задержка была вызвана тем, что Тараск ударил без предупреждения.

Обе армии стояли друг напротив друга на широкой, окруженной крутыми скалами долине, по которой вился сквозь чащу густого кустарника и заросли плакучей ивы неглубокий поток. Маркитантки обеих армий поспешили набрать воды и теперь стояли на противоположных берегах, разделенные водной поверхностью, перебрасываясь камнями и оскорблениями. Последние лучи заходящего солнца ярко освещали золотистый флаг Немедии с алым драконом, что развевался по ветру над установленным на возвышенности, поблизости от восточного края долины шатром короля Тараска. А тени западных скал багряным покрывалом лежали на лагере короля Конана и его шатре, отмеченном штандартом с золотым львом.

Сгустившийся мрак осветили огни походных костров, а ветер стал носить сигналы рожков, позвякивание железа и резкие окрики конных караулов по обоим берегам заросшего ивами потока.

В предрассветных сумерках король Конан вдруг беспокойно зашевелился на своем ложе, которое было не чем иным, как кучей шкур и шелка на деревянной подставке, и с хриплым криком проснулся, подскочив и схватившись за свой меч. Обеспокоенный его вскриком, в шатер вбежал командующий Паллантид, заставший своего короля сидящим на ложе и напряженно сжимающим рукоять меча. По белому, как мел, лицу Конана струился липкий холодный пот.

— Что случилось, Ваше Величество? — обеспокоено произнес Паллантид.

— Как дела в лагере? — спросил Конан. — Стража не спит?

— Пять сотен всадников патрулируют ручей, Ваше Величество, — ответил генерал. — Немедийцы не решились напасть ночью. Как и мы, ждут рассвета.

— А, черт! — буркнул Конан. — Я проснулся от предчувствия, что из темноты ко мне подкрадывается смерть.

Он внимательно посмотрел на массивный золотой светильник, мягким светом горящий посередине шатра и освещающий шелковые портьеры и богатые ковры. Здесь никого не было — ни один раб, ни одна собака не спали у его ног. Но глаза Конана горели тем же самым огнем, каким привыкли пылать перед лицом наивысшей опасности, а меч подрагивал в руке. Паллантид с беспокойством наблюдал за ним, в то время как Конан продолжал прислушиваться.

— Тихо! — зашипел он. — Слышишь? Кто это крадется?

— Семь рыцарей стерегут шатер, Ваше Величество, — произнес Паллантид. — Никто не сможет пройти сюда незамеченным.

— Да нет, не снаружи, — хрипло возразил король. — Мне показалось, что я слышал шаги рядом с собой!

Паллантид быстро и удивленно огляделся.

Стены шатра сливались с тенями в одно целое, но если бы здесь находился еще кто-нибудь кроме него и короля, он бы это заметил... Он вновь покачал головой.

— Никого здесь нет, мой господин. Ты спишь в самом центре своей армии!

— Я уже встречался со смертью, поражающей короля среди тысяч его воинов, — упорствовал Конан. — Ту, что ступает на невидимых лапах и не является глазу...

— Может быть, вам это просто приснилось, Ваше Величество? — произнес немного сбивтый с толку Паллантид.

— Похоже, что действительно приснилось, — согласился король. — Но сон тот был дьявольским. Я будто вновь прошел по тем же длинным и страшным дорогам, которые преодолел, прежде чем стал властелином.

Он замолчал, но Паллантид продолжал безмолвно смотреть на него. Для генерала, как и для большинства его подданных, король оставался загадкой. Паллантиду было известно, что за свою долгую, богатую испытаниями жизнь Конан преодолел множество необычных путей, прежде чем каприз судьбы усадил его на трон Аквилонии.

— Я снова видел поле, на котором родился, — продолжал тот, задумчиво оперев подбородок на свой мощный кулак. — Снова видел, как, одетый в звериные шкуры, кидаю копье в какое-то животное. Снова был наемным солдатом, атаманом разбойников, корсаром у берегов земли Куш, пиратом с острова Барахас, проводником горных троп. Я вновь был каждым из них, и каждый из них мне приснился. Все, кем я был когда-то, прошли мимо меня долгой нескончаемой вереницей, и ноги их издавали в дорожной пыли тихий печальный шорох.

А потом в моем сне явился жуткий темный силуэт, голос которого стал издеваться надо мной. И под конец я увидел себя, лежащего на вот этом самом ложе в своем шатре, и склонившуюся над собой темную фигуру в широкой накидке, с лицом, скрытым капюшоном. Я лежал и не мог пошевелиться, а когда капюшон сполз вниз, под ним оказался улыбающийся мне своими гнилыми зубами страшный, оскаленный череп. Вот здесь я и проснулся.

— Да, это кошмарный сон, — согласился Паллантид. — Но, Ваше Величество, это просто сон и не более того!

Конан покачал головой, скорее с согласием, чем с отрицанием. Он был сыном дикого и суеверного народа, и инстинкты его предков заметно проступали из-под налета цивилизованности.

— Я много видел страшных снов, — произнес он. — Но большинство из них действительно ничего не значили. А этот, черт возьми, был совершенно иным! И кроме того, со дня гибели от черной заразы короля Нимеда меня мучают неприятные предчувствия. Почему мор отступил, как только король умер?

— Говорят, он был грешен...

— Глупости, как всегда! — буркнул Конан. — Если бы мор косил всех, кто в свое время грешил, в стране не осталось бы в живых никого, кроме ликов святых на иконах! Почему же боги, о справедливости которых мне так много твердят жрецы, сначала прибрали сотен пять холопов, купцов и дворянства, а уж потом занялись королем, если проще было напустить заразу прямо на него? Или боги это делали вслепую, как рыбак в тумане? Господи! Да если бы я наносил удары своим мечом с такой же меткостью и точностью, Аквилония давно имела бы нового правителя!

Нет! Черный мор не был обычной болезнью. Он дремлет в мрачных гробницах далекой Стигии и показывается на свет только после заклятий чернокожников. Когда я воевал в армии князя Амальрика во время его похода против Стигии, из тридцати тысяч наших воинов пятнадцать погибло от стрел их лучников, а остальные — от черного мора, налетевшего на нас с юга, как пустынный ветер. Из всех нас выжил я один...

— А почему же тогда в Немедии погибло всего пять сотен? — осторожно подал голос Паллантид.

— Тот, кто вызвал эту болезнь, знал, как положить ей конец! — отрезал Конан. — Вот тогда-то я и понял, что есть в этом что-то зловещее и дьявольское. Кто за этим стоял, нетрудно было догадаться после того, как король Тараск, прославляемый как избавитель народа от гнева

богов, уверенно занял трон. Здесь чувствуется недобрый, далеко идущий умысел. И что ты, к примеру, знаешь о чужеземце, который, как мне докладывали, служит Тараску?

— Лицо его скрыто маской, — ответил Паллантид. — Но говорят, что он прибыл из Стигии.

— Из Стигии! — с гримасой повторил король. — Из адского пекла он прибыл!.. А это что?

— Сигналы труб неприятеля! — забеспокоился командующий. — И им отвечают наши трубы! Уже рассвело, и сотни начинают строиться! Да храни их бог, — многие из них больше не увидят заката солнца.

— Пришли ко мне оруженосцев! — крикнул ему Конан, резко вскакивая и снимая шелковую ночную рубашку, в возбуждении от знакомого предчувствия близкого боя. — Иди к сотникам и узнай, все ли готово. Я выйду, как только надену латы!

Многие из привычек короля так и оставались загадкой для цивилизованных людей, которыми он правил, как, например, его нежелание, чтобы рядом с ним в его шатре или комнате спал кто-нибудь еще. Паллантид поспешно вышел, звеня кольчугой, надетой еще ночью, и быстрым взглядом окинул проснувшийся и уже начавший гудеть, как пчелиный рой, лагерь. Бряцало железо, а между длинными рядами палаток бегали плохо различимые в мутном утреннем свете силуэты людей. На западе в небе все еще слабо мерцали звезды, но на востоке уже стали видны розовые сполохи зари.

Паллантид направился было к стоявшей неподалеку небольшой палатке, где спали оруженосцы, чтобы поторопить их, как вдруг его заставил замолчать и застыть на месте донесшийся из королевского шатра громкий крик ужаса и отзвук глухого удара, сопровождавшегося стуком, обычно издаваемым падающим телом. И еще низкий смех, от которого стыла кровь в жилах.

Командующий громко вскрикнул и, резко повернувшись на пятках, со всех ног рванулся обратно. Второй крик сорвался с его губ в тот момент, когда он заметил лежавшую на полу грузную фигуру короля. Большой двуручный меч валялся неподалеку, а перерубленный центральный шест шатра указывал, куда был нанесен удар. С обнаженным кинжалом в руке Паллантид напряженно и внимательно огляделся, но ничего подозрительного не заметил. Как и прежде, они были с королем наедине.

— Ваше Величество! — бросился он на колени рядом с распростертым телом своего правителя.

Глаза Конана были широко раскрыты, и было похоже, что он находится в сознании и памяти. Но губы его дрожали, и он явно не мог произнести ни единого слова. Не оставалось сомнений и в том, что сам он встать не в состоянии.

У входа в шатер раздались взволнованные голоса. Паллантид быстро поднялся и подошел к входу — там стояли четверо оруженосцев и один из рыцарей, охраняющих королевский шатер.

— Мы слышали крики, — объяснил караульный. — С королем ничего не случилось?

Паллантид испытующе поглядел на них.

— Этой ночью кто-нибудь заходил в шатер или выходил из него?

— Никто кроме вас, мой господин, — ответил рыцарь, и генерал не усомнился в его словах.

— Король споткнулся и обронил меч, — объяснил он коротко. — Возвращайся на пост.

Когда караульный отошел, командующий незаметно кивнул оруженосцам и, когда они вошли за ним в шатер, плотно запахнул полог. Увидев распростертого на земле короля, они побледнели, но резкий жест Паллантида сдержал их крики.

А тот снова склонился над Конаном, который наконец попытался заговорить. На шее его вздулись жилы, и ему удалось немного приподнять голову. Едва различимо он произнес:

— Он там... там, в углу!

Паллантид придержал рукой голову своему господину и в который раз с опаской огляделся.

Он увидел лишь бледные лица оруженосцев, темные шелковые портьеры да тени по стенам. И больше ничего.

— Здесь никого нет, Ваше Величество, — произнес он в ответ.

— Он был там, в углу, — пробормотал Конан, поворачивая свою покрытую львиной гривой голову и делая тщетную попытку подняться. — Это был человек, вернее похожий на человека силуэт, закутанный в какое-то тряпье на манер бандажей мумии, истлевший плащ и рваный гнилой капюшон. Я едва различил его глаза, когда он стоял в тени портьеры. Сначала я подумал, что это тоже просто тень, но потом увидел глаза. Они светились, словно черные бриллианты.

Я попытался достать его мечом, но промахнулся, — черт его знает, как это случилось, и перерубил центральный шест. А он схватил меня за руку, и пальцы его жгли, как раскаленное железо. Вся моя сила куда-то исчезла, я зашатался, а потом земля обрушилась на меня, ударив, словно палицей. Он исчез, а я остался лежать, не способный даже пальцем пошевелить, как парализованный. Проклятье!

Паллантид осторожно поднес его руку к своим глазам. То, что они увидел, бросило его в дрожь — на королевском запястье были отчетливо различимы синеватые отпечатки длинных тонких пальцев. Какой же необходимо было обладать силой, чтобы оставить свой след на такой крепкой руке, как королевская? Он вспомнил смех, услышанный им, когда он подбегал к шатру, и на лбу его выступил холодный пот. Это смеялся не Конан.

— Это был сам дьявол! — прошептал дрожащий от страха оруженосец. — Значит, на стороне Тараска сражаются дети тьмы!

— Заткнись! — резко ответил ему Паллантид...

Рассвет уже погасил все звезды. С гор налетел прохладный ветер, донесший звуки далеких рожков. Отзвук этот заставил задрожать бледное лицо короля. Вены на висках его вздулись, и он предпринял еще одну упорную попытку разорвать невидимые цепи, приковывающие его тело к земле.

— Наденьте на меня латы и привяжите к седлу, — сдавленным шепотом произнес он. — Я должен пойти туда...

Паллантид отрицательно покачал головой, но один из оруженосцев обеспокоено тронул его за тунику:

— Мы все погибнем, если неприятель узнает, что наш король в таком состоянии! Ведь только он может принести нам веру в благополучный исход битвы!..

— Помогите мне перенести его на ложе, — ответил на это генерал. Его послушались, осторожно уложив бессильное тело Конана на грудь шкур и укрыв сверху шерстяным плащом. Потом Паллантид обернулся к четверым оруженосцам и, прежде чем обратиться к ним, долго и внимательно вглядывался в их побледневшие лица.

— Все мы должны навсегда сохранить в тайне то, что произошло в королевском шатре. Теперь от нас зависит жизнь королевства... Один из вас пускай идет и приведет Валанна, сотника копейщиков.

Назначенный склонил голову и поспешно вышел, а Паллантид вновь склонился над поверженным правителем. А снаружи уже громко ревели трубы, гремели барабаны и с лучами солнца все больше нарастал шум тысяч людских голосов.

Через некоторое время в сопровождении вызванного офицера возвратился посланный оруженосец. Тот, кого он привел, был рослым, широким в кости мужчиной, с мощной мускулатурой и фигурой, внешне очень похожей на короля. Разве что волосы его были не черные, а серые, да лицо не столь выразительным.

— Король слег от необычной болезни, — спокойно объяснил ему Паллантид. — Тебе выпала высокая честь — ты наденешь его латы и сам поведешь нашу армию в бой. Никто не

должен знать, что это не король сидит в седле его черного скакуна.

— Это дело, за которое любой с радостью отдал бы жизнь! — ответил слегка озадаченный офицер. — И клянусь, что не опозорю возложенной на меня миссии.

И под пылающим бессильной яростью взором Конана, сочетавшим в себе гнев и горечь унижения, оруженосцы сняли с Валанна его кольчугу, стальной шлем и наголенники и облачили в черный королевский панцирь и шлем с забралом, над высоким гребнем которого развевался длинный черный султан. Сверху на панцирь была надета шерстяная накидка с вышитым на груди золотым королевским львом и широкий ремень с золотой пряжкой, крепящей ножны со вставленным в них двуручным мечом, чья золотая рукоять была украшена драгоценными камнями. Пока они это делали, звуки труб слились в оглушающий протяжный рев, послышалось бряцание оружия, и из-за реки донесся глухой топот — там разворачивались в боевой порядок полки противника.

Одетый в полное боевое снаряжение Валанн преклонил колено перед распростертым на ложе телом короля.

— Господин мой! Я клянусь, что не покрою позором твое оружие!

— Принеси мне голову Тараска, и я сделаю тебя бароном! — Страдание стерло с Конана последний налет цивилизованности, глаза его запылали еще сильнее, а голос задрожал такой ненавистью и жадной кровью, на которую только были способны варвары с далеких взгорий Киммерии.

Глава III

«Обвал»

Армия Аквилонии уже стояла в полной боевой готовности— длинные сомкнутые шеренги воинов, закованных в блестящую сталь. А когда из королевского шатра появилась огромная фигура в черной броне и уселась в седло черного жеребца, едва сдерживаемого четырьмя оруженосцами, тот заржал так, что задрожали горы. И, потрясая клинками, ему вторили рыцари в позолоченных латах, копейщики в кольчугах и стальных чепцах и лучники с огромными луками, приветствуя громогласным хором короля-воина.

Армия неприятеля, стоявшая на другой стороне долины, тоже пришла в движение и стала подступать по пологому спуску к кромке воды. Сталь ее оружия уже можно было различить сквозь утренний туман, клубящийся у конских ног.

Аквилонские воины не спеша пошли им навстречу. Легкая трусца панцирных всадников сотрясала землю. Стяги и штандарты развевались на ветру, а лава копий с шелестящими на них лентами то поднималась, то опускалась, как ковыль в степи.

Десять неразговорчивых боевых ветеранов в черных панцирях, умеющих держать язык за зубами, неотлучно стерегли королевский шатер, из-за полураспахнутого полога которого выглядывал несущий здесь дежурство оруженосец. Никто, кроме нескольких посвященных, не ведал, что это не Конан восседает на огромном черном жеребце во главе своих войск.

Аквилонские воины сформировали свой традиционный строй: центр занимали главные силы — полки тяжеловооруженных рыцарей, крылья представляли несколько меньшие отряды, состоящие из конного дворянства, поддерживаемого копейщиками и лучниками. Последние прибыли из Боссонии и Западного Пограничья. Это были крепкие, коренастые люди, одетые в кожаные безрукавные куртки и плоские стальные шлемы.

Армия Немедии была сгруппирована почти так же. Оба войска подошли к реке, причем крылья немного отстали от центра. И во главе аквилонской армии, перед ее ударным центром, над закованной в сталь фигурой на черном жеребце, развевался по ветру гордый стяг с золотым львом.

А в это время Конан, лежа в своем королевском шатре, стонал от душевных переживаний и бормотал незнакомые грязные проклятия.

— Войска сближаются, — сообщил оруженосец. — Слышно, как гремят трубы! Ого! Солнце искрится на остриях копий и шлемах так, что больно глазам! Море красок!.. С обеих сторон полетели тучи стрел, падающих, как смертоносный ливень, и заслоняющих небо. Ого! Лучше цельтесь, ребята! А боссонцы стреляют точнее, чем немедийцы! Слышите, как они кричат?!

До ушей короля, до этого различавших только рев труб и звон стали, действительно донесся дикий воинственный крик. То кричали лучники, отпускающие тетиву и пускающие свои стрелы в цель, в упоении от результатов.

— Их стрелки пытаются навязать нашим ближний бой, чтобы дать своим всадникам возможность подойти к воде, — с той стороны берег достаточно пологий. Их рыцари вошли в заросли кустарника! Ого! Наши стрелы находят каждую щель в их панцирях! Они, как подкошенные, валятся с коней и сползают в воду. Она не глубока, но и не такая уж мелкая, — они тонут, затянутые на дно тяжестью лат и затоптанные копытами ошалевших коней. А теперь наступает наша конница — рыцари въезжают в воду и вступают в бой с противником. Вода под лошадьми пенится, а звон мечей просто оглушает!

— Черт возьми! — вырвалось у Конана. Силы вновь постепенно начали возвращаться к нему, хотя он и сейчас еще не мог совладать со своим распростертым телом.

— Фланги сошлись! — продолжал тем временем наблюдающий. — Алебардчики уже дерутся прямо в воде, а из-за их спин продолжают стрелять лучники.

Слава богу! Арбалетчики немедийцев уже перебиты, и боссонцы стали целиться вверх, чтобы достать дальние ряды неприятеля. Центр вражеской армии не продвинулся ни на пядь, а ее крылья даже удалось отбросить от берега!

— Черт побери!.. О, Господи!.. — хрипел Конан. — Боги и сам Сатана! Помогите мне встать, я должен быть там, пускай даже погибну в первое же мгновение!

Этот бой, как буря, гремел целый день. Долина дрожала от атак и контратак, свиста стрел, треска ломающихся пик и копий. Но войска Аквилонии держались стойко. Один раз, отброшенные от реки, они отвоевали утраченное в мощной контратаке, ведомые королевским штандартом, развевающимся над всадником на черном жеребце. Они стояли на своем берегу, как стальная стена. И вдруг немедийцы стали отступать от реки.

— Их крылья отошли от наших! — закричал оруженосец. — И рыцари тоже отступают. Что это? Твой королевский штандарт двинулся вперед, и центр нашей армии входит за ним в реку! О, боже, Валанн повел их на другой берег!

— Глупец! — зло пробормотал Конан. — Может быть, это ловушка?! Его задача — только удерживать позиции, пока не подойдет из Пуантена Просперо со своим корпусом!

— Рыцари попали под сильный обстрел, но продолжают продвигаться дальше... Они переправились! Атакуют горный склон! Паллантид послал им на помощь за реку оба фланговых крыла. Это все, что он сейчас может сделать. Твой штандарт виден в самом центре схватки.

Немедийские рыцари пытаются сопротивляться. Ура! Их ряды смяты! Они отступают! Левое крыло бежит со всех ног, а наши копейщики наступают им на пятки. Сам Валанн рубится как ошалелый. Им овладела жажда крови. Люди уже не слушаются Паллантида и идут за Валанном, принимая его за тебя, ведь он дерется с опущенным забралом.

Гляди-ка! С пятью тысячами отборных рыцарей он начинает охват фронта противника, среди которого уже поднимается паника. Вот оно что — фланги неприятеля упираются в обрыв, в нем есть неохраемая расселина, словно трещина от удара. Валанн увидел ее и теперь хочет использовать свой шанс. Он отбросил вражеский заслон и повел людей к этой расселине. Он хочет пробиться по ней в тыл армии Тараска!

— Это западня! — прорычал Конан, с трудом приподнимаясь над ложем.

— Нет! — закричал в ответ оруженосец. — Они уже начали появляться из этой щели позади рядов противника! А тот явно не ожидал, что дело пойдет так далеко! Ох, глупец, глупец Тараск, проливший столько крови! Но что это?..

Он неожиданно замолчал, а стены и пол шатра заходили ходуном, а вдали, заглушая шум битвы, раздался неопределимо зловеющий, глубокий хриплый гром...

— Это дрожат скалы! — заорал оруженосец. — Господи! Река вспенилась и вышла из берегов, земля дрожит, всадники падают с коней! Скалы! Падают скалы!..

Его последние слова заглушили гром и мощный удар, вновь всколыхнувший землю. Над полем битвы раздались громкие крики смертельного ужаса.

— Это рухнула скала! — продолжал испуганный наблюдающий. — Ее обломки упали вниз, в расселину, похоронив всех, кто там был! Там же исчез наш флаг с золотым львом! Немедийцы празднуют победу! Да, им есть отчего радоваться... Скалы погребли пять тысяч наших лучших рыцарей...

До слуха Конана стали доноситься громкие испуганные голоса, все более и более различимые:

— Король погиб! Король погиб! Спасайтесь! Бежим! Король мертв!

— Клевета! — зашипел Конан. — Псы! Мерзавцы! Трусы! О, черт! Мне бы только встать... только доползти до реки с мечом в зубах! Ну как там, парень? Наши бегут?

— Еще как... — с отчаяньем в голосе подтвердил тот. — Бегут к реке, разбитые и гонимые, как морская пена штормом. Я вижу Паллантида, пытающегося остановить бегущих... он падает, затоптанный копытами коней! Рыцари, лучники, алебардчики — все бросаются в реку, превращаясь в один несчастный ошалевший поток. Немедийцы насаждают им на спины, кося их, как хлеб в поле!

— Нужно закрепиться на том берегу! — закричал Конан. С усилием, от которого тело его покрылось каплями пота, он сумел приподняться на локтях.

— Нет! Они не могут! Они разбиты! Их гонят! О, господи, зачем я дожил до этого дня?

В этот момент оруженосец неожиданно вспомнил о своих обязанностях и крикнул охранникам, неподвижно и бесстрастно наблюдавшим за бегством товарищей:

— Приведите скорее коня! Нам нельзя больше здесь оставаться!

Однако они не успели выполнить его приказа — их накрыли первые порывы приближающейся смертоносной бури. Рыцари, копьеносцы и лучники бежали между шатров и палаток, спотыкаясь о колья и шнуры, а прорывающиеся между ними всадники противника рубили их на обе стороны. Веревки лопались, в нескольких местах уже запылало пламя, начавшее свою губительную работу. Один за другим охранявшие королевский шатер рыцари погибли, не сойдя со своих постов, и кони врага стали топтать их окровавленные останки.

Оруженосец быстро застегнул полог шатра, чтобы в пекле схватки никто не заметил, что здесь еще кто-то есть. Бегущие и их преследователи с грохотом и криками пронеслись мимо, исчезнув где-то в отдалении, и когда, наконец, воин вновь выглянул наружу, то заметил лишь небольшую группу людей, направляющуюся в эту сторону.

— Это король Немедии с четырьмя телохранителями и оруженосцем, — сообщил он. — Признай свою капитуляцию, мой господин...

— Пошли они все к дьяволу! — заскрежетал зубами Конан. Нечеловеческим усилием он заставил себя сесть, спустить ноги на пол, а потом встал, шатаясь, как пьяный. Оруженосец метнулся было помочь ему, но тот отпихнул его руки.

— Подай вот это! — резко произнес он, указывая на большой лук и колчан со стрелами, висевшие на одном из опорных шестов.

— Но, Ваше Величество... — запротестовал растерянный юноша. — Монарху полагается капитулировать с достоинством, присущим королевской крови!

— В моих жилах ее нет! — зарычал Конан. — Я варвар, и отец мой был простым кузнецом!

Схватив лук, он шагнул к выходу. Одетый только в короткие кожаные бриджи и безрукавку навывпуск, открывающую взорам его сильную волосатую грудь и бугры мышц на плечах, он пошел, однако, такой походкой, и таким огнем полыхали его блестящие глаза под черной разметанной гривой, что оруженосец попятился, испуганный видом своего короля больше, чем всей армией Немедии.

Нетвердо ступая на широко расставленных ногах, Конан наконец добрался до выхода из шатра, отстегнул полог и остановился в его проеме. Король Немедии со спутниками только что спустились с коней и теперь стояли, как вкопанные, уставившись на его крупную фигуру.

— Да, это я, шакалы! — взревел Конан. — Я, король! Чтоб вы сдохли, плешивые псы!

С этими словами он до отказа натянул тетиву лука и пустил полуметровую стрелу, которая, просвистев, по самое оперение утонула в груди заслонившего собой Тараска рыцаря. Раздосадованный Конан с проклятием швырнул бесполезное оружие на землю.

— Черт бы вас всех побрал! Ну, возьмите меня, если у вас хватит на это смелости!

Отступив на ватных ногах назад, он оперся спиной о деревянный шест и взял в руки огромный меч.

— О, господи, да это же король Аквилонии! — оторопело сглотнул Тараск. Он еще раз внимательно посмотрел, а потом рассмеялся — Значит там, в поле, была лишь кукла в его латах! Вперед, мои верные псы, хватайте его!

Трое рыцарей, украшенных эмблемами королевской гвардии Немедии, с криком бросились на Конана. Один из них, зайдя с фланга, сначала ударом палицы повалил оруженосца. Но вот двум другим не повезло. Когда первый из них подбежал поближе с поднятым мечом, король Аквилонии встретил его резким ударом, рассекшим кольчугу вместе с рубахой и отделившим руку нападавшего от его тела. Несчастный, падая навзничь, попал под ноги второму воину. Тот пошатнулся и, не успев восстановить равновесия, умер, перерубленный пополам ударом тяжелого длинного меча.

Тяжело дыша, Конан высвободил свой клинок и вновь откинулся на шест. Руки и ноги его дрожали, грудь тяжело вздымалась, а пот рекой скатывался по лицу и шее. Но глаза все еще продолжали пылать жестокой жаждой крови, и он сумел выдать:

— Ну что же ты не подойдешь ближе, грязная бельверусская собака? Ты слишком далеко, чтобы достать меня, подойди ближе! Доставь мне удовольствие убить тебя!

Тараск заколебался и нерешительно оглянулся на единственного оставшегося в живых гвардейца и своего оруженосца, — худого, жилистого человека в черных латах, но все-таки сделал шаг вперед. Он явно уступал огромному уроженцу Киммерии по росту и силе, но был, в отличие от того, закован в панцирь, и, кроме этого, по всей Немедии была широко известна его громкая слава искусного фехтовальщика. Но тут оруженосец схватил его за руку.

— Нет, Ваше Величество, не стоит рисковать жизнью. Проще позвать лучников, а уж они-то подстрелят эту птичку!

В легком замешательстве схватки никто, кроме Конана, и не заметил, что неподалеку от шатра остановилась только что подъехавшая повозка. При взгляде на нее в душе короля Аквилонии появились какие-то недобрые предчувствия. Немного сверхъестественно смотрелись уже впряженные в нее совершенно черные кони, но особенно притягивала взор фигура возницы.

Это был рослый, внушительной наружности мужчина, одетый в серую шерстяную накидку. Волосы его были уложены так, что прикрывали большую часть лица, на котором светились черные пронзительные глаза. Натянув зажатые в своих белых, но крепких руках вожжи, он осадил коней и пристально посмотрел на Конана, в душе которого мгновенно проснулись дикие примитивные инстинкты. Он почувствовал дыхание неведомой опасной силы, — сверхъестественная природа ее была очевидна.

— Поздравляю тебя, Ксальтотун! — только сейчас обратил на незнакомца внимание Тараск. — Это сам король Аквилонии! Он не погиб, как мы считали, под обвалом...

— Знаю, — коротко ответил тот, не уточняя, однако, откуда. — Ну и что ты намерен с ним сделать?

— Сейчас позову лучников, чтобы подстрелить его, — объяснил король Немедии. — Живой он слишком опасен!

— Но ведь даже от собаки может быть польза, — возразил Ксальтотун. — Возьмите его живым!

Конан хрипло рассмеялся.

— Иди, попробуй сам! — вызывающе крикнул он. — Если бы ноги мои не дрожали, ты бы живо слетел со своего рыдвана! Будь спокоен — живым я не дамся!

— Думаю, это правда, — согласился Тараск. — Это не человек, это варвар, похожий своей бессмысленной дикостью на раненого тигра. Я позову лучников...

— Смотри и учись! — оборвал его тот, кого звали Ксальтотуном.

Ладонь его исчезла в складках балахона и вновь появилась с зажатым в пальцах маленьким блестящим шариком. Молниеносное движение пальцев — и блестящий предмет крошечной искрой прошел воздух. Конан успел отразить его лезвием меча, но в момент удара раздался резкий грохот, полыхнуло ослепительное пламя, и он, словно подкошенный, рухнул на пыльную землю.

— Он мертв? — с надеждой в голосе спросил Тараск.

— Нет. Просто-напросто оглушен. Потерял сознание на несколько часов. Прикажи своим людям связать его покрепче да перетащить в мою повозку.

Тараск жестом приказал слугам повиноваться и стал наблюдать, как они потеют, перенося тяжелое бессознательное тело. Ксальтотун аккуратно прикрыл Конана шелковым плащом, спрятав от лишних посторонних глаз, и взял в руки вожжи.

— Я еду в Бельверус, — сообщил он. — Передай Амальрику, — моя помощь ему больше не понадобится. Теперь, когда король Аквилонии пленен, а его армия разбита, он может полагаться на свои собственные силы — мечи и копья. Этого хватит, чтобы довершить начатое. Просперо, не успевший привести на помощь нашему противнику свои десять тысяч воинов, услышав об исходе битвы, уже со всех ног отступает к Тарантии.

...Да! Запомни еще одно: Амальрику, Валерию, да и вообще никому другому о нашем пленнике ничего не рассказывай. Пускай все считают, что он действительно погиб под обвалом.

Глаза говорившего переместились на стоявшего неподалеку гвардейца. Наступила неловкая тишина, и тот начал беспокойно ерзать под тяжелым гипнотическим взглядом.

— Что это у тебя на брюхе? — неожиданно и резко спросил его Ксальтотун.

— Что?.. А! Это, с вашего позволения, мой пояс... — пробормотал совершенно сбитый с толку воин.

— Лжешь! — торжествующий смех был безжалостен, как лезвие ножа. — Это же ядовитая змея! Что ты за глупец, если подпоясываешься ядовитой гадиной!

Гвардеец ошалело опустил широко раскрытые глаза вниз, и вдруг ему показалось, что пряжка его ремня начинает подниматься к его лицу... Но это уже была не пряжка, а голова змеи! Немигающий злобный взор и истекающие ядом зубы! Раздалось тихое шипение, и он почувствовал холодное прикосновение чешуйчатой кожи...

Испуганно вскрикнув, воин ударил змею голой ладонью, с ужасом осознав, что ядовитые зубы погрузились в его руку, пошатнулся и упал, как колода.

Тараск обеспокоено взглянул на распростертое у его ног тело — он увидел лишь пояс с пряжкой, двойной зубец которой глубоко впился в ладонь трупа.

А Ксальтотун теперь смотрел на королевского оруженосца, к этому моменту уже успевшего задрожать и побледнеть, как мел. Но Тараск вовремя вступился:

— Не надо! Ему можно доверять!

— Ну ладно. Только смотри, чтобы все, что здесь произошло, осталось тайной! Когда я вам понадобится, пусть ученик Ораста — Альтаро позовет меня, как я ему объяснил. Я буду в Бельверусе, в твоём дворце. — С этими словами он помахал рукой и дернул вожжи.

Тараск поднял руку в ответном прощальном жесте, и, когда повозка немного отъехала, лицо его неожиданно исказила гримаса неопишемого удивления, страха и неприязни.

— Почему ты пощадил этого варвара?.. — прошептал пораженный оруженосец, не в состоянии оторвать взгляда от удаляющейся фигуры чернокнижника.

— Я сам удивляюсь... — пробормотал в ответ не менее растерянный король Немедии. Глухое эхо заканчивающейся битвы затихало где-то вдаль, как и стук окованных железом колес покидающей их повозки. Заходящее солнце багряным сиянием освещало неподвижные скалы, и

уже почти неразличимая упряжка скоро окончательно скрылась в огромных пурпурных тенях, встающих на востоке...

Глава IV

«Из какого же ты выполз пекла?»

О своей долгой поездке в повозке Ксальтотуна Конан ничего не помнил. Он лежал, словно мертвый, в то время как колеса стучали то по бульжникам горных дорог, то мягко шелестели по высоким травам зеленых долин, и, когда они спустились с нагорий вниз, по широкой белой дороге, что вилась меж богатых полей до самых стен столицы Немедии.

Сознание начало возвращаться к нему лишь под рассвет. Он услышал человеческие голоса и скрип тяжелых петель, рассмотрев сквозь щель в укрывавшем его плаще бородатые лица стражников и смутно видневшиеся в неясном свете какие-то высокие сводчатые ворота. Мечущийся огонь факелов, дробясь, отражался в полированных шлемах и наконечниках копий окруживших повозку гвардейцев.

— Простите, уважаемый, вы нам не скажете, как закончилось сражение? — произнес по-немедийски чей-то любопытный голос.

— Достаточно успешно, — последовал лаконичный ответ. — Король Аквилонии убит, а его армия разбита.

Раздался хор обрадованных голосов, утонувший в грохоте повозки по каменным плитам. Ксальтотун щелкнул бичом, из-под колес брызнули искры, и упряжка покатила прочь от ворот. Но Конан успел услышать, как один из стражников удивленно пробормотал:

— От самой границы до Бельверуса всего от захода до восхода солнца! И кони не загнаны! Господи, да он просто...

Потом вновь наступила тишина, прерываемая лишь стуком копыт и колес по брусчатке темной улицы.

Услышанное запало Конану в память, но в данный момент эти слова для него ничего не значили. Он все еще оставался бездушным автоматом, способным видеть и слышать, но не способным что-либо понять. В голове его медленно кружились неясные мысли и образы, и вскоре он снова впал в глубокий транс, так и не сумев зацепиться за крошечные обрывки непослушных мыслей. Он не слышал, как кони остановились в глубоком, словно колодец, дворике, и не почувствовал, что тело его несут чьи-то сильные руки. Гулкие, ведущие вверх каменные ступени, темные коридоры, шепот, тени, тихие шаги — все проплывало мимо его сознания, далекое и ничего не значащее.

Окончательное пробуждение было резким и быстрым. Он мгновенно вспомнил все события битвы, ее окончание и осознал, где находится. Конан лежал на застеленном шелковым покрывалом топчане, скованный по рукам и ногам прочными цепями, и порвать их не было никакой возможности. Комната, где он пришел в себя, была оформлена в страшноватом мрачном духе: со стен свисали черные шелковые портьеры, тяжелые пурпурные диваны вызвали кровавые ассоциации. Не было заметно никаких признаков окон и дверей, и лишь одна большая золотая лампа, подвешенная на софите в нише, освещала все вокруг таинственным искрящимся сиянием.

В ее свете фигура, сидящая перед Конаном в серебряном, похожем на трон, кресле, казалась нереальной и фантастичной. Но черты ее лица, даже в полусвете, были видны с необычайной четкостью. Казалось, будто голову незнакомца окружает удивительное сияющее облако, подсвечивающее рельеф его бородатого облика и придающее ему последний признак внешнего мира в этой темной жутковатой комнате.

Лицо человека, имеющего классические, скульптурно красивые черты, властно притягивало к себе взгляд. Было что-то неестественное в его покое, какой-то неуловимый признак силы, более могучей, чем человеческая, признак глубочайшего знания и мудрости, и потрясающая уверенность в себе.

Неприятная дрожь ускользящего близкого предчувствия вновь наполнила душу короля Аквилонии. Он точно знал, что никогда ранее с этим человеком не встречался, но эти черты ему почему-то уже были знакомы, они напоминали что-то или кого-то. Словно он встретился с действующим лицом одного из своих ночных кошмаров.

— Кто ты? — резко спросил Конан, пытаясь, несмотря на оковы, принять сидячее положение.

— Меня зовут Ксальтотун, — прозвучал ответ сильного мелодичного голоса.

— Где мы сейчас?

— В Бельверусе, в одной из комнат королевского дворца.

Конан не удивился. Столичный Бельверус был самым крупным городом вблизи западных границ Немедии.

— А где Тараск?

— Со своей армией.

— Но, — буркнул Конан, — если ты хочешь покончить со мной, чего же ты медлишь?

— Я не для того тебя спас от королевских лучников, чтобы иметь удовольствие убить тебя здесь, в Бельверусе, — возразил Ксальтотун.

— А что ты сделал со мной там, у шатра, тысяча чертей!?

— Просто лишил тебя сознания. Тебе этого не понять. Можешь считать это черной магией.

До этой мысли Конан уже дошел самостоятельно. Многие начинало становиться на свои места.

— Думаю, я понял, зачем ты сохранил мне жизнь, — произнес он. — Я нужен Амальрику, как пес на Валерия, чтобы тот слишком не зарывался и не мнил себя полноправным королем. Это неплохая мысль. Выходит, что за попыткой усадить Валерия на мой трон стоит сам барон Тор. Но уж его-то я знаю, — он не захочет допустить, чтобы Валерий был кем-либо иным, кроме как марионеткой, которой сейчас служит Тараск.

— Амальрик даже не знает, что ты здесь! — спокойно ответил собеседник. — Точно так же, как и Валерий. Оба они считают, что ты погиб под Валкой.

Конан прищурил глаза.

— Я чувствовал далеко идущий замысел, но был уверен, что это Амальрик... Так, значит, все они — Амальрик, Тараск и Валерий — всего лишь куклы, танцующие под твою дудку? Но кто же тогда ты сам?

— Разве это так важно? Ты просто не поверишь, если я расскажу тебе правду. Но если ты захочешь, можно вновь вернуть тебе трон Аквилонии.

Глаза Конана стали похожи на волчьи.

— А за какую цену?

— Ты будешь меня слушаться.

— Иди ты к дьяволу! — сплюнул Конан. — Я не кукла! Я мечом добыл себе корону! И не в твоей воле жонглировать тронем моей страны! Королевство еще не разбито, — одна битва еще ни о чем не говорит.

— Воевать можно не только железом, — терпеливо возразил Ксальтотун. — Разве меч повалил тебя в твоём шатре перед началом сражения? Нет, — то был сын тьмы, пилигрим межзвездных пустынь. Это его веющие ледяным холодом черных бездн пальцы заморозили кровь в твоих жилах и высосали все твои силы! Пальцы до того холодные, что сожгли твоё тело, словно

раскаленное добела железо!

А скажи, — какая случайность заставила человека, одетого в твой панцирь, повести рыцарей в расселину между скалами? И какая случайность обрушила на них глыбы гранита?

Конан молча глядел ему в лицо, но по спине его ползли мурашки. Жизнь любого варвара была до предела насыщена мифическими магами, чернокнижниками и колдунами, и только глупец теперь мог подумать, что Ксальтотун не принадлежит к ним. В сидящем перед ним человеке чувствовалось что-то непостижимое, непонятное свидетельство сверхчеловеческого влияния на силы Времени и Пространства, веющее дыханием огромного ужаса и зла. Но гордость не позволяла ему уступить.

— Все равно обвал — случайность, — упрямо сказал он. — А ту расселину стал бы атаковать любой.

— Вовсе нет. Ты бы не пошел туда, заподозрив ловушку. Да и перед этим: ты не перешел бы реки, пока не убедился в том, что бегство противника — не обычная военная хитрость. И даже в безумии схватки твоя душа не послушалась бы гипнотического внушения, чтобы забыв про осторожность, вслепую сунуть голову в западню, как это произошло с человеком, заменившем тебя на поле брани. У него была не такая сильная воля.

— Но если все это было запланировано уже заранее, — скривился Конан, — и участь моей армии была предрешена, что же помешало «сыну тьмы» убить меня еще в шатре?

— Ты был мне нужен живым. Даже без помощи магии можно было догадаться, что Паллантид выйдет кого-то другого в твоём одеянии. Я надеялся взять тебя живым и здоровым. Ты можешь пригодиться при выполнении моих планов. В тебе есть настоящая звериная сила, которой так не хватает моим союзникам. Жаль, что ты считаешь меня своим врагом, — из тебя вышел бы неплохой вассал.

Конан даже поперхнулся, услышав эти слова, однако Ксальтотун не обратил на его ярость никакого внимания. Вместо этого он взял со столика, стоявшего неподалеку, небольшой хрустальный шар, поднес к лицу и выпустил из рук. Тот неподвижно завис прямо в воздухе, и было ясно, что это не шарлатанство — он не был подвешен каким-то хитрым способом. Он просто висел, словно помещенный на незыблемое основание. Конан с неприязнью следил за проводимыми в его присутствии магическими фокусами, но был все-таки заинтригован.

— Хочешь узнать, что сейчас происходит в Аквилонии? — спросил чернокнижник. Ответа не последовало, но глаза его пленника выдали заинтересованность.

Хозяин комнаты всмотрелся куда-то в глубину шара и произнес:

— Сейчас там вечер следующего дня после сражения под Валкой. Главные силы Немедии еще минувшей ночью встали лагерем в долине, а отряды всадников до сих пор преследуют бегущих. С рассветом армия погрузилась в обоз и двинулась дальше на запад. Просперо из Пуантена, со своим десятитысячным корпусом был всего в нескольких милях от поля битвы, когда на рассвете наткнулся на бегущих оттуда воинов. Он упорно шел всю ночь, но так и не успел к сроку, и был вынужден сразу отступить к Тарантии, будучи не в состоянии объединить разрозненные остатки разбитой аквилонской армии. Объявив мобилизацию конного транспорта в попутных селениях, он уже почти довел своих измученных воинов до столицы.

Я вижу его утомленных рыцарей в серых от дорожной пыли доспехах, что гонят вперед своих не менее усталых коней. Вижу улицы Тарантии. В городе хаос. Сюда уже каким-то образом дошла весть о поражении и смерти короля Конана. Ошалевшая толпа дрожит от страха — король погиб, и нет никого, кто смог бы ее защитить от немедийского вторжения. Исполинская тень надвигается на Аквилонию с востока, где небо уже почернело от дыма пожаров...

Это задело Конана за живое:

— Чем докажешь, что это — не пустые слова? Любой придурок с городской площади мог бы порассказать то же самое! И если ты утверждаешь, что все это увидел в этом паршивом шарике, то ты просто лжец и мерзавец, в чем нет никаких сомнений! Просперо удержит Тарантию, опираясь на поддержку сплотившихся вокруг него баронов. Объединившись с Пуантенским правителем Троцерио, который вместо меня станет управлять королевством, они прогонят всех немедийских псов и заставят их с визгом вернуться в свою псарню! Что такое пятидесятитысячная армия? Аквилония ее раздавит! Эти люди никогда больше не увидят Бельверуса. Под Валкой покончено не с Аквилонией, а всего лишь с ее королем!

— Аквилония уже погибла! — твердо возразил ему Ксальтотун. — Ее уничтожат меч, огонь и копье, а если они не справятся, в бой ринутся силы вечного мрака. Точно так же, как скалы вод Валкой, рухнут целые горы и стены городов. Реки выйдут из берегов и затопят долины, да что там долины — области. Но будет все-таки лучше, если мои заклятия не понадобятся, ибо они могут вызвать к жизни такие силы, что в состоянии потрясти мир.

— Из какого же ты выполз пекла, черный пес? — процедил сквозь зубы Конан, в упор глядя на страшного чародея. И помимо своей воли снова задрожал — здесь чувствовалось что-то невероятно древнее и дьявольское сразу.

Ксальтотун продолжал сидеть, неподвижно склонив голову, словно прислушиваясь к шепоту космоса. Казалось, он не слышал нанесенного ему оскорбления. Потом он неторопливо потряс головой и равнодушно взглянул на пленника.

— Что?.. А... — ты не веришь тому, что я тебе сказал... Ладно, я уже устал от нашей бесполезной беседы. Действительно, проще до основания разрушить непокорный город, чем облечь свои мысли в словесную форму, доступную безмозглому дикарю.

— Если бы мои руки были свободны, — уверил его в ответ Конан. — Я быстро сделал бы тебя безмозглым... трупом!

— Не беспокойся — я не настолько глуп, чтобы дать тебе такую возможность, — произнес Ксальтотун и хлопнул в ладоши.

Поведение его неожиданно изменилось: в голосе появилось нетерпение, а в жестах — нервозность, хотя пленник не сомневался, что с ним это никак не связано.

— Запомни, варвар, что я тебе скажу, — вновь заговорил чернокнижник. — У тебя еще есть время подумать. Я просто окончательно не решил, что с тобой сделать. Это зависит от некоторых пока неопределенных обстоятельств. Но лучше вбей себе в голову: если надумаешь стать моим союзником, умерь свой пыл, чтобы не испытывать моего терпения.

Конан уже собрался бросить ему в лицо еще одно проклятие, но в этот момент раскрылись замаскированные двери, и в комнату вошли четверо высоких негров, одетых в серые шерстяные туники и перетянутые поясами, с которых свисали большие ключи.

Ксальтотун нетерпеливым жестом указал на своего пленника и отвернулся, утратив, похоже, к нему всякий интерес. Его пальцы как-то необычно дрожали. Из висевшей у него на груди резной яшмовой коробочки он достал горсть мерцающего черного порошка и высыпал ее в пальник, покоившийся на золотом треножнике у его локтя. Хрустальный шар, о котором он, по-видимому, забыл, упал на ковер, будто лишенный невидимого подвеса.

Чернокожие слуги подняли Конана — он был так обмотан цепями, что не мог двигаться сам, и вытащили из помещения. В то мгновение, когда за ним уже закрывали красиво обитые дубовые двери, он успел оглянуться назад, увидев хозяина комнаты, лежащего в своем похожем на трон кресле со скрещенными руками и вьющуюся перед ним из пальника тонкую струйку дыма. Его пробрала дрожь: в Стигии — древнем и зловещем королевстве далекого Юга — он когда-то уже видел такой черный порошок. Это была пыльца черного лотоса, порождающая подобный смерти сон и чудовищные видения. Он знал также, что лишь полумифические члены

Черного Круга, являющиеся носителями высшего проявления зла, черпают силы из красных кошмаров черного лотоса, чтобы разбудить свою магическую мощь.

Для большинства жителей Запада Черный Круг был всего лишь байкой и вымыслом, но Конану в свое время удалось убедиться в его страшной правдивости и увидеть мрачные святилища, затерянные в лабиринтах темных стигийских могильников и склепов, окутанные темнотой башни, в которых посвященные в культ предавались отвратительным занятиям...

Было неясно — день сейчас или ночь. Дворец короля Тараска казался царством мрака и теней, повелителем которых был, как это чувствовал Конан, его пленитель — могучий Ксальтотун.

Негры шли длинным коридором с низким потолком, и в неясном полусвете казались четверкой вампиров, волокущих добычу в логово. Потом начался нескончаемый спуск по спиральным лестницам, и факел в руке одного из них превращал стены в процессию деформированных теней.

Добравшись, наконец, до подножия очередной спиральной лестницы, они попали в длинную затемненную галерею, по одной из стен которой шел длинный ряд зарешеченных дверей, располагавшихся через равные, в несколько шагов, промежутки.

Остановившись у одной из них, негр, шедший первым, поднял висевший у его пояса ключ и, повернув его в замке, толкнул решетку, после чего пленника заволокли внутрь. Это оказался небольшой каменный мешок, в противоположной стороне которого была еще одна решетчатая дверь. Конан не имел понятия, что за ними скрывается, но было похоже, что там есть еще один коридор. Мерцающий свет факела позволял видеть лишь темную стену, да гулкое эхо голосов и шагов чернокожих тюремщиков отдавалось в скрытых темнотой закоулках.

В одном из углов темницы, рядом с дверью, через которую они вошли, в стену было вмуровано крупное железное кольцо. С него свисал клубок ржавых цепей с лежащим в их смертельных объятиях скелетом. Конан спокойно оглядел его, машинально отметив тот факт, что большинство костей переломано или расколото. Кроме того, оторванный от позвоночника череп служил немым свидетельством чудовищной по силе расправы.

Второй негр, повернув свой ключ в массивном замке, удерживающем оковы с останками, освободил их и отбросил в сторону, закрепив на это место цепи, сковывавшие Конана. А третий чернокожий еще одним ключом запер противоположные двери и удовлетворенно ухмыльнулся, убедившись в надежности запоров.

Теперь все они окинули лежащую перед ними фигуру короля Аквилонии загадочным взглядом — темноглазые черные атлеты с блестящей в свете факела гладкой кожей.

Тот, что держал в руке ключ от входных дверей, не выдержал первым:

— Теперь это твой королевский дворец, белая собака! Кроме нашего господина и нас об этом не знает никто. Это потайная темница. Ты будешь здесь жить, и здесь же сдохнешь. Как он! — и он с отвращением и злобой пнул растрескавшийся череп, со стуком покотившийся по каменному полу.

Конан не нашелся, что ответить на это, а чернокожий, видимо, вдохновленный молчанием пленника, наклонился, бормоча проклятия, и плюнул ему в лицо. Но это дорого ему обошлось.

Конан сидел на полу, обмотанный в поясе цепью, руки и ноги его тоже были скованы, и, кроме того, еще одна цепь страховала эти оковы, притягивая их к поясу. Он не мог ни встать, ни отодвинуться от стены больше, чем на два локтя. Однако цепь, сковывающая сразу оба запястья, имела значительную слабинку. Поэтому, когда голова негра приблизилась на достижимое расстояние, король собрал провис в одну руку и резко ударил обидчика по темени. Из носа и ушей у того брызнула кровь, и он упал на глазах у своих ошеломленных товарищей, словно оглушенный бык.

А те даже не пытались больше приблизиться к Конану, боясь попасть под удар окровавленной цепи. Под конец, бормоча что-то на своем диком наречии, они подняли своего неподвижного соотечественника с разбитым черепом и унесли его, как куль с землей. С помощью его ключа они закрыли входную дверь, сделав это таким способом, что он все равно оставался на поясе оглушенного, забрали факел и ушли, после чего в темницу, будто живое существо, из коридора стала вползать темнота. Негромкие шаги окончательно затихли, и вокруг воцарились безмолвие и мрак...

Глава V

«Ужас каземата»

Конан лежал тихо, снося тяжесть оков и унижение своей безнадежной ситуации со стойкостью, присущей мужчинам дикого племени, породившего его. Он старался не двигаться, так как звон цепей при смене положения тела оглашал тишину беспомощным эхом. А инстинкт, доставшийся ему в наследство от тысяч его полудиких предков, подсказывал, что ни за что нельзя показывать бедственности своего положения, каким бы тяжелым оно ни было. С другой стороны, логики здесь не прослеживалось — Ксальтотун уверял, что сохранить своему пленнику жизнь — в его интересах, и, следовательно, в темноте не должна скрываться какая-то смертельная опасность. Но, несмотря на это, продолжали бить тревогу давние инстинкты, еще в раннем детстве заставлявшие будущего короля молча и неподвижно лежать в укрытии, даже если бок о бок с ним бесновались дикие звери.

Сначала в густой темноте ничего не было видно. Но через какое-то время, оценить которое Конан был не в силах, он смог различить решетку у своего локтя и отброшенный к противоположным дверям скелет, освещенные едва заметным серым сиянием, происхождение которого сразу он уловить не был в состоянии. Однако после непродолжительных раздумий и поисков ему удалось найти ответ. Он находился в подвале, под землей, куда свет пробивался через узкое отверстие в каменном потолке коридора — прямо над запертыми решетчатыми дверями. Значит, благодаря этому, можно будет отличить день от ночи. Но с другой стороны — какая утонченная пытка — позволять пленнику лишь вскользь радоваться свету солнца и месяца!

Взгляд Конана в очередной раз упал на растрескавшиеся кости, матово отсвечивающие напротив. Было бессмысленно фантазировать о том, кем был этот человек и за что был приговорен к подобной смерти. Дело было в другом — не оставалось никаких сомнений, что скелет дробили не железом. Создавалась уверенность, — кто-то пытался добраться до костного мозга! А кто, кроме человека, мог это делать? Может быть, эти останки — немое свидетельство каннибализма одного из пленников темницы, доведенного голодом до безумия? Конан неожиданно представил себе, что и его кости когда-нибудь обнаружат здесь при подобных обстоятельствах, и в душе его стала подниматься с трудом сдерживаемая паника пойманной в волчью пасть жертвы.

Сын Киммерии не кричал и не плакал. И не молился, как, возможно, делал бы сейчас на его месте цивилизованный человек, хотя боль и голодное кручение в желудке меньше от этого не становились. Огромное душевное мучение доставляли и клокотавшие в нем эмоции: где-то далеко на западе армия неприятеля огнем и мечом пробивала себе дорогу к сердцу его королевства. Небольшой Пуантенский корпус не мог ей противостоять — это было очевидно. Конечно, Просперо может попытаться удержать Тарантию на несколько недель, а то и месяцев, но в конце концов, лишенный поддержки и помощи, он будет сломлен превосходящими силами противника. А многие бароны без зазрения совести оставят его один на один с завоевателями. И в это время он, Конан, без движения лежит в темной клетке, и другие люди командуют его воинами, сражаются за его королевство! В приступе бессильной ярости он громко заскрежетал зубами.

Вдруг он застыл, услышав за противоположными дверями крадущиеся шаги. Присмотревшись, ему удалось заметить смутные очертания над чем-то склонившейся фигуры. Лязгнул металл о металл, и вслед за этим послышался скрип открываемой решетки. Но вместо

того, чтобы войти, фигура исчезла из поля зрения, и где-то вдали повторился ослабленный расстоянием лязг другого замка и скрип осторожно открываемых дверей. Потом раздались быстрые, но тихие удаляющиеся шаги мягко обутой ног, и вновь наступила тишина.

Минуту, показавшуюся ему вечностью, Конан настороженно прислушивался. Через отверстие в потолке коридора ярко светил месяц, и ничто не нарушало мрачного покоя подземелья. В конце концов ему все же пришлось сменить положение тела, отчего цепи вновь звякнули. И в этот момент он опять различил осторожные тихие шаги — на этот раз за входными дверями. Через некоторое время в сером сумраке затрепетало слабое пламя свечи.

— Король Конан! — раздался обеспокоенный тонкий и мягкий голос. — Господин мой, ты здесь?

— А где ж мне еще быть? — с вызовом ответил тот, поворачивая голову и пытаясь рассмотреть, кто пришел. Держась за прутья решетки тонкими точеными пальцами, за дверями стояла девушка. Слабое мерцание свечи выхватывало из темноты плотно обтягивающую бедра тонкую шерстяную юбку и украшенные драгоценными камнями перстни. Ее темные глаза горели, а белая кожа мраморно отсвечивала. Волосы, хотя и утратившие во тьме свой блеск, напоминали застывший каскад трепетных морских волн.

— Это ключи от твоих оков и от вон той двери, — прошептала она, просовывая маленькую ладонь сквозь решетку и бросая три каких-то предмета на каменный пол рядом с Конаном.

— Какую ты ведешь игру? — спросил он. — Ты говоришь по-немедийски, а в Немедии у меня друзей нет. Какие еще гадости придумал твой господин? Послал тебя, чтобы посмеяться надо мной?

— Это не насмешка! — девушка дрожала так сильно, что ее браслеты и перстни громко стучали о прутья решетки, за которую она держалась. — Клянусь богом! Я украла эти ключи у чернокожих стражников этих подвалов. Каждый из них носит ключ только от одного замка. Мне удалось подпоить их. Того, которому ты разбил голову, унесли к цирюльнику, и его ключ я достать не смогла. Но все остальные — украла. Ах, пожалуйста, не звени цепями! В темноте за теми дверями могут водиться такие челюсти, что и в пекле не встретишь!

Немного повозившись, Конан с недоверием попробовал большие ключи, напряженно ожидая взрыва злого смеха. Однако его искренне удивил тот факт, что один из них не только высвободил его цепи из кольца в стене, но и вернул свободу рукам и ногам. Он быстро вскочил и сделал резкий шаг к двери, сомкнув свои железные пальцы на нежных ладонях девушки и прижав их к прутьям решетки. Она подняла голову и встретилась с его пытливым взглядом.

— Кто ты? — спросил он сурово.

— Меня зовут Зенобией, — промолвила она, стараясь справиться с дрожью. — Я служанка королевского дворца.

— Если только это не какая-то злая шутка, — буркнул Конан, — я не понимаю, почему ты это сделала.

Она опустила лицо, а когда вновь его подняла, на длинных девичьих ресницах блестели крупные слезы.

— Я служу в королевской свите, — произнесла она горько. — Но сам король меня не замечал, и не заметит. И я устала от тех скотов, что пристают ко мне в беседках... Я ведь тоже живое существо и не хочу быть простой забавой. Я тоже умею радоваться, ненавидеть, бояться и любить... Я полюбила тебя, мой король, когда ты несколько лет назад приезжал во главе своих рыцарей с визитом к королю Немедии. Мое сердце вырвалось из груди, чтобы упасть в пыль на мостовую перед копытами твоего скакуна.

Пока она это говорила, на щеках ее выступил румянец смущения, но глаза продолжали смотреть смело. Конан ничего не ответил. Он был по-настоящему диким, раскованным и

необузданным, но ведь лишь только очень грубый и невоспитанный мужчина не испытает смущения, встретившись лицом к лицу с обнаженной девичьей душой.

А она тем временем наклонилась и прижалась губами к его пальцам, сжимавшим ее ладони. И только после этого, словно проснувшись, она вспомнила, что здесь происходит. В голосе ее вновь проснулось отчаянье.

— Поспеш! — горячо зашептала она. — Полночь уже минула. У тебя есть шанс уйти!

— А не заплатишься ли ты жизнью за то, что украла эти ключи?

— Никто об этом не узнает. Если чернокожие и припомнят наутро, кто давал им вино, они не посмеют кому-либо признаться в пропаже. К сожалению, ключ, открывающий эти двери, я достать не смогла, и твоя дорога на волю теперь пройдет через темноту казематов. Я не хочу загадывать, какие ужасы и опасности скрываются во мраке за теми дверями, но будет еще хуже, если ты останешься здесь, в темнице. Дело в том, что вернулся король Тараск...

— Что? Тараск?

— Да! Он вернулся тайно и тотчас спустился в подвалы, а вернулся весь белый и трясущийся, словно взглянул на ужасы ада. Я сама слышала — он говорил своему оруженосцу Аридею, что вопреки воле Ксальтотуна ты должен умереть.

— А что с Ксальтотуном? — спросил Конан и почувствовал, что девушка вновь задрожала.

— Не говори о нем! — попросила она. Один звук его имени, наверное, способен вызвать демонов! Слуги рассказывают, что все еще лежит в своей темной комнате и смотрит сны черного лотоса. Говорят — сам Тараск его боится, иначе он тебя уничтожил бы открыто. А так — он сегодня спускался в подвалы и одному богу известно, что там делал.

— Хм! А не Тараск ли собственной персоной возился у дверей моей темницы?.. — пробормотал про себя Конан.

— У тебя есть стилет! — произнесла она шепотом, указывая на что-то сквозь прутья решетки. Его пальцы освободили ее ладони и сомкнулись теперь на холодном предмете.

— Иди же скорее! За дверь свернешь налево и пойдешь вдоль клетей, пока не достигнешь каменных ступеней. Не сворачивай с дороги, если тебе дорога жизнь! Взойди по лестнице и открой дверь в ее конце — один из ключей должен подойти. Если господь будет милостив, я встречу тебя там. Иди!

Сказав это, она убежала, оставив после себя лишь легкое дуновение воздуха.

Конан встряхнулся и обернулся к указанному выходу. Было ясно, что там может скрываться какая-нибудь подстроенная Тараском дьявольская ловушка. Но прыжок навстречу опасности был ему более по душе, чем неподвижное ожидание грядущих событий. Наконец он осмотрел клинок, отданный ему девушкой, и удивленно усмехнулся: кем бы она ни была, она оказалась очень практичной и умной особой. Он держал в руке не маленький стилет, рукоять которого украшают золото и драгоценные камни, годящийся лишь для будуара знатной дамы да для устрашения. Это было настоящее боевое оружие с широким, длиною сантиметров пятнадцать лезвием, сужающимся к острому, как игла, концу.

Он удовлетворенно хмыкнул. Холод стали придал ему сил и уверенности в себе. Какие бы ни были расставлены вокруг него сети, какие бы ловушки ни стояли на его пути — у него теперь было настоящее оружие. Правая рука уже была готова наносить смертельные удары.

Толкнув решетку, он убедился, что она не заперта, — а ведь черный стражник делал это. И фигура, виденная им накануне, тоже не была охранником — иначе зачем ему делать что-то с замком? Здесь веяло чем-то зловещим. Но Конан не стал колебаться. Он отворил дверь и решительно шагнул в темноту.

Каменные плиты убегали вдаль, ограниченные справа и слева длинными рядами решеток, конца которым видно не было. Свет месяца тускло блестел на их прутьях, не в состоянии

пробиться дальше, да и вообще, глаза, менее зоркие, чем у Конана, вряд ли различили бы и эти бледно-серые пятна света на полу возле каждой темницы. Свернув, как ему сказали, налево, он быстро пошел вдоль по коридору, не издавая ни единого звука, босыми ногами по каменному полу. Минуя каждую клеть, он окидывал ее быстрым взглядом. Все они были пусты, но, тем не менее, надежно заперты. На полу некоторых матово светились чьи-то обнаженные кости. Видно было, что эти подземелья, свидетельство глубокого прошлого, когда Бельверус еще не превратился из крепости в город, с успехом используются и теперь.

Наконец он увидел перед собой едва различимые контуры круто поднимавшихся вверх ступеней... и вдруг резко обернулся и отступил в тень у их подножия.

Позади кто-то шел — тяжело, но осторожно ступая на явно не человеческих ногах. Беглец стал напряженно вглядываться в длинную цепь решеток и лежащих перед ними серых пятен полусвета, лишь незначительно рассеивающих мрак вокруг себя. Но он смог заметить, что через эти пятна что-то движется — что-то неопределенного вида, большое, тяжелое, но одновременно более быстрое и ловкое, чем человек. Оно появлялось на свету и снова исчезало с глаз, вступая в тень между темницами, навевая безотчетный ужас своим безмолвным движением.

Конан услышал грохот решеток, которые пробовало открывать это существо, проходя мимо них. Потом оно добралось до той темницы, которую только что покинул ее пленник, и отворило незапертые двери. И, когда оно скользнуло внутрь, на фоне решетки мелькнул огромный смутный силуэт. Вытерев со лба холодный пот, беглец судорожно сглотнул. Он понял, для чего Тараск подкрадывался к его дверям и почему так поспешно скрылся, — он открыл замок, а затем где-то в этих дьявольских подземельях выпустил из ямы или клетки это ужасное чудовище.

Тварь вылезла из темницы и двинулась вдоль по дорожке, низко наклонив голову к земле. Теперь она уже не пробовала открывать двери — она взяла след. Сейчас Конан разглядел ее получше: серый полумрак обрисовал гигантское человекоподобное тело, более мощное и тяжелое, однако, чем у любого человека. Сильно наклонившись, это существо бежало на задних лапах — заросшее и волосатое, с густым, отливающим серебром мехом. Голова твари была отвратительной пародией на человеческую, а длинные руки при беге задевали землю.

И здесь стала понятной причина того, почему человеческие кости в темницах сломаны и расщеплены, стала ясной природа ужаса казематов. Это была большая серая обезьяна, страшный людоед темных прибрежных лесных массивов моря Вилайет. Полумифические, малоизвестные обезьяны-каннибалы служили прототипом троллей в старых легендах, страшными волколаками-оборотнями народного эпоса, убийцами и людоедами темных лесов.

Конан заметил, что животное почуяло его и стало приближаться быстрее, перемещая свое бочкообразное тело на кривых могучих лапах. Бросив быстрый оценивающий взгляд на уходящие вверх ступени, он убедился, что эта тварь успеет прыгнуть ему на спину раньше, чем он доберется до дверей. Нужно было принимать бой. Более не задумываясь, он ступил в ближайший круг мутного света, чтобы хоть что-нибудь видеть во время схватки, так как было совершенно очевидно, что животное ориентируется и видит в темноте гораздо лучше человека. И оно уже приближалось — во мраке тускло блестели огромные желтые зубы, и слышалось громкое дыхание. Серые обезьяны от рождения были немыми, поэтому оно не издало воинственного крика — лишь в искаженных и расплющенных чертах ее чудовищной морды появилось выражение дьявольского торжества.

Человек понял, что жизнь его теперь будет зависеть фактически от одного удара — на другие времени может и не хватить. И этим единственным, первым же ударом необходимо убить противника, убить прямо сейчас, если он хочет покинуть живым тот страшный зверинец, пленником которого он был в настоящее время...

Он оценивающе оглядел короткую крепкую шею, волосатое мускулистое тело и мощную,

выдающуюся вперед грудь. «Лучше бить прямо в сердце, — подумал он, — погрузив сталь под выступающие ребра, чем туда, где одним ударом убить не удастся». Полностью осознавая положение, в котором он оказался, Конан попытался на глаз прикинуть и сравнить свои силу и ловкость с быстротой и яростью людоеда. Выбора не было — требовалось сойтись с противником грудь в грудь, нанести смертельный удар, а потом лишь уповать на то, что кости его выдержат схватку с умирающим зверем.

И в тот момент, когда обезьяна бросилась на него, широко расставив волосатые руки, он метнулся вперед, между ними, и изо всех сил ударил, чувствуя, как острие по самую рукоять тонет в заросшей мехом груди. Отпустив стилет, он откинул голову назад и напрягся, превратив свое тело в сплошной узел мускулов, одновременно пнув коленом в пах злобной твари, пытаясь хоть как-то ослабить ужасные тиски сжимающихся лап.

В этот показавшийся ему вечностью миг он чувствовал себя так, словно его разрывали на части, но потом неожиданно вернулась свобода. Он лежал на полу, рядом с дергающимся в последних конвульсиях огромным телом зверя, на вывернутых губах которого пузырилась кровавая пена, а в груди торчала рукоять стилета. Удар достиг цели.

Пытаясь унять дрожь, Конан дышал, как загнанная лошадь. Из ран, оставленных когтями зверя, текла кровь, и ощущения были такими, словно половина его костей вылетела из суставов, порвав мышцы и сухожилия. Если бы враг прожил еще хоть одну минуту, скорее всего, он просто разорвал бы его на куски. Но сейчас сын дикого народа выдержал выпавшее ему страшное испытание, обычного человека несомненно приведшее бы к гибели...

Глава VI

«Кровь за кровь»

Быстро придя в себя, король Аквилонии наклонился и вытащил лезвие из груди поверженного зверя, после чего поспешил к каменным ступеням и стал быстро по ним взбираться. Он уже не пытался себе представить, какие еще вселяющие ужас чудовища могут скрываться в окружающей его темноте, и лишь желал ни с одним из них не встретиться. Схватки, подобные только что закончившейся, были слишком утомительны даже для столь выносливого сына Киммерии. Бледное сияние месяца на каменных плитах, липкая темнота и что-то наподобие паники гнали его вверх по лестнице. Поэтому, когда он наконец увидел створки тяжелых дверей, с его губ слетел вздох облегчения. И вновь, вопреки опасениям, ключ легко повернулся в замке. Быстро выглянув наружу, чтобы первым заметить противника, если он там есть, и отразить его нападение, Конан увидел лишь еще один серый коридор и стоящую перед ним худенькую гибкую фигурку.

— Ваше Величество! — раздался тихий дрожащий вскрик, одновременно наполненный облегчением и восхищением. Первым порывом девушки было прижаться к нему, но потом она заколебалась, будто охваченная стыдом. — У тебя течет кровь, — сообщила она. — Ты ранен!

Он отмахнулся:

— Царапины, которые не почувствует и ребенок. Кстати, — мне очень пригодился твой нож. Если бы не он, мои останки доедала бы сейчас одна милая цепная обезьяна Тараска. Ну, а что теперь?

— Иди за мной, — прошептала она. — Я выведу тебя из города. Я уже приготовила тебе коня!

Она обернулась и сделала шаг вперед, но тут Конан положил свою тяжелую ладонь на ее обнаженное плечо.

— Иди рядом со мной, — приказал он, придерживая ее за тонкую талию. — Я склонен тебе верить, так как ты до сих пор вела себя со мной искренне, но я уверен, что дожил до настоящего времени только потому, что никогда до конца не доверял ни одному мужчине и ни одной женщине. Но если ты меня теперь вздумаешь подвести, то порадоваться этой шутке ты вряд ли успеешь.

Она даже не подала вида, что заметила окровавленный клинок в его руке и нотки угрозы в его голосе.

— Убей меня, если усомнишься во мне, произнесла она в ответ. — Я чувствую на себе твою руку, и даже то, что ты угрожаешь мне, — все это кажется сном.

Коридор со сводчатым потолком привел их к дверям, которые она осторожно отперла. За ними, прямо на полу, лежал с закрытыми глазами один из чернокожих стражников в тюрбане и шерстяной набедренной повязке. Сабля его, вставленная в ножны, небрежно оброненная, валялась неподалеку. Он был совершенно неподвижен.

— Я подсыпала ему в вино наркотик, — объяснила Зенобия, обходя тело. Он последний назначенный на сегодня охранник выхода из подземелья. Он следит, чтобы никто оттуда не смог бежать, и никто, кроме этих чернокожих, не имеют право нести здесь службу. Только они знают, что Ксальтотун привез плененного короля Конана в своей повозке прошлой ночью. Другие девушки спали, а я, бессонная, смотрела из верхних окон в ту сторону, где, как узнала, шла битва. Я боялась за тебя...

А потом я вдруг увидела, как тебя несли по ступеням, — я разглядела твое лицо в свете факелов. Той же ночью мне удалось пробраться в эту часть дворца, в тот самый момент, когда тебя уносили в подземелье. Пришлось целый день ждать возможности раздобыть наркотик в комнате Ксальтотуна.

Будь осторожен! Со вчерашней ночи по дворцу идут необычные разговоры. Слуги поговаривают, что, пока чернокнижник, по обыкновению, спал у себя, очарованный черным лотосом, во дворец тайно вернулся Тараск. Он пришел тайком, до глаз закутанный в длинный дорожный плащ, сопровождаемый одним лишь оруженосцем — молчаливым Аридеем. Я ничего не понимаю, но отчего-то чувствую страх...

Так, за разговором, беглецы добрались до подножия узкой спиральной лестницы. Поднявшись по ней, они миновали узкий проход, образованный сдвинутой в сторону панелью из мореного дуба, что обшивали стену очередного коридора. Оставив потайной ход позади, девушка вставила деревянную панель на место, и эта часть стены перестала даже чем-либо отличаться от остальных. Теперь они находились в нише, отделенной от самого коридора плотной портьерой. Было видно, что все здесь завешено гобеленами и занавесями, а вдоль стен стояли плюшевые диваны, над которыми, закрепленные на софитах, мягким золотистым светом сияли лампы.

Даже чуткое ухо Конана не различило во дворце ни единого звука. Он не знал, что это за часть дворца и где сейчас находится резиденция Ксальтотуна. Девушка дрожала от страха, но продолжала вести его вперед по коридору, пока не остановилась у другой ниши, прикрытой шелковой занавеской. Отстранившись, Зенобия жестом показала, чтобы он вошел в это сомнительное убежище, и прошептала:

— Подожди меня здесь! За этими дверями в конце коридора в любую минуту дня и ночи можно наткнуться на евнухов или невольников. Я посмотрю, свободна ли дорога, и тогда мы пойдем дальше!

В этот момент в нем вновь проснулась подозрительность.

— Ты все-таки завела меня в ловушку? Из ее темных глаз брызнули слезы. Она упала на колени и прижалась лицом к его мускулистой ладони.

— О, мой король! Почему ты опять мне не веришь? — голос ее дрожал от обиды. — Мы погибнем, если теперь ты остановишься или сделаешь какую-нибудь глупость! Ну зачем я стала бы выводить тебя из подземелья, чтобы предать сейчас?

— Хорошо, — буркнул он. — Я тебе верю, хотя, черт возьми, я еще никогда так быстро не сдавался! Впрочем, я на тебя не обижусь, даже если ты приведешь сюда всех головорезов Немедии. Если бы не ты, обезьяна из королевского зверинца напала бы на меня, когда я, безоружный и скованный, лежал на полу в темнице. Делай, что хочешь, милая.

Поцеловав ему ладонь, Зенобия вскочила и побежала прочь, чтобы исчезнуть за тяжелыми двухстворчатыми дверями.

Глядя ей вслед, он раздумывал, — не сделал ли он глупость, все-таки поверив ей. Но потом пожал широкими плечами и скрылся в своем новом замаскированном укрытии.

Не было ничего удивительного в том, что молодая девушка рискует своей жизнью, чтобы спасти его. Такие вещи происходили не так уж редко и на его собственном веку. Кроме того — немало женщин поглядывало на него ласково — как в дни его юности, так и теперь, когда он взошел на трон.

Ожидая возвращения своей спасительницы, он не стал бездействовать. Подчиняясь все тем же инстинктам, он стал искать другой выход и наконец нашел — замаскированный гобеленом проход в узкую галерею, ведущую к покрытой искусной резьбой деревянной дверце, едва видимой в просачивающемся из центрального коридора свете. Неожиданно он ясно услышал за ними стук еще одних открывшихся и вновь закрывшихся дверей и затем — низкое гудение

голосов. Один из них звучал достаточно знакомо, и лицо Конана исказилось гримасой отвращения. Он без всяких колебаний быстро пересек галерею и с видом притаившейся на охоте пантеры приник к деревянным створкам. Они не были заперты, и ему удалось осторожно их приоткрыть. Он лишь хотел узнать, какие еще козни против себя он может предотвратить.

По другую сторону замаскированной дверцы тоже оказалась ниша, однако через легкую шелковую занавеску он разглядел освещенную свечой комнатку, посреди которой находился стол из черного дерева. За ним сидело двое мужчин, одним из них был весь какой-то израненный, разбойничьего вида негодяй в кожаных бриджах, а другим — Тараск, король Немедии.

Тараск выглядел встревоженным. Бледный, он как-то сразу потерял всю свою напыщенность и словно все время ожидал какого-то звука, эха шагов, одновременно боясь этого.

— Я был там, — тихо произнес он, — он... он сейчас спит в наркотическом сне, и не известно, когда проснется. — Необычно слышать из уст самого Тараска слова страха, — тотчас отозвался собеседник низким хриплым голосом.

Король нахмурился.

— Ты хорошо знаешь, что никого из обычных людей я не боюсь. Но, когда я увидел под Валкой рушащиеся скалы, я понял, что совсем не шарлатан тот демон, которого мы воскресили. Я боюсь его силы, поскольку не знаю, каких она достигает границ. Но догадываюсь, что она каким-то образом связана с той проклятой штукой, которую я у него выкрал. Она вернула ему жизнь, и, скорее всего, она же является источником его магической мощи.

Он хорошо ее спрятал, но невольник, следивший за ним по моему тайному приказу, заметил, как он положил ее в золотую шкатулку в тайнике. Но я не осмелился бы даже войти к нему, если бы он не спал этим лотосовым сном.

Я больше чем уверен, что в этом заключен источник его силы. С ее помощью Ораст вернул ему жизнь. И с ее же помощью этот дьявол сделает из нас своих рабов, если мы не будем его остерегаться. Увези ее с собой и брось в море, как я тебе уже говорил. И запомни — это нужно сделать подальше от земли, чтобы ее не выбросил на берег прилив или шторм. Тебе уже заплачено.

— Это правда, — усмехнулся собеседник. — Но, король, это же не все — ты обещал гораздо больше! Ведь мои люди тоже захотят быть вознагражденными.

— Всем, кого ты мне назовешь, будет сполна уплачено, — заверил его Тараск. — Но лишь после того, как ты выполнишь это задание.

— Хорошо. Я поеду в Зингару и сяду на корабль в Кордаве, — согласился тот. — В Аргос идти слишком опасно — в том краю сплошное убийство... — Меня это не интересует. Главное, чтобы ты сделал свое дело. На, держи! Конь ждет тебя во дворе. Иди, и быстрее!

И он передал ему из рук в руки какую-то вещь, как показалось Конану, блеснувшую вспышкой живого огня. Но видно ее было лишь одно мгновение. Потом человек натянул на глаза шляпу с опущенными полями, завернулся в серый плащ и поспешно оставил Тараска одного. Как только дверь за ним закрылась, Конан перестал себя сдерживать — и бросился вперед, распаленный неудержимой жаждой крови. При виде врага в его логове кровь в жилах короля Аквилонии вскипела, уничтожив всякую осторожность.

Тараск стоял, отвернувшись к дверям, когда, сорвав занавеску, как опьяненная кровью дикая кошка джунглей, в комнату ворвался Конан. Король Немедии резко повернулся на пятках, но даже не успел распознать нападавшего, когда в него уже погрузился стилет. Но уже в сам момент удара стало ясно, что он не смертелен — нога мстителя запуталась в складках сорванной занавески, и он не сумел прыгнуть вперед достаточно далеко. Клинок скользнул вбок, ударившись о ребро. Тараск вскрикнул.

Сила удара и тяжесть тела Конана отбросили жертву назад, на стол, отчего тот перевернулся

и свеча погасла. Дерущиеся рухнули на пол, барахтаясь в портьере. Кулак короля Аквилонии бил вслепую, а Тараск громко орал от безумного страха. Но этот страх неожиданно придал ему сил, и он вырвался из объятий Конана. Отскочив куда-то в темноту, он громко завопил:

— На помощь! Стража! Аридей! Ораст! Ораст!

Конан поднялся на ноги, освободившись от шелкового полотна и отбросив перевернутый стол, и выругался с досады. Он не был знаком с планом дворца и к тому же потерял в темноте ориентировку. Где-то вдалеке все еще раздавались крики Тараска, а ответом на них были вопли стражи. А куда теперь бежать — было совершенно непонятно. Но вновь старые инстинкты подсказали ему, что неплохо бы попытаться все-таки спасти свою шкуру, если таковая возможность еще представится.

Проклиная невезение, он пересек найденную галерею в обратном направлении, встал в нишу и выглянул в коридор в ту самую секунду, когда к нему с полными страха глазами подбежала Зенобия.

— Что случилось? — крикнула она. — Весь дворец поднят по тревоге! Я клянусь, что не выдавала тебя!..

— Не бойся, твоей вины в этом нет. Просто я сам немного расшевелил это осиное гнездо, — произнес он. — Попробовал вернуть один должок... Так какая отсюда ведет кратчайшая дорога?

Она без слов схватила его за руку и побежала по коридору. Однако, когда они добрались до массивных дверей в его конце, за ними послышались возбужденные крики, и затем стены задрожали от ударов снаружи. Зенобия заломила руки:

— Мы окружены! Я на всякий случай закрыла эти двери, когда возвращалась назад. Ее взломают через пару минут. Пути к городским воротам здесь больше нет.

Конан повернулся на пятках — из дальнего конца коридора, хотя пока и слабые, но тем не менее тоже слышались крики, свидетельствующие о том, что и спереди, и сзади пути к отступлению отрезаны.

— Быстрее! Вон туда! — закричала девушка с отчаяньем, пересекая коридор и отворяя двери какой-то комнаты.

Конан прыжком последовал за ней и закрыл позолоченную задвижку. Они находились в богато украшенном холле. Зенобия подвела его к окну с позолоченной решеткой, за которым виднелись вершины деревьев и заросли кустарника.

— Ты же сильный! — произнесла она, задыхаясь. — Если сможешь разогнуть эту решетку, может, еще успеешь убежать! Вокруг дворца всегда очень много стражников, но кусты здесь густые — ты постарайся их обойти. Стена с южной стороны — это уже внешняя стена города. Если переберешься через нее, у тебя появится реальная возможность уйти. Конь будет тебя ждать в перелеске у дороги на запад, в нескольких сотнях шагов к югу от большого фонтана. Знаешь, где это?

— Разберусь! Но что мне делать с тобой? Я хочу забрать тебя отсюда!

Грустная улыбка озарила ее лицо.

— Спасибо тебе — ты даришь мне минуты счастья! Но сейчас ты должен уйти один. Нет, обо мне не беспокойся. Никто и не подумает, что я помогала тебе по своей воле. Иди же! Те слова, что ты мне только что сказал, на долгие годы скрасят мне мою жизнь!

Услышав такой ответ, Конан быстро схватил ее в свои железные руки, прижал к себе и стал дико целовать ее глаза, щеки, шею и губы, а она, затаив дыхание, безвольно лежала в его объятиях. Его ласки были порывисты, резки и беспощадны, как порыв ураганного ветра.

— Я пойду, — горячо прошептал он. — Но, черт возьми, когда-нибудь я за тобой обязательно вернусь!

Он шагнул к окну и одним мощным рывком вырвал позолоченные прутья из оконной рамы, а

потом перекинул ноги через подоконник и стал быстро спускаться вниз, поглядывая на ближайшие заросли. Едва коснувшись земли, он побежал, чтобы стать неприметной тенью среди густого кустарника и ветвей деревьев. Еще раз он оглянулся, чтобы увидеть Зенобию, протягивающую вслед ему из окна руки в жесте немого прощания.

То и дело по темному парку пробегали стражники — рослые гвардейцы в блестящих полупанцирях и отполированных шлемах с высокими гребнями. Все они устремились к дворцу, где с каждой минутой нарастал шум. Звезды искрились на их блестящих доспехах, делая видимым каждый их шаг среди деревьев, но еще больше выдавало их передвижение громкое лязганье железа. Спрятавшемуся в кустах Конану их громогласный галоп через заросли напоминал слепой переполох испуганного коровьего стада. Некоторые проносились всего в нескольких шагах от него, но совершенно не подозревали об этом. Видя лишь дворец, они не обращали никакого внимания ни на что другое. Когда все они с криками пронеслись мимо, беглец поднялся и бесшумно, словно пантера, побежал по парку прочь.

Он достаточно быстро достиг южной стены и взбежал вверх по лестнице к ее парапету. Этот вал был задуман так, чтобы защищать город от нападения снаружи, а не изнутри. К тому же здесь не было ни одного стражника, патрулирующего окрестности. Поставив ногу на парапет, Конан вновь оглянулся на возвышающийся над кронами деревьев королевский дворец Немедии. Все окна были освещены, и в них были видны мечущиеся то тут, то там фигурки — словно марионетки, движимые невидимыми нитями. Скривившись, он с угрозой и презрением потряс в том направлении тяжелым кулаком, а затем спрыгнул в темноту.

Пролетев немного вниз, он схватился за ветку растущего прямо под городской стеной невысокого дерева и уже мгновением позже шел дальше своим широким упругим шагом, которым все горцы быстро оставляют позади долгие мили пути.

Стены и длинные валы Бельверуса со всех сторон окружали поместья и летние резиденции местной знати. Но сонные невольники, дремавшие, опершись на свои длинные пики, даже не замечали быстрой крадущейся фигуры, перескакивающей через стены оград, перебегающей обсаженные деревьями со сплетенными наверху кронами аллеи, беззвучно пробиравшейся по огородам и садикам. Лишь разбуженные цепные псы громким лаем сопровождали обнаруженный ими наполовину обонянием, наполовину инстинктом темный загадочный силуэт, быстро исчезающий в отдалении.

Лежа в своей комнате на испачканном кровью диване, Тараск, извивался от боли и сыпал проклятьями под сильными и быстрыми пальцами Ораста. Дворец кипел бегущими с широко открытыми от ужаса глазами придворных и слуг, но в помещении, где лежал король, кроме него и жреца-отступника никого не было.

— Ты уверен, что он сейчас спит? — уже в который раз спрашивал Тараск, стискивая от боли зубы, когда Ораст смазывал горячим отваром трав длинную рваную рану на руки и ребрах.

— О, боги, как он жжется! — Если бы тебе с детства не сопутствовала удача, — уверил его Ораст, — тебя сейчас уже примерял бы гробовщик. Тот, кто держал в руках клинок, по-настоящему собирался тебя убить. Да не вскакивай ты — говорю тебе, что Ксальтотун еще спит. А почему тебя это так сердит? Какое он-то имеет к этому отношение?

— Так ты ничего не знаешь о том, что произошло во дворце сегодняшней ночью? — поднял на него пылающий гневом взгляд Тараск.

— Ничего. Как ты знаешь, я уже несколько месяцев занят переписыванием для Ксальтотуна эзотерических манускриптов, написанных на новых языках, в письмена, которые он сможет прочитать. Он хорошо разбирается в языках своей эпохи, но до конца еще не овладел современными и для сокращения времени предложил мне эту работу, чтобы ознакомиться с тем, что произошло со времени его смерти до сегодняшних дней. Я даже не знал, что он уже вернулся

— он не послал за мной, чтобы рассказать о битве. И о твоём возвращении мне тоже ничего не было известно, пока меня не вывел из моей каморки поднятый тобою шум.

— И ты не знаешь, что Ксальтотун привез сюда, во дворец, плененного короля Аквилонии?

Ораст отрицательно покачал головой, не показывая собеседнику нешуточного удивления.

— Ксальтотун уверял меня недавно, что Конан нам вскоре перестанет быть опасен. Я и думал, что он уже погиб...

— Ксальтотун сохранил ему жизнь, когда я хотел убить этого варвара. И я сразу понял его коварный замысел: ему нужен цепной пес, которого можно периодически натравлять на нас — на Амальрика, Валерия и меня. Пока жив Конан, для нашей власти в Аквилонии сохраняется реально существующая опасность, да и вообще избавиться от нас при необходимости с помощью дикаря будет нетрудно. Я этому колдуну больше не доверяю — я его стал бояться.

Я шел за ним несколько часов после его отъезда с поля битвы — хотел узнать, что он сделает с Конаном. Дознался, что того посадили в подземелье, и, вопреки воле чернокнижника, решил с пленником покончить...

В дверь осторожно постучали.

— Это Аридей, — объяснил Тараск. — Можешь его впустить. Глаза вошедшего оруженосца горели скрытым удовлетворением.

— Ну что, Аридей? — нетерпеливо вскрикнул Тараск. — Опознали того, кто напал на меня?

— Так вы сами не узнали его, господин? — поинтересовался оруженосец тоном человека, решившего еще раз убедиться в том, что знает. — Действительно не узнали?

— Нет. Как только он ворвался, свеча погасла... Я успел лишь подумать, что это какой-то демон, посланный Ксальтотуном убить меня...

— Он спит в своей темной комнате... А я был в подземельях, — худые плечи Аридея дрожали от возбуждения.

— Ну же! Не тяни, рассказывай! — нетерпение исказило черты короля Немедии. — Что ты там нашёл?

— Пустую темницу, — прошептал слуга. — И труп огромной серой обезьяны.

— Что?! — Тараск резко сел, и из его открытой раны вновь брызнула кровь.

— Да, именно так! Людоед лежит с проколотым сердцем, а Конан — бежал!

Побелевший как мел Тараск, словно манекен, позволил Орасту вновь уложить себя на диван и заняться раной.

— Конан!.. — повторил он. — Поганый труп... Ушел! Господи! Это не человек, а дьявол! Уверен, что за моей раной — замысел Ксальтотуна. Теперь-то я понял! Боги и демоны! Так это Конан напал на меня!.. Аридей!

— Я здесь, Ваше Величество!

— Обыскать каждый уголок дворца! Он до сих пор может прятаться в каком-нибудь темном коридоре, как голодный тигр. Пусть ни одна мышь не проскользнет наружу. И будь осторожен — вы ловите не цивилизованного человека, а ошалевшего от жажды крови варвара, сильного и быстрого, как дикий зверь. Прочесать парки и сады вокруг дворца и города. Расставить кордоны вокруг стен. Если убедишься, — он точно ушел из города, — бери всадников и устремляйся в погоню. Организуй на него охоту, как на волка. Спешь — может быть, еще успеешь его поймать.

— Это задание может потребовать чего-то более, чем простые человеческие силы, — возразил на это Ораст. — Не попросить ли об этом Ксальтотуна?

— Нет! — резко ответил Тараск. — Пусть солдаты справляются сами! Чернокнижник не сможет причинить нам больше зла, если мы покончим с Конаном!

— Ну что ж, — согласился Ораст. — Я не стану тягаться с магом Ахерона, но и мне

известны кое-какие тайные заклятия, вызывающие темных духов, облаченных в телесную оболочку. Возможно, я смогу вам помочь...

Большой королевский фонтан был затерян среди густых зарослей дубовой рощи, растущей у дороги примерно в миле от городских стен. Его мелодичное журчание достигло ушей Конана в таинственной тишине звездной ночи. Беглец вдоволь напился из холодного ручья, берущего здесь начало, и вновь поспешил на юг, к уже различимому впереди небольшому перелеску. Обойдя его, он заметил огромного белого коня, стоявшего на привязи у самых зарослей. Облегченно вздохнув, он уже собрался шагнуть к нему, как вдруг его заставил резко обернуться презрительный смех позади.

Из тени листвы выступил матово поблескивающий панцирем мужской силуэт. Это не был стражник в украшенных перьями полированных доспехах — перед ним стоял коренастый воин в серой кольчуге — наемник, член низшей военной касты, головорез, не добившийся еще ни наград, ни богатства, ни привилегий рыцарского звания, но посвятивший свою жизнь боям и сражениям. Наемники творили, что хотели, ни от кого не зависели и слушались приказов одного только короля. С таким противником было опасно иметь дело.

К счастью, враг был один, и, убедившись в этом, король Аквилонии набрал полную грудь воздуха, твердо встал на ноги и приготовился к прыжку.

— Я ехал в Бельверус с поручением от Амальрика, — произнес ухмыляющийся противник, осторожно приближаясь. Звездный свет тихо струился по острию его длинного двуручного меча, который он держал наготове. — И вдруг услышал из кустов фыркание коня. Дай, думаю, посмотрю, что там. Кто ж это привязал здесь коня? Надо подождать и посмотреть, что за птичка прилетит в седло!

Наемные головорезы жили с того, что приносил им меч.

— А ведь я знаю тебя, — сообщил немедиец. — Ты Конан, король Аквилонии. Мне казалось, что я видел тебя под обвалом на Валке, но...

Конан резко бросился вперед, как смертельно раненый тигр. Даже будучи опытным в такого рода делах, наемник, однако, не смог оценить таящихся в его противнике ловкости и быстроты. Поэтому он так и остался стоять с наполовину поднятым мечом, не успев ни отскочить, ни заслониться, когда холодное жало стилета пронзило ему шею и ушло вглубь, к сердцу. С булькающим кашлем несчастный зашатался и медленно стал опускаться на землю. Когда он упал, Конан спокойно вытащил клинок из его тела. Почувствовав запах крови, конь тревожно зафыркал и натянул поводья.

Прислушиваясь, король Аквилонии застыл с окровавленным стилетом в ладони. По спине его катился холодный пот. Но кроме сонного щебетания разбуженных птиц до него не долетело ни единого звука, если не считать нарастающий в городе рев труб.

Теперь он поспешно склонился над убитым. Но быстрые поиски не показали, какую весть вез гонец, скорее всего, это был устный приказ. Убедившись в этом, он больше не стал терять ни мгновенья — до рассвета оставалось всего несколько часов. И через несколько минут по белой, ведущей на запад дороге галопом скакал белый конь, в седле которого сидел одетый в серые доспехи немедийского наемника всадник.

Глава VII

«Завеса тьмы»

Конан отлично понимал, что его единственный шанс на спасение — это скорость. Он не допускал даже мысли, чтобы спрятаться где-нибудь поблизости от Бельверуса, опасаясь того, что многочисленные ищейки Тараска выследят его. Кроме того, он был не из тех, кто прячется и крадется: открытая схватка или погоня были ему больше по душе. Он понимал, что первая победа — на его стороне. Теперь ему предстоял резкий рывок к границе.

Зенобия поступила мудро, выбрав этого белого коня, — его быстрота и выносливость были очевидны. Девушка явно знала толк в скакунах, оружии, а также, — как отметил Конан с каким-то внутренним удовлетворением, — в мужчинах. Он галопом мчался на запад, отсчитывая мили.

Дорога его пролегла по спящему краю — мимо скрытых в тени густых деревьев сел, встречавшихся, однако, все реже по мере продвижения на запад. Селений становилось меньше, рельеф начал резко меняться, а небольшие замки, сурово поглядывающие с близлежащих окрестных холмов, свидетельствовали о многовековых приграничных войнах. Но никто не выезжал из них, чтобы окликнуть или задержать одинокого ночного странника. Их хозяева ушли за штандартами Амальрика, и флаги, место которым было на флагштоках над этими стенами, сейчас развевались на ветру Аквилонии.

Оставив позади последнее приграничное поселение, Конан съехал с дороги, сворачивающей на северо-запад к далеким взгорьям — двигаться по ней дальше означало столкнуться с пограничной стражей, отряды которой сейчас были пополнены свежими силами. Они никого не пропустили бы без разрешения. Но он понимал, что теперь граница не охраняется, как в мирное время, патрулями и секретами с обеих сторон, — остались лишь заставы на дорогах да колонны возвращающихся с добычей обозов, что с рассветом вновь пускаются в путь.

Эта дорога, ведущая от самого Бельверуса, была единственной, пересекающей границу с севера на юг на протяжении ближайших пятидесяти миль. Она проходила через гряды скалистых перевалов и крутых горных склонов. И беглец решил просто держать курс на запад, чтобы перейти границу где-нибудь глубоко в глуши гор. Этот путь был более тяжел, но зато более короток и безопасен, особенно в случае погони. Один всадник здесь мог пробиться через нагромождения скал, недоступные целым армиям.

Но до рассвета он так и не успел добраться до гор — они явились его глазам тянувшимся вдоль горизонта длинным бледно-серым оборонным валом. Тут не было ни огородов, ни сел, ни хуторов под деревьями. Ранний утренний ветер шелестел высокими сухими травами, покрывающими желтый каменистый грунт, да на отдаленном холме возвышались зубцы крепостных стен. Но было ясно, что если бы не близкое дыхание опасности соседства с Аквилонией, эти места тоже могли быть густо заселены, как и далее на восток.

Свет солнца разбежался по колышущимся травам, как степной пожар, а с небес долетал прерывистый крик диких гусей, клином улетающих на юг. Наконец, в заросшей травой котловине Конан задержался и расседлал усталого и покрытого пеной скакуна. Он и так безжалостно гнал его все последние часы перед рассветом.

Когда освобожденный конь стал пощипывать траву, Конан прилег здесь же, на склоне, и окинул взглядом окрестности. Дорога, оставленная им далеко позади, белой нитью бежала на отдаленные возвышенности. На ней не было ни одной черной точки. Ничто не говорило и о том, что жители замка заметили одинокого всадника.

Единственным признаком жизни были блики солнца на стенах крепости и кружащийся в небе ворон, что снижался и вновь поднимался, по-видимому, в поисках добычи. Пора было опять седлать коня, но темп можно было бы и снизить.

Приближался уже противоположный конец котловины, как вдруг откуда-то сверху донесся громкий хриплый крик. Подняв голову, Конан увидел над собой черную птицу. Ворон размахивал крыльями и неустанно каркал, и явно следовал за человеком, будя тишину раннего утра резкими криками.

Так шли минуты. Конан начал скрежетать зубами, чувствуя, что отдал бы половину своего королевства тому, кто избавил бы его от этой черной твари.

— А, дьявол! — рычал он в бессильном гневе, грозя в небеса панцирным кулаком. — Чего ты от меня хочешь? Зачем преследуешь? Исчезни и лети клевать зерно на крестьянские поля!

Он уже спускался с первой горной гряды, когда ему показалось, что он слышит у себя за спиной эхо птичьих криков. Обернувшись в седле, он разглядел в далекой бледной дымке неба еще одну черную точку, а за ней — блеск полуденного солнца на стали. Это могло означать только одно: вооруженную погоню. И они шли не по широкой дороге, оставшейся далеко за линией горизонта. Они двигались по его следу.

Лицо его побледнело, когда он вновь увидел парящего над собой ворона.

— Так значит, это не прихоть безмозглой скотины, — процедил он. — Всадники не могут меня видеть, но я как на ладони у этого летучего шпиона, а он, в свою очередь, у других птиц. Он следит за мной, они следят за ним и показывают путь их хозяевам. Это лишь хорошо вышколенные слуги, или... А может, их послал за мной Ксальтотун?

В ответ ему раздался отрывистый крик, похожий на хриплый смех.

Не обращая больше внимания на черного ворона, Конан продолжил путь. Он не мог гнать своего коня слишком быстро — необходимо было беречь силы для дальнейшего. И хотя пока он значительно опережал преследователей, расстояние между ними скоро стало неумолимо сокращаться. Их кони не были такими уставшими.

Если бы не дьявольская птица, кружащаяся сверху, он бы легко мог сбить погоню со следа, но теперь надежд на это не оставалось. Скрытые от него неровностями склона, они продолжали идти точно за ним, ведомые своими пернатыми проводниками, — черными точками, несомненно порожденными адским пеклом. Камни, которые он швырял в них с проклятиями на устах, миновали цель, или попадали в птиц, но не причиняли им никакого вреда, хотя в юности он сбивал на лету сокола.

Конь сильно устал, и Конан стал задумываться о безнадежности своего положения, чувствуя за всем происходящим безжалостную руку судьбы. Ему не удастся уйти. Он сейчас в той же ситуации, как и тогда, когда сидел в подвалах Бельверуса. Но сдаваться было не в его правилах. И если развязка близка, он постарается взять себе в спутники в последнее путешествие нескольких человек преследователей. Теперь предстояло найти подходящее место, где можно было бы дать последний бой.

Неожиданно где-то впереди раздалась громкие голоса — человеческие или похожие на них. Мгновением позже король Аквилонии раздвинул ветки кустарника и понял причину криков. Посреди небольшой поляны четверо солдат в немедийском вооружении затягивали веревочную петлю на шее худенькой старушки в простом одеянии. Лежавшая неподалеку вязанка хвороста указывала на то, чем занималась женщина, когда на нее напали мародеры.

Молча глядя на негодяев, волокущих свою жертву к дереву, низкие и разлапистые ветви которого теперь, вероятно, должны были послужить виселицей, Конан почувствовал, как к горлу его подкатывает комок ненависти. Он стоял на своей земле, — граница осталась позади уже час назад, — и наблюдал за убийством одной из его подданных. Отбиваясь и лягаясь с удивительной

силой и энергией, старушка вновь подняла голову и пронзительно закричала. Словно вторя ей, сверху раздался крик проклятого ворона. Солдаты издевательски захохотали, и один из них ударил женщину по губам.

Соскочив с усталого коня, Конан быстро спустился со скалы по уступам и прыгнул в траву, громко лязгнув железом. Четверо обернулись на звук, необычайно проворно доставая мечи, и с удивлением уставились на панцирную фигуру, стоящую перед ними с мечом в руках.

Конан хрипло рассмеялся — глаза его стали холодны, как лед.

— Псы! — произнес он с отвращением. — С каких это пор немедийские шакалы взяли на себя роль палачей и вешают моих подданных по своему усмотрению? Возьмите уж тогда сначала голову их короля! Я к вашим услугам! Солдаты напряженно продолжали смотреть, как он приближается.

— Кто этот шутник? — произнес бородатый воин. — На нем немедийские доспехи, но говорит он с аквилонским акцентом!

— А разве это важно? — ответил ему другой. — Зарубим его, а потом уж и повесим старую ведьму.

И с этими словами все они бросились на Конана, поднимая мечи. Первый из них опустить его не успел — клинок Конана с быстротой молнии обрушился на него сверху, развалив шлем вместе с головой. Несчастный упал, но остальным это впрямь не пошло. Высунув, словно волки, языки, они напали на одинокую фигуру в серых латах, и крик черного ворона утонул в звоне стали.

Король Конан не кричал — с презрительной усмешкой он размахивал двуручным мечом направо и налево. При всем своем огромном росте он был изворотлив, как кошка — в непрерывном движении он представлял собой цель такую трудноуязвимую, что удары клинков противника всякий раз приходились в пустоту. Но зато, когда он бил сам, меч его опускался со страшной силой. Трое врагов уже лежали на земле в лужах крови, а четвертый, из полдюжины ран которого стекала кровь, заливая лицо и грудь, хаотично отбивал удары. И в этот момент нога Конана запуталась в накидке одного из поверженных противников.

Он пошатнулся и попытался вернуть равновесие, но немедиец сделал такой мощный выпад, что Конан растянулся на траве. Его соперник победно вскрикнул, прыгнул вперед, и, крепко встав на ноги для большей вилы удара, поднял свой длинный меч. Но в ту же секунду что-то большое и лохматое метнулось, как молния, над распростертым телом короля и что есть силы ударило немедийца в грудь, его торжествующий крик превратив в предсмертный хрип.

Поднявшийся Конан увидел лежавший у его ног труп врага с разорванным горлом, над которым стоял огромный серый волк с низко опущенной головой, пытавшийся слизывать с травы растекавшуюся кровь.

Голос старушки заставил Конана обернуться. Она стояла перед ним в полный рост, высокая и худощавая, с выразительными суровыми чертами лица и пронзительным взглядом. Если не считать ее необычного для жителей долин одеяния, она выглядела, как обычная селянка. Повинуясь его зову, волк подбежал к ней и стал, как большой пес, тереться широкой грудью о ее колено, глядя на Конана огромными разъяренными глазами. Она успокоительно положила ладонь на его мускулистый загривок, и оба они встали неподвижно, упершись взглядом в короля Аквилонии. Но в этом взгляде не было враждебности.

— Говорят, что король Конан погиб под обвалом, когда во время сражения под Валкой рухнули скалы, — произнесла женщина низким грудным голосом.

— Говорят... — согласился он, — ему не хотелось спорить, к тому же пора было подумать о других с каждой минутой приближающихся всадниках. Предательский ворон над его головой вновь пронзительно крикнул, и Конан мимолетом взглянул вверх, скрипнул зубами в бессильной

ярости.

Его белый конь все еще стоял наверху, на краю обрыва, опустив голову. Женщина посмотрела на скакуна, потом перевела взгляд на кружащуюся прямо над ними птицу и неожиданно издала тот же крик, что и раньше. Словно подчиняясь неожиданному приказу, ворон сразу замолчал и, сменив направление полета, стал уходить в восточном направлении. Но прежде, чем он скрылся из виду, на него упала сверху тень огромных крыльев — это из зарослей деревьев поднялся большой орел, и, влет сбив черного шпиона, он камнем рухнул вслед за ним и надежно пригвоздил его к земле, навсегда оборвав резкий дразнящий крик.

— Черт возьми! — произнес Конан, внимательно вглядываясь в пожилую женщину. — Неужто и ты тоже — чародейка?

— Меня зовут Зелата, — спокойно ответила она. — Люди из нижних долин считают меня ведьмой. Так что — сын мрака вел кого-то по твоим следам?

— Да...

— она явно не считала такой ответ неправдоподобным.

— И я уверен, погоня уже близко!

— Бери своего коня и следуй за мной, король Конан, — учтиво произнесла его новая знакомая.

Он без лишних слов взобрался на скалу и обходной тропой провел скакуна вниз, на поляну. И тотчас увидел орла, неспешно спускающегося с небес, чтобы через мгновение сесть на плечо Зелаты. Легко взмахнув огромными крыльями, словно играя, птица едва не коснулась земли.

Она шла молча, рядом с ней легкой трусцой бежал серый волк, а над головами кружил вновь поднявшийся в небо орел. Дорога вела через чащу, по обрывистым склонам глубоких ущелий, и наконец по узкой тропке длинной террасы над самым краем бездонной пропасти. Преодолев долгий путь, они добрались до необычного каменного убежища: оно было выстроено на полу скрытой каменным навесом пещеры, среди обрывов и скал. Орел, как надежный страж, сел на верхушку этого навеса и превратился в каменное изваяние.

Все еще не произнося ни слова, Зелата провела коня в просторные каменные ясли, на полу которых возвышался ворох листьев и травы, а в темном закутке бил чистый холодный источник.

Войдя в жилище, она усадила гостя на сработанную топором лавку, застеленную невыделанной шкурой, сама же, сидя на низеньком стульчике перед небольшим камином, бросила в огонь тамарисковые поленья и стала заниматься приготовлением скромного завтрака. Огромный волк, лежа у ее ног и повернув голову к огню, слегка подрагивал во сне ушами.

— Не боишься сидеть в жилище ведьмы? — спросила хозяйка, наконец прервав молчание. Нетерпеливое пожатие укрытых кольчугой плеч было единственным ответом на ее вопрос. Она усмехнулась и подала ему деревянную тарелку, до краев наполненную сушеными овощами, сыром и ячменным хлебом, а также большую кружку отменного горского пива.

— Тишина гор мне нравится больше, чем шум городских улиц, — начала она разговор. — У детей глуши сердца добрее человеческих... — ладонь ее гладила мохнатый загривок спящего зверя. — Мои дети были очень далеко, и лишь поэтому понадобился твой меч. Но они все-таки пришли на зов.

— А что хотели от тебя эти немедийские псы? — спросил Конан.

— Мародеры вражеской армии расползлись по всей стране — от границ до самой Тарантии, — объяснила она. — Глупые селяне из долин, пытаясь отвратить грабеж и разбой от своих жилищ, сказали им, что у меня есть золото и драгоценности. Они пришли за золотом, и мой ответ привел их в ярость. Но можешь быть уверен — здесь тебя не найдут ни мародеры, ни те, кто гнался за тобой, ни даже птицы.

Он кивнул и доверительно сказал:

— Я собираюсь в Тарантию...

— Чтобы самому сунуть свою голову в петлю? Поищи лучше спасения за пределами страны.

У твоего королевства больше нет сердца...

— Что ты имеешь в виду? Оно же выжило, несмотря на битвы, проигранные в прошлых войнах! Королевство не может погибнуть от одного поражения!

— И ты поедешь в Тарантию?

— Да! Чтобы помочь Просперо защитить город от Амальрика.

— А ты уверен в том, что это нужно?

— Черт возьми, женщина! — воскликнул он. — Как же иначе?

Она покачала головой.

— Дело в том, что все как раз совсем иначе... Посмотри. Я уже отвела от тебя одну опасность, а теперь сделаю так, чтобы ты увидел свою столицу.

Конан не разобрал, что она бросила в огонь, но в этот момент большой волк завыл сквозь сон, а комнату стали наполнять клубы густого зеленого дыма. И перед глазами короля Аквилонии каменные стены и потолок жилища вдруг затуманились, раздвинулись и исчезли, словно растворившись в мутной дымке — остался лишь заслонивший все зеленый дым. А в нем уже начали двигаться и исчезать какие-то тени, чтобы вскоре окрепнуть в резком и понятном образе. Он смотрел на знакомые дома и улицы Тарантии, по которым бурлила и переливалась человеческая толпа, на это изображение наслаивались штандарты Немедии, непреклонно движущиеся сквозь огонь и дым опустошенных земель. На главной площади столицы волновались люди, раздавались крики, что король погиб, что бароны передрались во время дележа королевских земель и что власть короля, даже такого как Валерий, все-таки лучше, чем анархия. Среди кричащей толпы был виден пытавшийся успокоить и образумить людей Просперо в блестящих латах. Он пытался призвать их к послушанию и под предводительством Троцero из Пуантена выйти на городские стены, чтобы помочь рыцарям отстоять столицу. Но слепой страх и паника заставили народ кричать, что он приспешник Троцero и сам не лучше, чем Амальрик. В рыцарей полетели камни и палки.

Образ слегка помутнел, что говорило о его окончании, и теперь Конан увидел Просперо, выезжающего со своими воинами из ворот Тарантии и направляющегося на юг. Вслед им летели ругательства и насмешки.

— Глупцы! — прошипел Конан сквозь зубы. — Глупцы! Почему не послушались Просперо?! Зелата, если это шутки...

— Все это уже в прошлом, — оборвала она его, не сдвигаясь с места. — Ты видел лишь вечер, когда Просперо покинул Тарантию, так как у него не было сил, чтобы сражаться с Амальриком. Со стен уже были видны пожары, полыхающие впереди вражеского наступления. Вот что ты видел. А на закате немедийская армия вступила в столицу, не встретив никакого сопротивления. А теперь ты увидишь свой королевский дворец.

И Конан узнал огромный коронационный зал, где на королевском постаменте стоял Валерий, а Амальрик, в покрытой кровью и пылью кольчуге, возлагал на его желтые кудри золотой венец, сияющий драгоценными камнями — корону Аквилонии! Присутствующие радостно кричали, дворянство, что при власти Конана было в немилости, гордо прикалывали на рукава герб Валерия, а длинные шеренги закованных в сталь воинов Немедии смотрелись при этом неудачной декорацией.

— Черт! — руки Конана сжались в кулаки, а на висках выступили вены. Лицо его исказила ярость. — Проклятый немедийский убийца жалуется короной Аквилонии этого поганого ренегата! И это в коронационном зале, в Тарантии!

Словно испуганный ненавистью, дым начал рассеиваться, и в полумраке вновь стали видны

поблескивающие глаза Зелаты.

— Ты сам видишь — люди в столице с легкостью разбазарили ту вольность, которую ты добыл им своим мечом и потом. Они сами отдались в рабство, в грязные лапы убийц. А теперь подумай — не отказаться ли тебе от твоего намерения. Или ты все еще считаешь, что сможешь рассчитывать на них, помышляя о возвращении королевства?

— Его посадили на трон, потому что считали меня мертвым, — буркнул он, постепенно успокаиваясь. — Ведь у меня нет сына. И вообще ничего, кроме воспоминаний... Но что с того, что они захватили Тарантию? Ведь остались другие области и провинции, остались бароны, народ. Пустую победу одержал Валерий.

— Ты упрям, как и положено настоящему воину. Мне неведомо будущее, и я не буду тебе указывать. Лишь провожу туда, откуда враги сняли свои заслоны. А теперь ты не хотел бы еще раз взглянуть на то, что произошло не так давно?

— Да! — и он уселся поудобнее. И вновь вознеслись клубы зеленого дыма, но появившиеся в них образы были уже совсем иными и совершенно не связанными с первыми. Он увидел тяжелые черные стены и утопающие во мраке пьедесталы, украшенные фигурками отвратительных богов. А во мраке двигались люди — смуглые жилистые мужчины в красных шерстяных блузах. Они шли по огромному черному коридору, передвигая тяжелый яшмовый саркофаг зеленоватого отлива. Не успел Конан осознать, что же он увидел, как образ сменился. Теперь была видна пещера — темная, наполненная тенями и неосознанным страхом. На черном каменном алтаре стояла выполненная в форме морской раковины большая золотая шкатулка. В пещеру вошли несколько человек из тех, кто перед этим тащил саркофаг из яшмы. Они подняли шкатулку, а потом вокруг них неожиданно заметались тени, и Конан не понял, что стало дальше. Он лишь разглядел в темноте что-то похожее на частицу живого огня. Внезапно зеленый дым вновь стал просто дымом, уносящим бледный пар тамарисковых поленьев.

— Что это было? — спросил ошеломленный Конан. — То, что я видел в Тарантии, мне понятно. Но разбойники из Заморы, крадущиеся сквозь подземные святыни бога Сета в Стигии? А эта пещера... я ничего о ней не слышал даже во времена моих странствий. Если уж ты показала ничего для меня не значащие обрывки образов, то почему бы тебе не показать всего, что произошло?

Зелата без слов подбросила в огонь хворост.

— Ты хочешь, чтобы я объяснила тебе смысл увиденного, — отозвалась она через некоторое время. — Но это вряд ли получится, ибо я и сама до конца в этом не разобралась, несмотря на то, что в тишине гор занимаюсь подобными вещами уже много лет. Не в моих правилах давать советы и разъяснения. Приходит мгновение, когда человек сам может отыскать верный путь к своему спасению. А теперь, может быть, во сне ко мне придет мудрость, и на рассвете я смогу дать тебе ключ от тайны.

— Какой тайны? — удивился он.

— Той, которая сгубила твое королевство, — услышал он в ответ, увидев, как Зелата раскладывает на полу у камина звериную шкуру. — Спи, — коротко посоветовала она.

Король Аквилонии без слов лег и скоро погрузился в беспокойный сон, в котором метались беззвучные образы и подкрадывались ужасные бесформенные тени. Один раз он разглядел на фоне алого закатного горизонта мощные стены и башни какого-то большого города неизвестно какой земли. Гигантские пилоны и пурпурные башни со шпильями тянулись к звездам, и наподобие миража над ними возносилось лицо Ксальтотуна.

Конан проснулся в прохладе следующего рассвета. Первое, что он увидел, была Зелата, склонившаяся у маленького камина. Странно — ночью он ни разу не проснулся, хотя шаги выходящего волка должны были его потревожить. А зверь уже сидел у огня с всклокоченной

шерстью, весь мокрый от росы... и чего-то еще. На густом меху его запеклась кровь, а на плече была видна рана.

Даже не оборачиваясь, хозяйка кивнула, будто читая мысли своего гостя.

— Он ходил на охоту, и охота оказалась кровавой. Думаю, что тот, кто искал короля, — кем бы он ни был, человеком или зверем — ни на кого сам охотиться больше не будет.

Протягивая руку за едой, которую подала ему Зелата, Конан с особым уважением поглядел на большого зверя.

— Да, — так что это за загадка, которую ты собиралась мне утром объяснить?

Наступила долгая тишина, прерываемая только треском горящих в камине поленьев.

— Найди сердце своего королевства, — произнесла она наконец. — В нем заключена твоя сила. Ты сражаешься не с обычным смертным врагом. Пока не отыщешь сердце своего королевства — трона тебе не видать.

— Ты имеешь в виду Тарантию?

Она покачала головой.

— Есть вещи, которые не велят говорить боги. Мои уста замкнуты, чтобы не наговорить лишнего. Ты должен найти сердце королевства. Больше я ничего тебе не скажу.

Рассвет еще только начинал золотить склоны гор, когда Конан отправился в дорогу. Он обернулся, чтобы еще раз посмотреть на непреклонную Зелату с огромным волком, что стояли у входа в их жилище.

Небо застилала серая пелена, а холодный ветер леденил руки, предвещая наступление зимы. Желтые листья падали с начавших облетать деревьев и ложились на стальные плечи одинокого всадника.

Путь через горы занял целый день — пробираться приходилось в обход дорог и селений. Лишь перед заходом солнца он стал спускаться с отрогов гор и увидел распростертые перед ним равнины Аквилонии. Селения и небольшие городки здесь начинались прямо от самого подножия горной цепи, потому что всю последнюю половину этого столетия направление вооруженных нападений шло из Аквилонии на восток. Но это было в прошлом — теперь только пепелища указывали места, где некогда стояли дома и дворы.

Сгущались сумерки, которые должны были сейчас помочь ему остаться неузнанным — как со стороны врагов, так и друзей. В своем победоносном походе на запад немедийцы припомнили все давнишние унижения, причиненные им былыми победами Аквилонии. Валерий даже не пытался сдерживать своих единомышленников и приверженцев — на мнение о нем простого народа он совершенно не обращал внимания. Широкая полоса выжженной земли брала начало на взгорьях и тянулась далее на запад, вглубь страны. Конан скрипел зубами, проезжая через почерневший пепел некогда цветущих полей, мимо поднимающихся в небо обугленных остовов сожженных домов. Как тень прошлого, стоял он перед разграбленным и пустым краем.

Быстрота, с которой неприятель захватывал аквилонские территории, свидетельствовала о незначительности встречаемого им отпора. Но если бы он сам командовал своими войсками, то врагу пришлось бы каждую пядь завоеванной земли обильно полить кровью.

Горькая мысль посетила его: он не был наследником династии. Он был всего лишь одиноким авантюристом. А вот та капля королевской крови, что текла в жилах Валерия, оказывала на человеческие мысли большее воздействие, чем память о короле Конане и вольности, силе и уважении, что он принес королевству.

Теперь, за грядой гор, можно было уже не опасаться погони. Иногда на горизонте показывались все еще наступающие или уже возвращающиеся назад отряды оккупантов, но, к счастью, ни на один из них Конан не наткнулся. Мародеры считали его одним из своих и объезжали стороной.

Западная сторона нагорий изобиловала мелкими речушками, но сейчас на них уже не было видно ранее многочисленных маленьких мельниц с водяными колесами. Путь лежал по опустошенному краю, и одинокий всадник останавливался лишь затем, чтобы насытиться той скромной пищей, что дала ему в дорогу Зелата. И, наконец, под рассвет, лежа на берегу очередной речки под защитой густых зарослей ивы, он заметил за отдаленной низиной и цепочкой нетронутых богатых садов и усадеб златоглавые башенки Тарантии.

Пустошь сменилась краем, полным жизни. Но именно с этого момента нужно было двигаться очень осторожно, прятаться в перелесках и как можно реже появляться открыто. Только в сумерках он добрался до плантации Сервия Галанна.

Глава VIII

«Пепел былого»

Сады вокруг Тарантии избежали губительного опустошения, постигшего восточные области страны. Правда, и здесь хватало свидетельств прохождения иноземных захватчиков — сорванные с петель ворота, оголенные усадьбы и сломанные ограды.

Лишь одно печальное место встретил здесь Конан — большое пепелище и обломки почерневших камней там, где когда-то поднималась резиденция одного из его наиболее близких соратников.

Не задерживаясь, он направился к расположенной в паре миль от города небольшой усадьбе своего верного товарища — барона Галанна. Когда впереди замаячила высокая ограда с видневшейся среди деревьев сторожкой, уже наступила темнота. Соскочив с седла и привязав коня к дереву, Конан направился к домику сторожа. Он не торопился, допуская, что подразделения неприятеля могут быть расквартированы по всей околице, в том числе и на этой усадьбе. Нужно было выждать, или хотя бы встретиться с кем-либо из здешних слуг. Но неожиданно грубо сколоченные двери сторожки отворились, и из них вышел крепкий человек в шерстяной накидке и богато вышитой безрукавке, неторопливо двинувшийся по тропинке вдоль ограды.

— Сервий!

Вскрикнув от неожиданности и удивления, хозяин усадьбы резко обернулся и отскочил в сторону, разглядев стоящую перед ним в полумраке рослую, закованную в сталь фигуру. Рука его непроизвольно потянулась к подвешенному у пояса короткому охотничьему ножу.

— Кто это? — спросил он с напряжением. — И что ты здесь... О, господи!

Его румяные щеки побледнели, а дыхание сперло.

— Господин мой! — вскрикнул он. — Зачем ты пугаешь меня, возвратившись из серых краев смерти? Пока ты был жив, я верно служил тебе и был твоим верным товарищем...

— Того же жду от тебя и сейчас, — произнес в ответ Конан. — Я все так же состою из костей и крови, — перестань трястись!

Пораженный и испуганный, Галанн приблизился и взглянул в лицо гостя, а когда убедился в правдивости его слов, опустил на одно колено и обнажил голову.

— Ваше Величество! Это воистину чудесное возвращение! Ведь большой крепостной колокол уже давно возвестил о твоей смерти. Говорили, что ты погиб под Валкой, погребенный страшным обвалом.

— В мою броню был одет другой, — объяснил Конан. — Но об этом после. Если на твоём столе есть чем утолить голод...

— Прости меня, господин мой! — прошептал Сервий, вскакивая на ноги. — Пыль путешествия еще лежит на твоих латах, а я заставляю тебя разговаривать, не предложив угощения! Господи! Теперь-то я вижу, что ты жив и здоров, но клянусь: когда заметил твою серую неясную в темноте фигуру, мозги мои поехали куда-то в сторону. Согласись — как-то непривычно встречать в ночном лесу человека, которого считаешь мертвым. — Прикажи слугам присмотреть за моим конем — я привязал его вон у того дуба.

Галанн кивнул, шагая впереди по тропинке. Он уже вполне оправился от испуга, но теперь заметно занервничал.

— Нужно уйти с открытого места, — объяснил он. — Сторож сидит в своем домике... но

последнее время и он боится служить мне. Так что будет лучше, если о твоём появлении буду знать один я.

Приблизившись к стенам дома, матово просвечивавшим сквозь деревья, Сервий пошел вдоль них по чистой дорожке, бегущей среди дубов, сплетенные кроны которых гасили последние отблески умирающего дня. Его явно тяготило какое-то чувство, похожее на панику, но он продолжал твердо идти впереди, и наконец пропустил гостя через небольшие двери в слабоосвещенный коридор, а затем и в просторную комнату с обшитым дубовыми досками потолком и стенами. В большом камине пылали дрова, однако воздух здесь был прохладен. На широком столе из красного дерева стоял, по-видимому, только что разогретый на огне паштет, от которого шел пар. Сервий замкнул массивные двери и задул свечу в серебряном подсвечнике, единственным источником света оставив огонь камина.

— Садитесь, Ваше Величество, — учтиво пригласил он. — Опасное сейчас время, всего приходится бояться. Будет лучше, если никто ничего не увидит, даже если подсмотрит в окно... А этот паштет только что с огня — я просто вышел... Может быть, Ваше Величество, вам плохо видно?..

— Нет, здесь хватает света, — буркнул Конан, без лишних слов усаживаясь и доставая стилет. И он с наслаждением стал поглощать вкусную пищу, запивая куски мяса большими глотками вина, приготовленного на собственных винодельнях этой плантации. Казалось, что он забыл про все опасности, а вот хозяин, наоборот, беспокойно вертелся на своем месте у камина, нервно вертя в пальцах серебряную табакерку, висевшую у него на шее на тяжелой золотой цепи. Он то и дело бросал опасливый взгляд на матово отсвечивающее окно и прислушивался, не раздадутся ли за дверью в коридоре осторожные подкрадывающиеся шаги.

Закончив есть, Конан пересел на стоявшую рядом с камином невысокую скамеечку.

— Я не буду долго причинять тебе беспокойства своим присутствием, — сказал он резко. — На рассвете я буду уже далеко отсюда.

— О, мой король... — Галанн с мольбой поднял руки, но Конан быстрым жестом отклонил его протесты.

— Мне хорошо известны твои преданность и мужество. У меня нет к тебе никаких претензий. Но покуда Валерий занял мой трон, ты сильно рискуешь, предоставляя мне убежище.

— У меня просто нет таких сил, чтобы противостоять ему, — согласился Сервий. — Те пятьдесят воинов, что я могу выставить против него, включая себя, будут значить для него не больше, чем клочок травы. Ты же видел руины усадьбы Эмилия Скавона?

Нахмурившись, Конан кивнул.

— Он был, как ты сам знаешь, крупнейшим землевладельцем в этой области, но отклонил предложения Валерия. Его сожгли прямо в собственном доме, главной резиденции. В это время от нашей армии остались лишь жалкие остатки, а сами тарантийцы драться не желали. Нам пришлось сложить оружие, и Валерий даровал нам жизнь, хотя подати, что он на нас наложил, сами по себе могут довести до разорения. А что мы могли сделать? Мы же были уверены, что ты погиб! Многие из баронов — убиты, многих увезли неизвестно куда. Армия разбита и распущена. Наследника трона по твоей линии — нет. И не было никого, кто сплотил бы нас.

— А Троцero из Пуантена? — зло спросил Конан. Галанн горестно развел руками.

— Действительно, его заместитель Просперо приходил сюда со своим корпусом. Но отступая перед Амальриком, он измотал людей, собравшихся под его штандартами. А коль все считали вас, Ваше Величество, мертвым, вспомнились давнишние войны, битвы и обиды и то, что Троцero из Пуантена в свое время проходил по этим областям точно так же, как сейчас Амальрик — огнем и мечом. Бароны-то были за Троцero, но вот простолюдины, а может, и агенты Валерия, вопили, что наместник Пуантена сам хочет завладеть короной Аквилонии. И

вновь начались старые дразги между разными группировками. А если бы был хоть один мужчина с королевской кровью в жилах, его быстро бы короновали и пошли за ним против Немедии. Но этого не случилось.

Бароны, верные твоей памяти, не помирились между собой и не объединились — каждый был обижен на соседа, каждый опасался амбиций остальных. Ты был нитью, что сдерживала эти бусы. Когда нить лопнула, бусы распались. Будь у тебя сын, бароны встали бы за него. А так — не нашлось огня зажечь их патриотизм.

Купцы и простой люд, опасаясь анархии и возвращения феодализма, когда каждый из баронов имел свои законы, — кричали, что нужен хотя бы какой-нибудь король, хоть Валерий, который принадлежит к крови древней королевской династии. И не нашлось тех, кто препятствовал тому, когда с развевающимся над головой пурпурным драконом Немедии, этот ублюдок приехал во главе своих рыцарей и ударил копьем в ворота Тарантии.

А люди открыли ворота и склонились перед ним в поклоне. Они отклонили помощь Просперо в удержании города, заявив, что пусть уж ими лучше правит Валерий, чем Троцерио. И еще я слышал — многие бароны пошли за Валерием, а не за Троцерио. Они хотели, посадив Валерия на трон, избежать гражданской войны и гнева немедийцев. Просперо уехал, а через несколько часов в город вошли силы Амальрика. Они не стали догонять отступающих, а решили дожидаться коронации Валерия.

— Значит, дым старой чародейки рассказал мне правду, — сказал Конан, чувствуя, как по плечам его пробегает холодная дрожь. — Валерия короновал Амальрик?

— Да. В коронном зале, руками, на которых еще не успела обсохнуть кровь.

— И что — народ расцвел под его доброй властью? — в голосе Конана слышалась гневная ирония.

— Валерий живет, как иноземный захватчик в центре поработанной им страны, — с горечью ответил Сервий. — Двор его кишит немедийцами, стража и гарнизон крепости — тоже немедийские. Вот так кончается год Дракона. Оккупанты чувствуют себя хозяевами на улицах, и не проходит дня, чтобы они не изнасиловали женщину или не избили купца. Валерий их сдерживать либо не хочет, либо не может. Он всего лишь кукла, немедийская марионетка. Умные люди знали, что этим все и кончится, но уже появляется мнение, что именно так и должно быть.

Амальрик пошел дальше, чтобы разгромить приграничные провинции, где некоторые бароны все еще не хотят признать власть Валерия. Но среди них нет единства, и зависть друг к другу у них сильнее, чем страх перед Амальриком. Он давит их одного за другим. Видя это, многие замки и города объявили о капитуляции. А те, что давали отпор, горько пожалели об этом. Здесь немедийцы дают волю своей лютой ненависти. К тому же ряды их постоянно пополняются теми аквилонцами, которых страх, золото или голод заставляют вступать во вражескую армию. Это настоящее предательство...

Конан мрачно кивнул, взглядываясь в красные отблески пламени на богато расписанных деревянных стенах.

Хозяин дома продолжал:

— И теперь у нас есть новый король Аквилонии вместо анархии, которой все так боялись. Валерий не ограждает своих подданных от притязаний оккупантов. Целые сотни тех, кто не смог уплатить наложенных на них податей, проданы в рабство торговцам из других стран.

Конан резко поднял голову, и в глазах его зажглась исполненная жажды крови ненависть. Он длинно выругался, сжав свои кулаки в пару тяжелых молотов:

— Ах, даже так! Они вновь, как встарь, продают в рабство белых мужчин и женщин. Во дворцах Шема и Турмана всегда нужны невольники. Валерий стал королем, но единство, которого так ждали эти глупцы — разрушенное иноземным мечом, так и не наступило.

Но Гандерланд на севере и Пуантен на юге еще не сломлены, то же самое — на западе, где бароны Пограничья имеют под своими флагами немало боссонских лучников. Эти провинции не представляют для Валерия непосредственной угрозы, но если их объединить, то им будет сопутствовать боевая удача, и они смогут отстоять свою независимость. Пускай Валерий правит в этих местах, пока может. Дни его сочтены. Народ поднимется, когда узнает, что я еще жив. Я отвоюю Тарантию и отброшу от нее Амальрика. А потом прогоню этих поганых псов из всего королевства.

Сервий продолжал молчать, и тишину нарушало лишь потрескивание огня.

— Ты что? — удивленно крикнул Конан. — Что ты повесил голову и уставился в огонь? Ты веришь в мои слова?

Галанн старательно избегал взгляда короля.

— Конечно, Ваше Величество, вы сделаете все, что в человеческих силах, — наконец упавшим голосом произнес он. — Я ходил за вами в бой и знаю, что нет человека, кто мог бы одолеть тебя...

— Так что же тогда?

Сервий еще глубже запахнулся в свой кафтан на меху и задрожал, несмотря на близость огня.

— Люди говорят, что все, что произошло, — дело рук черной магии.

— Ну и что с того?

— А что может сделать простой человек против магии? Кто тот неизвестный, что, как рассказывают, пришел с Валерием с севера, появляется и исчезает столь таинственно? Люди шепчутся, что это великий чародей, умерший тысячи лет тому назад, но вернувшийся из серых краев смерти, чтобы свергнуть короля Аквилонии и вернуть к власти династию, наследником которой является Валерий.

— Да разве это имеет какое-нибудь значение? — гневно выкрикнул Конан. — Я сумел уйти от невиданных демонов подземелий Бельверуса и дьявольщины, что преследовала меня в горах. Если народ поднимется...

Галанн покачал головой.

— Самые преданные твои подданные в восточных и центральных областях либо уже погибли, либо бежали, а то и схвачены. Гандерланд лежит далеко на севере, Пуантен — далеко на юге. Боссонцы отошли на свое западное Пограничье. Призыв и сбор всех этих сил потребует недель, и если Амальрик узнает об этом, он нападет первым и уничтожит каждого по отдельности, чтобы не допустить их объединения.

— Но восстание в восточных и центральных областях страны перетянет чашу весов на нашу сторону! — громко возразил Конан. — Мы сможем освободить Тарантию и удержать ее до подхода войск из Гандерланда и Пуантена.

Еще секунду его собеседник колебался, а потом, понизив голос до шепота, произнес:

— А еще говорят, что тебя погубили заклятия. Рассказывают, что все тот же самый чужеземец владеет чарами, способными убить тебя и разбить твою армию, что и произошло под Валкой. Громкий звон крепостного колокола возвестил о твоей смерти. Люди уверены, что ты мертв. А центральные области теперь вообще не поднимутся, даже если узнают, что ты вернулся: они просто не осмелятся. Магия победила на поле валкийской битвы, и магия принесла весть о твоей гибели, ибо уже тем же вечером народ волновался на улицах Тарантии.

Немедийский жрец и колдун прибег к помощи черной магии, чтобы умертвить прямо на улицах столицы тех, кто оставался тебе верен. Непонятным и страшным образом наши воины падали тут же, на мостовую и умирали. Мерли, как мухи. А тот худой чернокнижник рассмеялся и сказал: «Я всего лишь Альтаро, ученик Ораста, единственного изъясителя воли того, кто скрыт

от ваших глаз. Это — не моя сила, она лишь проходит через меня».

— А что? — резко отозвался Конан. — Разве не лучше гордо умереть, чем жить в рабстве? Разве смерть горше, чем притеснения, неволя и издевательства?

— Разум отступает, как только начинают бояться глаза, — раздался ответ Сервия. — А центральные области теперь боятся слишком сильно, чтобы пойти за тобой. Окраины может еще и будут сражаться... но та же сила, что поразила тебя под Валкой, одержит верх и теперь. Немедийцы сейчас удерживают самые обширные, богатые и густонаселенные районы Аквилонии и не позволят победить себя силами, которые ты в настоящее время можешь получить в свое распоряжение. Ты можешь полагаться лишь на самых своих верных подданных. Больно, что я тебе скажу, но это правда: ты, Конан, — король, но без королевства.

А тот молча смотрел на огонь. Прогоревшее полено, не разбрасывая искр, тихо распалось в пламени. Точно так же, как его королевство.

И вновь, где-то за чертой материальных чувств, Конан почувствовал страшную, отвратительную леденящую руку безжалостной судьбы. Паника и чувства человека, попавшего в безнадежную ловушку, сражались в его душе с дикой ненавистью варвара, требовавшей убийства и победы.

— Где сейчас мои королевские советники? — спросил он наконец.

— Паллангид, тяжело раненый в битве под Валкой, вернулся на родину и теперь находится в своем замке в Атгалусе. Я могу написать ему, если найду человека, который решится отвезти весть. Канцлер Публио со свитой бежал из королевства неведомо куда. Королевский совет разогнали. Шестеро его членов схвачены, остальные — в изгнании. Большинство твоих верных людей убиты. И этой ночью, например, княжна Альбиона умрет под топором палача...

После этих слов Конан посмотрел на своего собеседника так, что тот весь сжался.

— За что?

— Она не захотела стать наложницей Валерия. Он отнял у нее землю и имение, слуг продал в рабство, и сегодня ночью в Железной Башне ей отрубят голову. Прими совет, мой король, — ибо для меня ты навсегда останешься королем, — уходи, пока тебя не схватили. Никто теперь не находится в безопасности. Шпионы и доносчики — вокруг и внутри нас, и любой косо брошенный взгляд или неосторожное слово рассматривается как неповиновение и бунт. Если ты откроешься своим подданным, тебя сразу же поймают и убьют! Все мои кони и люди, которым я могу доверять, — в твоей власти. До рассвета ты успеешь уйти далеко от Тарантии и будешь неподалеку от границы. Не в состоянии помочь тебе вернуть королевство, я могу, однако, последовать за тобой в изгнание.

Конан отрицательно покачал головой. Он сидел, уставившись на языки пламени и опершись подбородком на большой кулак. Огонь алыми бликами отражался в его броне и разъяренных глазах. Вновь, как и часто в прошлом, Сервий задал себе вопрос: до конца ли он знает непонятные и тайные возможности своего короля? Фигурой его господин превосходил обычных цивилизованных людей, а в глазах его пылал первобытный огонь варварства. И вновь это спрятанное в короле дикое начало давало о себе знать все сильнее, словно с него опадали последние обломки скорлупы цивилизованности. Конан начинал приобретать свой настоящий облик. Он поступал явно не так, как это делал бы на его месте любой цивилизованный человек, и мысли его сейчас мчались гигантскими скачками. Он был непредсказуем. Всего лишь малый шаг отделял короля Аквилонии от одетого в шкуры убийцу с нагорий Киммерии.

— Я поеду в Пуантен, если мне представится такая возможность, — произнес он наконец. — Но поеду один. Как король Аквилонии, я должен сделать еще одну вещь...

— Что вы задумали, Ваше Величество? — спросил Галанн, полный наихудших предчувствий.

— Сейчас я поеду в Тарантию и попытаюсь спасти Альбиону, — ответил Конан. — Я подвел всех остальных моих подданных... и теперь, если эти подонки возьмут ее голову, могут получить и мою!

— Это же безумие! — крикнул в отчаянье Сервий, вскочив и схватившись руками за горло, словно в приступе удушья.

— Башня имеет подземелья, о которых мало кто знает, — твердо продолжал король. — И я буду последним псом, если позволю Альбионе умереть лишь за то, что она сохранила мне верность. Может, я и король без королевства, но не сопляк без гордости!

— Это убьет всех нас! — прошептал Галанн.

— Нет, никого, кроме меня. Ты и так уже достаточно рисковал. Я пойду один. Дай мне только повязку на глаз, посох в руки, да такую одежду, что носят бродяги...

Глава IX

«Дух короля»

Немало людей проходило за время от захода солнца до полуночи через высокие арочные ворота Тарантии: путешественники, купцы из далеких краев, ведущие тяжело груженных мулов, вольные работники из окрестных имений и сел. Теперь, когда Валерий укрепил свою абсолютную власть в центральных районах страны, входящих уже не проверяли слишком строго и они ровным потоком вливались в широкие ворота. Ослабела и дисциплина — несущие здесь службу немедийские солдаты были в подпитии и занимались высматриванием сельских девчат или богатых купцов, с которых было чем поживиться. Они не обращали внимания на работников и закутанных в плащи путешественников, как не обратили внимания и на рослого бродягу, поношенный плащ которого был не в состоянии скрыть твердости контуров мощной фигуры.

Человек этот шел широкой упругой походкой, а тяжесть его рук свидетельствовала о том, что он вполне может за себя постоять. Широкая черная повязка прикрывала один его глаз, а кожаная шляпа, низко натянутая на глаза, отбрасывала на его лицо тень. С грубым и длинным посохом в мускулистой шершавой ладони он неспешно прошел под сводом ворот, освещенным светом факелов, и, проигнорированный стражей, вышел на широкие улицы Тарантии.

Они были хорошо освещены и заполнены людьми, а до сих пор открытые лавки и магазины предлагали прохожим свои товары. Но повсюду повторялась одна и та же картина: немедийские солдаты, в одиночку или группами, пересекали толпу, сохраняя на лицах выражение холодного пренебрежения. Женщины бежали от них со всех ног, а мужчины с темнеющими лицами и стискивающимися кулаками отходили в сторону. Аквилонцы были народом гордым, а захватчики к тому же были их давними врагами.

Костяшки стиснутых на посохе пальцев высокого путешественника сразу побелели, но, взяв пример с других, он нехотя уступил дорогу панцирным воинам. Среди пестрой толпы никто не обращал внимания на его одеяние, но один раз, когда он миновал оружейную лавку и свет из широко открытых дверей хорошо подсветил его, ему показалось, что он чувствует на себе чей-то внимательный и пристальный взгляд. Быстро обернувшись, он заметил, что на него уставился смуглый человек в кожаном фартуке вольного работника. Увидев, что его заметили, человек этот неестественно быстро повернулся и затерялся в толпе. А Конан, не мешкая, свернул в узкий переулок и прибавил шагу. Конечно, это могло быть и чьим-то простым любопытством, но лишний раз рисковать не стоило.

Мрачная Железная Башня располагалась на некотором удалении от городских стен, среди лабиринта узеньких улочек и старых домов, давно оставленных даже беднейшими жителями столицы и теперь ожидавших сноса. Башня тоже была своего рода небольшим замком — древним сплетением каменных плит и черного железа, построенным еще в древности, и играла когда-то роль крепости.

Неподалеку от нее, затерянная в хаосе полупустых домов и крошечных лавочек, поднималась еще одна башня — караульная, такая старая и забытая, что ее уже добрую сотню лет даже не наносили на план города. Первоначальное ее предназначение давно забылось, и никто из живших вокруг не обращал внимания на этот старинный замок, который, как считалось, по ночам превращался в прибежище убийц и воров, и не догадывался, что это — тайная обитель необычных сил, о чем говорил опоясывающий ее каменный барельеф. Всех секретов этой старой башни не знало даже и полдюжины людей во всем королевстве.

Массивный поржавевший замок не имел скважины для ключа, но пробежавшие по нему быстрые пальцы Конана нащупали в нескольких местах небольшие неровности, недоступные глазу обычного наблюдателя. Двери тихо отворились внутрь, и король вошел в темноту, прикрыв их за собой.

Двигаясь в темноте с явным знанием места, он быстро нащупал медное кольцо в одной из каменных плит пола, поднял ее и без колебаний опустил в зияющий под ней ход. Ощувив под ногами крутые каменные ступени, он стал спускаться вниз, чтобы войти в узкий коридор, который, как он знал, вел под тремя городскими улицами к подземельям Железной Башни.

Крепостной колокол, возвещавший только смерть короля и смену суток, пробил полночь. В слабо освещенном входном холле Железной Башни раскрылись двери, и через них проследовала человеческая фигура.

Изнутри башня выглядела точно так же, как и снаружи: ничем не украшенные серые массивные стены. Плиты пола были основательно издолблены ногами многих поколений заключенных и стражников, а сводчатый потолок освещался мутным мерцанием вставленных в кронштейны факелов.

Человек, вошедший в коридор, уже одним своим видом вызывал какой-то суеверный ужас. Это был рослый, крепко сложенный мужчина, одетый в черную облегающую накидку из шерсти и широкий плащ. Голову его прикрывал ниспадающий на плечи черный капюшон с прорезями для глаз, а на плече он нес тяжелый топор, с виду напоминающий алебарду.

В противоположном конце коридора его ожидал, склонившись под тяжестью пики и лат, сгорбленный старец с обличем горца.

— А ты не так пунктуален, как твой предшественник, — буркнул он вошедшему. — Уже пробил полночь, и господа в масках поднялись в комнату прекрасной госпожи. Ждут тебя.

— Эхо колокола еще не успело затихнуть, — возразил палач, — А если я и не так скор на ноги, чтобы поспевать на каждую казнь, то, смею тебя уверить, рука моя гораздо быстрее. Возвращайся к своим обязанностям, старик, а мои — предоставь мне, а уж они-то, видит бог, роскошнее твоих. Ты топчешься здесь в холодном коридоре и стережешь ржавые двери темниц, а я пойду рубить самую прекрасную голову в Тарантии...

Бормочущий что-то себе под нос дозорный поковылял дальше, а палач продолжил свой неспешный путь. Через несколько шагов он прошел остаток коридора, заметив краем глаза, что одна из дверей слева от него открылась. Но он не придавал этому значения, а когда почувствовал, что что-то не в порядке, было уже поздно.

Его встревожила тихая кошачья поступь и шелест плаща позади, но прежде, чем он успел обернуться, сильные руки сомкнулись на его шее и задушили еще не родившийся крик. И в тот краткий миг, который был ему еще отпущен, он осознал, в приступе страшной паники, что сила его собственных пальцев — ничто по сравнению с той, что неумолимо отнимала у него жизнь. А в довершение всего закатывающимися глазами он разглядел погружающийся в его грудь стилет.

— Тварь немедийская! — раздалось над его ухом. — Не отрубить тебе больше ни одной головы!

Это были последние слова, которые он услышал в жизни.

В обширной каменной комнате, освещенной лишь факелами, с которых капала смола, трое мужчин стояли вокруг лежавшей у их ног молодой женщины, откинувшейся на ворох соломы, служившей ей тюремной постелью. Одетая только в холщовую рубашку, со связанными позади руками, она со страхом смотрела вверх. Золотистые волосы волнами спадали на ее белые плечи, и даже мутный свет пламени и вызванная ужасом бледность не могли скрыть ее необыкновенной красоты. Широко открытыми глазами она вглядывалась в окружившие ее фигуры. Они были в масках и плащах, но она знала их всех, хотя это теперь не могло принести

ей избавленья.

— Наш милосердный господин дает тебе еще один шанс, княжна, — произнес самый высокий из них, разговаривая по-аквилонски совсем без акцента. — Он повелел передать тебе, что если ты все-таки смиришь свою гордую бунтарскую душу, он примет тебя в свои объятия. А если нет... — и он жестом указал на покрытый черными потеками и пятнами растрескавшийся пенёк в центре комнаты.

Альбиона задрожала и побледнела, попытавшись еще сильнее вжаться спиной в холодную каменную стену. Каждая частица ее молодого тела кричала жаждой жить. «Валерий тоже молод и красив...» — повторяла она в душе, ведя сама с собой схватку за сохранение жизни. — И его любят женщины..." Но она не решалась произнести слов, защитивших бы ее прекрасное тело от окровавленного пня и топора палача. Она не могла принять эту долю, прекрасно зная, что одна лишь мысль об объятиях Валерия приводила ее в ужас больший, чем страх смерти. Она твердо покачала головой, прислушиваясь к тому, что было для нее сильнее инстинкта жизни.

— Тогда нечего больше думать! — нетерпеливо закричал другой присутствующий с резким немедийским произношением. — Где же мастер?

Словно в ответ на его слова двери каземата тихо открылись и в их проеме появился огромный, похожий на тень, вселяющий страх силуэт.

При виде этого замораживающего кровь в жилах зрелища у Альбионы помимо ее воли вырвался полузадушенный крик, а все остальные несколько мгновений стояли молча, словно пришелец в маске вызвал у них неосознанный страх: сквозь прорези в капюшоне были видны горевшие огнем глаза, которые по очереди останавливались на каждом из присутствующих, отчего по спинам у них пробегала холодная неприятная дрожь.

Потом высокий опомнился и, схватив несчастную девушку, швырнул ее на середину комнаты. Она закричала и попыталась вырваться, но он безжалостно повалил ее на колени и положил ее золотоволосую голову на окровавленный пенёк.

— Чего ты ждешь, палач? — гневно закричал он. — Делай свое дело!..

Ответом ему был громкий взрыв неописуемо зловещего хохота. Все присутствующие — даже стоявшая на коленях, с неестественно повернутой головой девушка — замерли, вглядываясь в скрытую плащом и капюшоном фигуру.

— Что значит этот неучтивый смех, мерзавец? — дрожащим от злости голосом спросил высокий.

Человек в одежде палача сорвал с головы капюшон и швырнул его на пол. Потом, опершись плечами в закрытые двери, он медленно поднял топор.

— Ну что — узнаете меня, грязные псы? — прогремел его голос. — Узнаете ли вы меня?

Тишину, не прерываемую даже звуком дыхания, разорвал резкий истерический крик Альбионы, сумевшей вырваться из ослабевших рук мучителя:

— Король! О, господи! Это же король!

Трое мужчин продолжали стоять, как вкопанные.

— Конан!.. — выдавил старший из них тоном человека, не уверенного в своем рассудке. — Это король или его дух? Что это за дьявольская выходка?

— Дьявольская выходка, чтобы покончить с такими тварями, как вы! — закипая, ответил Конан. Губы его растянулись в злобной улыбке, а в глазах заплясали языки адского пламени.

— Ну же, ближе к делу, господа! У вас есть мечи, а у меня — этот тесак. Ну! Я думаю, этот мясницкий топор как раз подойдет для разделки ваших туш, дорогие рыцари!

— Вперед! — зарычал аквилонец в маске, выхватывая свой меч.

— Это Конан... и либо он, либо мы сейчас должны умереть!

Двое немедийцев, теперь тоже оправившихся от оцепенения, достали мечи и бросились на

Конана.

Топор палача не был самым удобным оружием для такого боя, но король Аквилонии владел им легко, как секирой, а быстрые движения его ног в постоянной смене позиций расстроили все планы противников об окружении с трех сторон.

Он ударил обухом топора по голове одного из нападавших, и пока тот пытался вновь найти равновесие и отступить, заслонившись мечом, разрубил ему панцирную грудь. Другой немедиец споткнулся, и топор раскроил ему череп. Мгновением позже высокий аквилонец был уже зажат в угол, где беспорядочно отражал удары топора, не догадываясь, однако, позвать на помощь.

Неожиданно левая рука Конана выстрелила вперед и сорвала с противника маску, обнажив лицо.

— Подлец! — заскрежетал зубами король. — Я был уверен, что это ты, Здрайк! Проклятый предатель! Даже эта грязная сталь слишком роскошна для твоей гнусной головы! Так сдохни, как издыхают злодеи!

Топор описал страшную дугу, и аквилонец с криком упал на колени, схватившись за хлещущий кровью обрубок правой руки, а лезвие прошло по инерции дальше и погрузилось в бок несчастного, открывая рану, из которой начали вываливаться внутренности.

— А теперь лежи здесь и истекай кровью, — процедил Конан, с отвращением опуская топор. — Пойдем, княжна!

Он наклонился, перерезал путы на ладонях Альбионы и, подняв ее на руки, словно ребенка, вышел прочь. Она истерически плакала, сжимая его шею в спазматическом объятии.

— Успокойся! — бормотал он. — Мы еще не ушли. Нужно добраться до подземного хода... А, дьявол! Они слышали голоса и шум даже сквозь стены!

В глубине коридора раздался лязг железа, а сводчатый потолок отозвался отзвуком шагов и криков. Навстречу им бежала сгорбленная фигура, в высоко поднятой руке которой пылала свеча. Бежавший приблизился, и свет упал прямо на беглецов. Конан с проклятием бросился вперед, но старый дозорный, побросав пику и щит, удрал, как перепуганный заяц, громко и хрипло вопя изо всех сил. Ответом ему были отдаленные крики стражи.

Конан быстро повернулся и поспешил в противоположную сторону. Теперь о подземном ходе думать не приходилось. Но он хорошо знал подземные лабиринты этой башни — он часто здесь был еще до того, как стал королем. Свернув вбок и сделав небольшой крюк по обходным коридорам, он вновь вынырнул в нужном ему проходе — на расстоянии каких-нибудь нескольких шагов виднелись тяжелые запертые ворота, охраняемые бородатым солдатом в полупанцире и шлеме. Он немного отклонился от поста и вглядывался в ту сторону, откуда приближался шум и мерцание факелов, обернувшись к Конану спиной.

Тот не стал колебаться. Опустив девушку на землю, он взял в руки захваченный у одного из поверженных перед этим противников меч и бесшумно бросился вперед. Но в последнее мгновение стражник обернулся, вскрикнул от неожиданности и страха и поднял пику. Но это не помогло — Конан успел нанести удар — шлем и череп мгновенно лопнули, и тело беззвучно рухнуло наземь.

В мгновение ока Конан отбросил тяжелый массивный засов, блокирующий двери, — на это не хватило бы сил и у двух обычных людей, и позвал Альбиону, тотчас подбежавшую. Схватив ее за руку, он выскочил наружу, и они исчезли в ночном мраке.

Перед ними была узкая и темная, как пещера, аллея, ограниченная с одной стороны стеной башни, из которой они только что выбрались, а с другой — сомкнутыми стенами домов. Нужно было спешить, и Конан рванулся вперед, оглядывая окрестности в поисках окон или дверей, но ничего не было видно.

Ворота башни у них за спиной с треском распахнулись, и из них выскочили солдаты, в

блестящих панцирях которых дрожали отсветы огня факелов. Оглядев все вокруг, они разбежались в разные стороны, не в состоянии окинуть взглядом темноту, рассеиваемую светом факелов всего на несколько шагов. Постояв в нерешительности, они бросились в направлении, противоположном тому, куда скрылись беглецы.

— А, черт! — тихо сказал король, убыстряя шаги. — Найти бы хоть какую-нибудь щель в этой проклятой стене... Дьявол! Ночная стража!

В том месте, где аллея выходила на узкую улочку, были видны блеск факела и освещенные им стальные фигуры.

— Стой, кто идет? — раздался властный окрик, и Конан яростно зашипел, уловив ненавистный немедийский акцент.

— Держись за мной, — тихо приказал он девушке. — Нужно успеть пробиться через этот заслон, пока нас не окружили с другой стороны.

И с мечом в руках он бросился навстречу приближающимся стражникам. Его преимуществом была неожиданность. Кроме того, силуэты врагов были высвечены огнями улицы, он же на фоне темной аллеи был для них неразличим. Он появился рядом с ними внезапно и, покуда они не успели ничего понять, стал с молчаливым ожесточением рубить направо и налево.

Его единственным шансом было пробиться через порядок неприятеля, пока он не успел сомкнуть ряды. Их было человек шестеро — ветераны пограничных войн в полной боевой выкладке, и их инстинкт схватки мог быстро преодолеть первоначальное замешательство. Но трое уже упали, когда остальные сумели уяснить, что имеют дело всего лишь с одним противником, но они и без этого реагировали отлично. Звонкий лязг стали сменялся оглушительным звоном, когда удар Конана приходился в шлем или панцирь кого-либо из них. Он видел в темноте лучше их, а в мутном свете его мгновенно перемещающийся с места на место силуэт представлял собой очень трудноуязвимую цель. Свистящие мечи немедийцев рассекали только воздух, или, в крайнем случае, разметавшиеся волосы. Но его собственные атаки по натиску и силе походили на ураган.

За его спиной уже начали раздаваться крики приближающихся со стороны башни солдат, а впереди проход заслоняла все еще оцетинившаяся мечами стальная стена. Уяснив, что через несколько секунд ему ударят в спину, Конан удвоил скорость и силу ударов, — он молотил, словно кузнец по наковальне. И вдруг он заметил, что в рядах противника появилась брешь, а за их спинами вынырнули из темноты странные темные силуэты. Раздался громкий отголосок мощных ударов, блеснула в темноте сталь, и к небу вознесся крик смертельно раненных в спины людей — на каменных плитах аллеи, извиваясь в агонии, лежали поверженные враги. Неожиданно из мрака к Конану подскочила закутанная в плащ фигура. Он поднял меч, заметив в ее руке отблеск металла, однако другая протянутая к нему ладонь была пуста. Неизвестный громко прошептал:

— Сюда, Ваше Величество! Быстрее!

Удивленный Конан пробормотал проклятие, но, подхватив на руки Альбиону, последовал за незнакомцем, — не было нужды оставаться на виду у человек пятнадцати бегущих сюда от Железной Башни солдат.

В сопровождении таинственных фигур в черном он бежал по темной аллее, неся княжну, как ребенка. О своих проводниках он не смог узнать ничего, кроме того, что на них были длинные плащи с капюшонами. Недоверие и подозрительность, правда, ненадолго проснулись в его душе, но, понимая, что они оказали ему большую услугу, он молча двигался вместе с ними.

Словно прочитав его мысли, предводитель закутанных в черные одеяния людей слегка коснулся его руки:

— Не бойтесь, Ваше Величество, мы ваши верные подданные.

Голос был незнакомым, но выдавал происхождение из центральных областей Аквилонии.

Сзади раздались яростные крики стражников, обнаруживших трупы своих товарищей и бросившихся вслед беглецам, силуэты которых были теперь различимы в свете соседней улицы. Но таинственные спутники неожиданно свернули в сторону совершенно глухой на первый взгляд стены, и, подбежав ближе, Конан рассмотрел, что в ней зияет темный провал двери. Проклятье! — он столько раз проходил здесь при свете дня, но никакой двери не видел, и вообще не имел о ней понятия! Беглецы переступили через порог и поспешно задвинули тяжелый засов. Но облегчения это не принесло — они продолжали торопить Конана, подталкивая под оба локтя. Видно ничего не было, но чувствовалось, что они движутся по какому-то тоннелю. Стройное тело Альбионы дрожало в сильных руках короля. Но наконец показался выход — еле заметное светлое пятно на черном фоне. Миновав его, они в полном молчании погрузились в головоломный лабиринт мрачных дворов, укрытых тенями лазеек и крытых коридоров. И неожиданно, открыв очередные двери, Конан вошел в ярко освещенный зал, понять место расположения которого он был совершенно не в состоянии, так как столь запутанная дорога свела на нет даже его первобытное чувство направления.

Глава X

"Монета из Ахерона"

Но не все вошли вместе с Конаном в этот зал. Когда двери закрылись, он разглядел рядом с собой лишь одного человека — небольшую, закутанную в плащ фигуру. Отбросив капюшон, незнакомец открыл спокойное, с тонкими чертами, красивое лицо.

Король опустил Альбиону на ноги, и она, продолжая боязливо прижиматься к нему, стала беспокойно оглядываться по сторонам. Комната, освещенная мягким светом бронзовых ламп, была огромна: шесть мраморных стен покрывали черные шелковые портьеры, а мозаичный пол устилала богато расшитые подушки диванов.

Ладонь Конана инстинктивно опустилась на рукоять меча, густо забрызганного кровью.

— Где мы находимся? — спросил он сурово. Незнакомец ответил низким почтительным поклоном, в котором даже охваченный подозрительностью король не обнаружил никакой иронии.

— Вы в святилище богини Асуры, Ваше Величество.

Альбиона ахнула и еще плотнее прижалась к Конану, со страхом оглядываясь на черные сводчатые двери, словно ожидая, что через них сейчас ворвется страшное чудовище.

— Не бойтесь, госпожа! — произнес незнакомец. — Вопреки вашим представлениям о нас, вам здесь ничего не грозит. Уж если присутствующий здесь монарх был полностью уверен в невинности нашей религии и оградил нас от бессмысленных преследований со стороны кучки невежд, то не стоит нас опасаться одной из его верных подданных.

— И кто же ты? — поинтересовался Конан.

— Меня зовут Хадрат, и я — жрец Асуры. Один из наших разведчиков узнал тебя, когда ты вошел в город, и сообщил мне.

Король Аквилонии выругался.

— Нет, не беспокойтесь, что кто-то другой догадался о том же, — успокоил его Хадрат. — Ваша маскировка могла провести всех, кроме служителей Асуры, поскольку наш культ учит уметь видеть правду под внешней оболочкой. Мы следили за вами до самой караульной башни, и несколько моих людей вошло туда за вами, чтобы помочь, когда вы будете возвращаться той же дорогой. А другие, в том числе и я, окружили Железную Башню... Задавайте вопросы — здесь, в святилище Асуры, вы всегда будете королем.

— Зачем же вы рисковали ради меня жизнью? — спросил Конан.

— Ты был нашим другом, пока сидел на троне, — ответил Хадрат. — Ты защитил нас, когда жрецы бога Митры пытались изгнать нас из страны.

Теперь Конан с удивлением огляделся. До этого он ни разу не был здесь, и даже не подозревал, что в Тарантии есть такое святилище. Жрецы и служители этой религии умели удивительно надежно скрывать личности своих прихожан. Культ Митры в большинстве близлежащих стран доминировал, а культ Асуры находился обычно под официальным запретом и подвергался всеобщим гонениям. Конан слышал мрачные истории о темных святилищах, где над черными алтарями непрерывно возносился густой дым и связанных людей приносили в жертву огромному, свернутому в кольца и раскачивающему во мраке своей чудовищной головой змею.

Многолетние преследования дали прихожанам Асуры богатейший опыт по части конспирации, благодаря чему они научились надежно скрываться, сохраняя веру и остатки

литургии во тьме темниц. И таинственность эта порождала еще более чудовищные и страшные слухи и домыслы.

Но в короле Конане жил его изначальный дух варварства. Он отменил преследования культа Асуры, запретив это делать тем, кто опирался на подобные надуманные доводы, которые были не чем иным, как проявлением старой неприязни.

"Если они занимаются черной магией, — говорил он, — то почему же тогда позволяют себя изгонять? А если нет, то за что держать на них зло? И нет тогда зла и в них! Черт возьми! Пускай люди чтут тех богов, до которых у них есть охота!" По пригласительному, полному учтивости жесту Хадрата Конан опустился в кресло из слоновой кости, предложив Альбионе сделать то же самое. Но девушка села на золоченый стульчик у его ног, будто чувствуя себя здесь в большей безопасности. Подобно большинству поклоняющихся Митре, с детства устрашаемых леденящими душу рассказами об изуверствах негодяев из мрачных святилищ с человекоподобными божками, она чувствовала инстинктивный страх перед служителями Асуры и их религией.

Хадрат стоял перед ними, почтительно склонив обнаженную голову.

— Какие будут повеления, Ваше Величество?

— Сначала поесть, — ответил король, и хозяин комнаты ударил серебряной палочкой в золотой гонг. Еще не успели затихнуть мелодичные звуки, как из занавешенных портьерами дверей появились четыре фигуры в капюшонах, несущие серебряный столик на четырех ножках, полный дымящихся яств и хрустальных кубков. С низким поклоном они поставили его перед Конаном, который вытер об одежду руки и с нескрываемым удовольствием щелкнул языком.

— Осторожнее, Ваше Величество! — боязливо шепнула Альбиона. — Говорят, они едят человеческое мясо!

— Ставлю пари на все мое королевство, что это не что иное, как телячья печень, — ответил ей Конан. — Ну же, за дело, девочка! Ты что, — хочешь умереть с голода?

Выслушав эту отповедь и к тому же видя яркий пример человека, чье слово для нее становилось высшим законом, княжна с аппетитом принялась за еду, как только увидела, что ее владыка стал поглощать куски мяса и пить вино с таким видом, словно во рту у него ничего не было по крайней мере дня два.

— Вам, жрецам, не занимать мудрости, — произнес Конан с набитым мясом ртом и зажатой в руке большой телячьей костью. — Мне нужна ваша помощь: я хочу вернуть себе трон Аквилонии.

Хадрат уныло покачал головой, отчего король вдруг ударил по столу кулаком в порыве гнева.

— Да что за черт!? Что это случилось с мужчинами Аквилонии? Сначала — Сервий... а теперь и ты! Вы что — способны только крутить и качать своими дурными головами, вместо того, чтобы думать, как прогнать этих псов?

Жрец вздохнул и неторопливо ответил:

— Господин мой! Мне больно об этом говорить, но ничего не поделаешь: вольность Аквилонии подошла к концу. Да что там, — теперь может кончиться вольность всего света! Как в давние времена, мир сейчас вступает в эпоху неволи и страха.

— Что ты имеешь в виду? — спросил сбитый с толку Конан. Хадрат упал в кресло, и, опершись локтями о колени, уставился в пол.

— Против тебя объединились не только предавшее тебя дворянство Аквилонии и немедийская военщина, — поведал он, — но и колдовство, холодная черная магия страшного потустороннего мира. Жуткая фигура поднялась вновь из темноты прошлого, и нет сейчас сил, способных ей противостоять...

— Да что ж ты имеешь в виду, черт возьми!? — повторил Конан.

— Я говорю о Ксальтотуне из Ахерона, умершего три тысячи лет назад и которого теперь вновь носит земля.

Король Аквилонии молчал, но перед глазами его мгновенно появился образ — спокойное, нечеловечески красивое лицо. И вновь его посетило непонятное предчувствие, что лицо это он уже где-то видел, точно так же, как и звук слова "Ахерон", затрагивающий струны неясных воспоминаний.

— Ахерон... — повторил он. — Ксальтотун из Ахерона... Но ты шутишь? Ахерон — это легенда, которой уже много сотен лет, и ничего более. Я вообще часто думал, что это простая фантазия...

— Нет. Он был черной правдой. Империей чародеев, практикующих такие вещи, о которых даже сгинула память. Он был сметен с лица земли дикими западными племенами, давшими после этого начало нашему и соседним государствам. Чернокнижники Ахерона подчинялись отвратительному некроманту, хранителю наиболее чудовищных и зловещих магических знаний, полученных прямо от самих демонов. И из всех чернокнижников того проклятого королевства ни один не мог сравниться по силам с Ксальтотуном из города Пифон.

— Но каким же способом его тогда удалось уничтожить? — скептически поинтересовался Конан.

— С помощью источника космической энергии, который у него украли и обратили против него самого. С той же помощью он теперь вернулся к жизни, и никто его сейчас не в силах победить.

Альбиона, закутанная в черный плащ палача, с беспокойством поглядывала то на короля, то на его собеседника, совершенно не понимая, о чем идет речь. Конан гневно потряс головой.

— Ты смеешься надо мной, — буркнул он. — Если Ксальтотун умер три тысячи лет назад, как он может быть тем помогающим Немедии человеком? Скорее, это какой-то шарлатан, присвоивший его имя.

Хадрат наклонился над небольшим столиком из слоновой кости и открыл стоявший на нем золотой ларец. Теперь в руке его что-то поблескивало в мягком свете свечей — это была большая золотая монета старинного вида.

— Ты видел Ксальтотуна без маски? Тогда посмотри на это. Это монета, отчеканенная в древнем Ахероне за пятьсот лет до его упадка. Проклятая империя так была насыщена магическими чарами, что даже эта монета имеет магическую силу.

Конан взял монету в руки и мрачно посмотрел на нее. Не было никаких сомнений в том, что она очень старая. За свою беспокойную жизнь Конан держал в ладонях много разных монет и неплохо разбирался в их происхождении. Буквы и изображение здесь, однако, не были истерты, а образ на одной из сторон монеты до сих пор сохранил четкость и выразительность. Король Аквилонии шумно выдохнул воздух сквозь сжатые зубы — в комнате только что было тепло, а сейчас по коже его побежали мурашки. Образ представлял собой точно переданный в металле портрет бородатого мужчины со спокойным, нечеловечески красивым лицом.

— Черт побери! Это он!

Теперь стало ясно, откуда было это чувство, что он уже видел это лицо, — много лет назад, в далеком краю, он уже держал в руках точно такую же монету. Но он пожал плечами и пробурчал:

— Удивительное сходство... но, может быть, чтобы воспользоваться именем великого чародея, кто-нибудь сделал свое лицо похожим на него?

Однако он произнес это без особой уверенности. Один лишь вид древней монеты потряс основы его миропонимания. Конан понял, что это правда, проступающая сквозь туман иллюзий — чернокнижник был жив, торжествуя победу сил дьявола над здравым смыслом.

— Я согласен, мы не можем точно утверждать, что это и есть именно Ксальтотун из Пифона, — сказал Хадрат. — Но доподлинно известно, что это он вызвал демонов, заставивших содрогнуться недра Земли и обрушиться скалы над Валкой... и он послал в твой шатер сына тьмы.

Конан взглянул на него исподлобья.

— А ты откуда знаешь?

— Служители Асуры знают тайные способы добывания вестей. Это наша тайна... Ну что, понимаешь ли ты теперь безнадежность попытки объединения своих подданных для возвращения трона и короны?

Конан оперся подбородком о кулаки и опустил глаза. Альбиона внимательно смотрела на него, ошеломленно пытаясь разобраться в лабиринте мучающих его проблем.

— Так что — на всем свете нет чернокнижника, способного одержать верх над магией Ксальтотуна?

Хадрат отрицательно покачал головой.

— Нет. В противном случае мы, служители Асуры, знали бы об этом. Люди считают, что вера наша происходит от древнего стигийского культа Змеи. Это ложь. Наши предки прибыли из Вендии, из-за моря Вилайет и далеких гор Химелии. Мы — сыновья Востока, а не юга, и только нам ведомо о мудрецах нашей прародине, знающих и умеющих больше любого мудреца запада. Но даже самый сильный из них — всего лишь паутина на ветру против черной силы Ксальтотуна.

— Но его уже один раз одолели, — уперся Конан.

— Да, но против него были обращены силы Вселенной. А сейчас их источник вновь вернулся в его руки, и он будет беречь его пуще прежнего, чтобы его вновь не украли.

— Так что ж это за проклятый источник силы? — произнес заинтригованный Конан.

— Зовется он Сердцем Аримана. Когда пал Ахерон, дикий шаман, укравший эту вещь у Ксальтотуна и обративший ее против могучего чернокнижника, спрятал Сердце в тайнике, в пещере, и впоследствии возвел над этим местом небольшое святилище. Проходило время, святилище перестраивалось, становилось все более высоким, просторным и красивым, но всегда оставалось на своем первоначальном месте, хотя все уже забыли, почему. Память о магическом символе, укрытом под святилищем, исчезла из памяти обычных людей и сохранилась лишь в записках жрецов и эзотерических книгах. Откуда появилось Сердце — не знает никто. Одни считают, что это и в самом деле сердце бога, другие — что звезда, давным-давно упавшая на Землю.

Когда магия жрецов бога Митры подвела против магии немедийского культа Альтаро, которому в свое время служил Ксальтотун, они припомнили древнюю легенду о Сердце, и верховный жрец Митры вместе со своим учеником спустился в мрачный и страшный склеп под святилищем, никем не посещаемый уже три тысячелетия. В старинных, оправленных в железо фолиантах, таинственными символами рассказывающих о Сердце, было написано о демоне мрака, оставленном здесь на страже давно умершим шаманом. И глубоко под землей, в маленькой квадратной комнате, откуда узкие сводчатые двери вели дальше, в темноту неизведанных бездн, жрецы нашли черный каменный алтарь, освещенный мутным, слабо различимым сиянием.

На этом алтаре стояла особая золотая шкатулка, сработанная в виде большой двустворчатой морской раковины, надежно прикрепленной к камню. Но она была открытой и пустой. Сердце Аримана исчезло. А когда они пошли назад, на них обрушился страж этого склепа и смертельно ранил верховного жреца. Лишь его ученик успел защититься от чудовища — неодоушевленной и беспощадной бестией бездн, оставленной здесь с незапамятных времен для охраны Сердца, и

убежать узкими длинными лестницами, унося тело умирающего наставника. И прежде, чем умереть, тот успел прошептать своим ученикам наказ до победного конца бороться с теми силами, которые ему самому так и не удалось одолеть, и заставил дать обет молчания. Но жрецы Митры все-таки говорили об этом между собой, и правда достигла наших ушей.

— И Ксальтотун-таки черпает свои силы из этого источника? — продолжал допытываться Конан, все еще настроенный скептически.

— Нет. Сила Ксальтотуна проистекает из мрачных глубин черных бездн. А Сердце Аримана пришло к нам из непознанной огненной вечности и в руках посвященного может стать сильнее, чем мощь сразу всей тьмы. Оно — как меч, который можно использовать для разных целей и в разных руках. Оно может возратить жизнь, а может, наоборот, отнять ее. Ксальтотун берег его не для того, чтобы сражаться с его помощью с врагами, а только затем, чтобы оно не было обращено против него самого.

— ...Золотая шкатулка в форме морской раковины, в глубокой пещере на черном алтаре... — бормотал Конан, пытаясь ухватиться за уже чем-то знакомый образ и хмурия брови. — Это мне явно что-то напоминает, я об этом уже слышал или даже видел... А как, черт возьми, выглядит это самое Сердце?

— Как огромный драгоценный камень, похожий на рубин, но самостоятельно пульсирующий ослепительным блеском, несвойственным обычному рубину. Он горит, как частица живого огня...

И тут Конан резко вскочил и ударил кулаком по ладони.

— А, дьявол! Какой же я глупец! Сердце Аримана! Сердце моего королевства! "Найди сердце своего королевства", говорила чародейка в горной глуши. Господи! Да я же видел этот драгоценный камень в зеленом дыму, и его же Тараск украл у спящего лотосовым сном Ксальтотуна!

При этих словах Хадрат тоже молниеносно поднялся, и все его спокойствие слетело с него, словно отброшенный плащ.

— Что?! Сердце Аримана украдено у Ксальтотуна?

— Да! — прогремел Конан. — Опасаясь Ксальтотуна, Тараск захотел ослабить его мощь, которая, как он считал, скрыта в Сердце. А может быть, он даже надеялся, что чернокнижник умрет, если утратит камень.

Он разочарованно развел руками.

— Да, я вспомнил: Тараск отдал его какому-то проходимцу, приказав бросить в море. Сейчас этот ублюдок уже может находиться в Кордаве, и если не догнать его, он сядет на корабль и бросит Сердце в морские глубины.

— Море не удержит Сердце! — закричал Хадрат, задрожав от возбуждения. — Сам Ксальтотун уже давно бросил бы его в океанские пучины, если бы не знал, что первый же шторм выбросит его на берег. А ведь на какой неведомый пляж его может вынести?

— Ну что же, — Конан вновь начал обретать свою обычную уверенность в себе. — Еще не известно, успел ли выполнить наказ Тараска тот разбойник. Насколько я сам знаю разбойников, а уж мне пришлось познакомиться с ними достаточно хорошо, поскольку я сам во времена моей молодости занимался тем же в Загоре — он не выбросит Сердце, куда ему приказано. Скорее продаст его какому-нибудь купцу. Черт! — во все возрастающем возбуждении он начал мерить комнату шагами. — Нужно его найти. Мне было приказано найти сердце моего королевства... и все, что я увидел в жилище Зелаты, оказалось правдой. А может так случиться, что в этом пурпурном блеске заключена сила, способная покончить с Ксальтотуном?

— Да! Головой ручаюсь! — взволнованно вскрикнул Хадрат, лицо которого покрылось румянцем, а руки непроизвольно сжались в кулаки. — Имея его в руках, мы сможем потягаться с

проклятым чернокнижником! Клянусь! Если только удастся добыть Сердце, у нас появится реальный шанс на возвращение трона Аквилонии и победы над врагами. Аквилонии страшны не мечи и копья Немедии, а черные заклятья ахеронского чародея.

Было видно, что уверенность жреца произвела на Конана большое впечатление.

— Это как пробуждение после долгого ночного кошмара, — наконец отозвался он. — И твои слова подтверждают то, что мне объясняла Зелата. Я отыщу этот камень!

— В нем — надежда на возрождение свободной Аквилонии! — уверенно произнес Хадрат. — Я пошлю с тобой своих людей...

— О, нет! — неторопливо ответил король, не имея особого желания идти куда-то в сопровождении жрецов, способных к тому же к разным эзотерическим штучкам. — Это дело для воина. Я пойду сам. Сначала — в Пуантен, оставлю Альбиону у Троцера, а уже потом до Кордавы, и дальше в море, если в этом будет необходимость. Вполне вероятно, что человек, выполняющий наказ Тараска, будет иметь большие хлопоты со снаряжением в эту пору года идущего в рейс корабля.

— Если Сердце отыщется, — горячо отозвался Хадрат, — я подготовлю в этих местах почву для победы. В случае успешного завершения поисков вы должны сообщить мне по тайным каналам, что живы и возвращаетесь. Я организую людей, чтобы они поднялись в момент вашего возвращения. И они встанут, если узнают, что будут защищены от черных чар Ксальтотуна. Я помогу вам в вашем пути.

Он встал рядом и ударил в гонг.

— Тайный ход ведет из этого подземного святилища далеко за городские стены. Для путешествия в Пуантен там будет приготовлена лодка. Я сделаю так, что никто не осмелится чинить вам препятствия.

— Как знаешь... — поставив себе четко обозначенную цель, Конан уже пылал нетерпением. — Было бы только побыстрее!

События в городе в это время развивались стремительно. Во дворец, где Валерий забавлялся с танцовщицами, неожиданно и без стука вбежал гонец и, упав перед властелином на колени, сбивчиво и бессвязно передал весть о кровавой бойне у Железной Башни и о бегстве прекрасной пленницы. Вместе с этим он сообщил, что барон Здрайк Феспий, которому был поручен надзор за казнью княжны Альбионы, умирает от полученных ран и просит Валерия перед смертью выслушать его.

Поспешно закутавшись в плащ, Валерий последовал за посланцем по лабиринту коридоров и комнат, чтобы добраться туда, где лежал барон. Не было никаких сомнений, что тот действительно умирал: каждый конвульсивный выдох покрывал уста несчастного пузырьками кровавой пены. Обрубок его правой руки туго перетягивала повязка, препятствующая потере крови, но рана в боку была смертельной.

Оставшись в комнате наедине с умирающим, Валерий тихо и нервно выругался.

— О, господи! Не будь Конан мертв, я бы сказал, что этот удар мог нанести только он... — Валерий!.. — с трудом прошептал умирающий. — Он... он жив! Конан жив!

— Что ты сказал!? — ошеломленный Валерий не поверил своим ушам.

— Клянусь богом! — подтвердил Феспий, захлебываясь текущей изо рта кровью. — Это он похитил Альбиону! Он не убит... и это не привидение — он из крови и плоти! Аллея под Железной Башней полна трупов. Будь осторожней, Валерий... он вернулся... чтобы всех нас погубить...

Дрожь агонии пробежала по его окровавленному телу, и он скончался.

Валерий мрачно поглядел на тело, обвел быстрым взглядом комнату, и, быстро подбежав к двери, с подозрением распахнул ее. Приведший его сюда гонец стоял в окружении немедийских

стражников в нескольких шагах в глубине коридора. Валерий пробормотал что-то себе под нос, по-видимому, удовлетворенный.

— Все ли ворота заперты? — сурово спросил он.

— Так точно, Ваше Величество!

— Утроить количество постовых у каждых городских ворот. Никто без специального разрешения не должен входить в город или выходить из него. Патрулям прочесать улицы и дома! Эта змея ускользнула явно не без помощи местных жителей. Может ли кто-нибудь опознать этого "палача"?

— Нет, Ваше Величество. Старик дозорный видел его лишь одно мгновение и запомнил только, что тот был одет в черную одежду палача, тело которого было найдено в одной из пустых темниц.

— Это очень опасный человек, — объяснил Валерий. — С ним нельзя рисковать. Ищите княжну Альбиону. Ищите ее и немедленно убейте на месте со всеми ее спутниками. Не пытайтесь взять их живыми!

Возвратившись в свою комнату, Валерий нетерпеливо позвонил в серебряный колокольчик, на звук которого перед ним появились четверо чужеземцев необычной наружности. Они были высокого роста, худые, с желтоватой кожей и скрытыми тенью капюшонов бесстрастными лицами. Одеты они были в одинаковые черные накидки, из-под которых выглядывали лишь обутые в сандалии ноги. Они стояли перед Валерием, заложив руки за спины и ожидая приказаний. Он внимательно оглядел их и остался доволен. В своих дальних странствиях он часто встречал людей непривычной наружности.

— Когда я нашел вас умирающими от голода в лесах Кхитая, — резко произнес он, — и изгнанными с вашей родины, вы дали клятву служить мне. У меня нет к вам претензий. Но я потребую от вас еще одной услуги, после выполнения которой я освобожу вас от данной мне присяги.

Дело в том, что Конан из Киммерии, бывший король Аквилонии, остался жив вопреки чарам Ксальтотуна, а может и согласно им — не знаю. Таинственная душа этого воскресшего дьявола слишком глубока и таинственна, чтобы быть понятой обычным людям. Но суть не в этом. Пока жив Конан, я нигде и никогда не смогу чувствовать себя в безопасности. Народ этой страны выбрал меня, как наименьшее из разных зол, когда пришла весть, что старый король погиб. Но как только он вернется, все это стадо восстанет и вырвет из-под меня трон, не позволив мне и пальцем шевельнуть.

Вполне вероятно, что это сами мои сподвижники замыслили вновь усадить его на мой трон, решив, что я уже свое дело сделал. Не знаю. Но я знаю то, что этот свет будет слишком тесным для сразу двух королей Аквилонии. Найдите киммерийского варвара. Используйте все свои иноземные таланты, но отыщите его, где бы он ни скрывался и куда бы ни сбежал. У него в Тарантии много друзей. Ему, несомненно, помогли, когда он вызволял Альбиону: не мог один человек, даже такой, как Конан, в одиночку усеять аллею под Железной Башней таким количеством трупов. Я все сказал. Берите свои посохи и отправляйтесь в путь. Когда свидимся — не знаю. Но найдя Конана, убейте его!

Не проронив ни единого слова, четверо кхитайцев учтиво поклонились и беззвучно покинули комнату...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
"Сердце королевства"

Глава XI

"Верный меч Юга"

Вставшее из-за далеких гор рассветное солнце ярко высветило темный силуэт низкой лодки, плывущей по самой середине водной глади реки, что огибала стены Тарантии примерно на расстоянии мили и вилась дальше, на юг, как громадная змея. По своему виду эта лодка резко отличалась от всех других, которые обычно встречались на Хороте, рыбацких челнов и купеческих шлюпок, наполненных богатыми товарами. Длинная и узкая, с высоким изогнутым носом, она имела черный корпус и ряд белых кругов, нанесенных через равные промежутки по всей окружности бортов. На деревянном настиле ее возвышалась невысокая надстройка, окна которой были занавешены черной материей. Все встречные суденышки старались обходить эту зловеще раскрашенную барку далеко стороной, так как все знали, что это — одна из "странствующих лодок", везущая останки умершего члена общины Асуры в его последнее путешествие — на юг, где, далеко за горами Пуантена, река вливается в ослепительное зеркало океана. И поэтому никто не сомневался, что в надстройке и этой лодки находится труп. Всем аквилонцам была знакома подобная картина, и даже наиболее фанатичные из них не рисковали приблизиться к лодке, а уж тем более попросить подвезти.

Никто точно не знал, где находится конечный пункт этого мрачного путешествия. Одни утверждали, что в Стигии, вторые — что на далеком, затерянном за горизонтом острове, а третьи твердили, что местом последнего пристанища мертвых является далекая и загадочная Вендия. Но поручиться за это никто не мог. Доподлинно было известно только то, что в случае смерти кого-либо из посвященных в культ Асуры его останки уплывали на юг в черной лодке, гребцом и стражником которой был всегда один и тот же огромный невольник, хотя никто никогда не видел, чтобы он возвращался вверх по реке обратно.

Человек, сидевший у руля и весел на этот раз, ничем не отличался от привычной картины — того же огромного роста и так же темнокож, хотя при более близком рассмотрении можно было бы заметить, что его темная кожа — всего лишь результат умело нанесенной раскраски. На нем была узкая набедренная повязка и сандалии, и было видно, что он с достаточной сноровкой и умением управляет с длинным рулем и парой весел. Никто не пытался к нему приблизиться, ибо все знали, — на служителях Асуры лежит тяжкое проклятие, а их черные барки сопровождает черная магия. Бормоча проклятия, встречные гребцы изменяли курс, и никому и в голову не приходило, что они являются свидетелями бегства из страны своего бывшего короля и княжны Альбионы.

Непривычным для беглецов был этот двухсотмильный рейс по реке, туда, где Хорот делает большой крюк, чтобы обогнуть горы Пуантена. Как образы из сновидений, перед их глазами проплывали виды разных земель. Целый день Альбиона тихо и терпеливо лежала на деревянном настиле надстройки и изображала бездыханный труп, что, в общем, ей достаточно неплохо удавалось. Лишь поздно ночью, когда уже исчезли с водной поверхности реки прогулочные лодки с богатыми пассажирами, развалившимися на богато расшитых мягких шерстяных подушках, а рыбацкие челны, выходящие под рассвет, еще не появились, она встала. Тотчас взяв в руки руль, она дала Конану возможность некоторое время отдохнуть. Но спать он долго не стал: его гнало вперед все сильнее разгоравшееся нетерпение, подвергавшее теперь это сильное тело суровому испытанию. Не останавливаясь, они плыли все дальше и дальше, весь освещенный золотистым солнцем день и лунную ночь, когда миллионы ярких звезд отражались в спокойном

и прозрачном зеркале реки. И по мере их дальнейшего продвижения на юг они оставили наступающую зиму позади...

И, наконец, словно жилище богов, над ними поднялись Пуантенские горы, и река, огибая их обветренные склоны, гневно забила шапками пены на острых крутых порогах.

Конан внимательно оглядел линию берега и налег на руль, направив лодку к входящему в воду узкому мысу, вокруг которого удивительно ровным природным полукругом нависали нагромождения скал.

— Как эти лодки минуют такие водопады, что бурлят впереди, мне что-то не понятно, — буркнул он. — Хотя Хадрат и утверждал, что в этом нет ничего особенного... Но нам дальше и не надо: он обещал, что здесь нас будут встречать... а я никого не вижу. И вообще не понятно, как весть о нашем прибытии может нас самих опередить.

Нос лодки уткнулся в низкий берег, и Конан привязал его к выступающей из воды коряге, после чего спрыгнул в воду и стал смывать с себя искусственный Сагар — бронзовую краску. Умывшись, он облачился в предоставленную ему Хадратом кольчугу аквилонского образца и взял свой меч. Пока он одевался, Альбиона заметила на берегу какое-то движение и сделала предостерегающее восклицание. Уже снарядившийся Конан повернул голову в указанную сторону и положил ладонь на рукоять меча, заметив стоящую под деревьями неподалеку от них фигуру в черном плаще, рядом с которой стояли белый скакун и гнедой боевой жеребец, нетерпеливо поводящие ушами.

— Кто ты? — спросил король.

Незнакомец ответил низким поклоном.

— Служитель Асуры. Пришел приказ. Я выполнил.

— Как это — "пришел"? — попытался было разузнать Конан, но собеседник лишь вновь поклонился.

— Я прибыл, чтобы проводить вас до первой Пуантенской заставы.

— Мне не нужен проводник, — ответил киммериец. — Я сам хорошо знаю эти горы. Мы благодарны тебе за лошадей, но дальше поедем с княжной вдвоем.

Склонившись еще в одном поклоне, человек в черном передал ему уздечки, а сам вошел в лодку и, отвязав ее, вместе с потоком унесся к бушующим, невидимым отсюда порогам. Задумчиво покачав головой, Конан усадил Альбиону в седло белого скакуна, а потом сам сел в седло и направился в сторону гор, поднимающихся в небо, как пики башен.

Эти земли теперь были пограничьем, где бароны вновь вернулись к феодальному укладу и куда беспрепятственно проходили толпы беженцев из центральных районов Аквилонии. Пуантен не был официально отделен от Аквилонии, однако все здесь свидетельствовало о достаточной автономности. Управлял им свой собственный наместник Троцero, не признавший власти Валерия, который, кстати сказать, пока не пытался захватить эти места, над которыми гордо и вызывающе развевались Пуантенские стяги с леопардом.

Стоял теплый вечер, и король со своей прекрасной спутницей поднимался все выше, обозревая раскинувшийся перед ними огромным разноцветным ковром край, с блестящими лентами рек и зеркалами озер, золотом бескрайних полей и белыми башенками замков. Далеко в вышине, у горного перевала, они разглядели первую Пуантенскую крепость — мощное сооружение, стерегущее дорогу через перевал, и вьющийся над нею штандарт на фоне чистого неба.

Как только они приблизились к ней, из-за деревьев выехал навстречу им отряд рыцарей, командир которого суровым голосом окликнул путников. Пуантенцы были высокими воинами с темными глазами и черными волнистыми волосами, как и большинство жителей юга.

— Остановитесь, господа, и дайте ответ: откуда и зачем вы едете в Пуантен?

— Разве Пуантен поднял мятеж, — резко отозвался Конан, внимательно вглядываясь в говорившего, — что человека в аквилонской броне задерживают и допрашивают, как чужеземца?

— Слишком много недругов едет сюда из Аквилонии в последнее время, холодно ответил рыцарь. — А что касается мятежа, если иметь в виду свержение узурпатора, то Пуантен действительно взбунтовался. Лучше служить памяти мертвого героя, чем живого пса!

При этих словах Конан сорвал свой шлем, откинул назад пышные волосы и в упор взглянул в глаза говорившему. С минуту тот ошеломленно молчал, а потом залился румянцем.

— О, великие небеса! — выдохнул он. — Это же наш король!.. Живой король!

Замешательство остальных воинов сменилось дикими криками радости. Они стали прыгать вокруг короля, издавая воинственные крики и в наивысшем возбуждении размахивая мечами. Радость Пуантенских рыцарей могла человека, слабого духом, попросту испугать.

— Троцero расплатится от радости, когда увидит тебя, наш господин! — орал один.

— Да и Просперо вместе с ним! — вопил второй. — А то он, говорят, погрузился в меланхолию и все прокликает себя за то, что вовремя не поспел к Валке, чтобы умереть вместе со своим королем!

— Уж теперь-то мы вернем королевство! — драл горло третий. — Слава Конану, властителю Пуантена!

И его меч описывал над головой светящийся круг.

Звон стали и шум громких голосов переположили птиц, разноцветной тучей разлетевшихся в разные стороны. Горячая южная кровь бурлила в жилах радостных Пуантенцев, с восторгом ожидавших теперь того, что вернувшийся владыка тотчас поведет их в бой.

— Пускай один из нас, — кричали они, — поедет вперед и принесет в Пуантен весть о твоём возвращении! Над каждой башней будут развеяться флаги, дорога перед копытами твоего коня будет усыпана розами, и все, что есть здесь красивого и прекрасного, будет твоим...

Конан отрицательно покачал головой.

— Да кто же может сомневаться в вашей преданности!? Но только разные ветры веют с этих гор в сторону моих недругов, и будет лучше, если они не узнают, что я жив... по крайней мере, пока. Проводите меня к Троцero и сохраните в тайне от остальных, кто я такой.

Добрая весть, из которой рыцари могли с радостью устроить праздничное шествие, теперь выглядела как тайное бегство. Они поспешно ехали вперед, ни с кем не разговаривая, перекидываясь только парой слов с начальниками придорожных сторожевых постов, а сам Конан ехал с опущенным забралом.

Горы на этих высотах не были заселены — по дороге им встречались лишь аквилонские беженцы да охраняющие перевал войска. Часто проводившие в военных походах время Пуантенцы не имели ни желаний, ни потребности в добывании скудного куска хлеба из этой каменистой земли — к югу от горной гряды лежал бескрайний простор богатых и прекрасных равнин, простирающихся до самой реки Алиманы, по которой Пуантен граничил с Зингарой.

Даже сейчас, когда от дыхания приближающейся зимы на равнинах центральных областей Аквилонии на деревьях уже желтели и опадали листья, на лугах Пуантена все еще колыхались высокие буйные травы, паслись кони и стада скота, которыми так славился Пуантен. Пальмы и апельсиновые рощи тянулись к ласковым лучам солнца, а темно-пурпурные и золотистые башни замков искрились в его свете. Это был край тепла и достатка, добрых людей и бесстрашных воинов. Твердых духом мужчин рождает не только суровая земля — Пуантен окружали завистливые соседи, и воинское мастерство его солдат совершенствовалось и закалялось в непрестанных войнах. Правда, с севера эти земли ограждали своим щитом высокие горы, зато с юга — лишь река Алимана отделяла их от равнин Зингары, и не одну тысячу раз воды ее окрашивались кровью. На востоке лежал Аргос, еще далее — Офир, королевства гордые и

жадные. И рыцари Пуантена удерживали всю эту орду твердой рукой и острым мечом и редко знали покой и отдых.

Наконец впереди показался замок Троцерио...

Сидя в богато обставленной комнате, куда проникало легкое дыхание ласкового ветерка, откинувшись на атласных подушках мягкого дивана, король Аквилонии внимательно наблюдал за Троцерио — жилистым подвижным человеком небольшого роста, с твердыми чертами лица, который сейчас метался по холлу, словно пантера в клетке.

— Позволь провозгласить тебя королем Пуантена, — произнес наместник решительным голосом. — Пускай эти свиньи на севере таскают ярмо, под которое добровольно подставили свои шеи. Юг принадлежит тебе. Живи здесь и правь нами, среди цветов и пальм.

— ...Нет на земле края богаче Пуантена. Но он не сможет защититься в одиночку, как бы ни были сильны и отважны его сыновья.

— Наше государство оборонялось самостоятельно многие века, — возразил Троцерио с обычной для своего народа уверенностью. — Мы ведь не всегда были частью Аквилонии.

— Знаю. Но сейчас уже не те времена, когда все королевства были разделены на враждующие между собой владения. Ушли в прошлое отдельные княжества и вольные города — настал час империй. Их властители мечтают о мировом господстве, и лишь в единстве — сила.

— Тогда можно присоединить к Пуантену Зингару, — предложил Троцерио. Сейчас там сшиблись лбами этак с полдюжины крупных князей, и страну разрывает на части гражданская война. Мы можем захватить область за областью и присоединить их к нашим землям. А уже тогда при помощи их воинов победим Аргос и Офир и создадим свою империю...

Конан отрицательно покачал головой:

— Пускай сны об империях снятся другим. Я хочу лишь вернуть свое королевство. Не хочу править государством, созданным на крови. Одно дело — взойти на трон при поддержке народа и потом править им безо всяких опасений, а другое — стянуть окружающие страны в одно целое при помощи оружия и властвовать с помощью страха. Я не намерен стать вторым Валерием. Нет, Троцерио, — либо я буду владеть всей Аквилонией, и ничем больше, либо вообще нигде править не буду!

— В таком случае веди нас через горы, воевать с немедийскими псами!

Глаза Конана загорелись огнем, но он сумел сдержать себя и спокойно произнес:

— Нет. Это все равно, что пасть напрасно. Но я могу тебе сказать, что нужно сделать, чтобы вернуть мое королевство. Надо найти Сердце Аримана...

— Но это вздор! — запротестовал Троцерио. — Бредни жрецов, враки безумной ведьмы...

— Ты не был в моем шатре перед валкийским сражением, — с тихой злостью продолжил Конан, невольно взглянув на свое правое запястье, где до сих пор были видны бледные отпечатки. — И не видел с грохотом падающих скал, погребаящих под собой весь цвет моей армии. Нет, Троцерио, я действительно был там побежден. Ксальтотун — не обычный человек, и лишь с Сердцем Аримана в руках я смогу ему противостоять. Я собираюсь поехать в Кордаву, да и то один.

— Но это очень опасно! — воспротивился Троцерио.

— Жить и так "очень опасно", — буркнул в ответ король. — Я поеду туда не как король Аквилонии или Пуантенский рыцарь. Я оденусь вольным наемником. В таком виде много лет назад я исходил всю Зингару вдоль и поперек. Ох, и много у меня врагов к югу от Алимана!.. — и на море, и на земле. Многие из них не признают во мне короля Аквилонии, но узнают Конана — пирата с островов Барах, или Амру — черного корсара. Но есть там и друзья, или люди, что помогут в трудных случаях.

Легкая усмешка воспоминаний пробежала по его губам.

Троцero с грустью опустил голову и посмотрел на Альбиону, сидевшую на ближайшей софе.

— Я понимаю ваши сомнения, господин наместник, — сказала она в ответ на его взгляд. —

Но я тоже видела монету из Ахерона в святилище Асуры. По словам Хадрата, — их верховного жреца, она была выбита за пятьсот лет до упадка Ахерона. И если Ксальготун — действительно мужчина, изображенный на этой монете, как в этом уверен Его Величество, он не может быть обычным чернокнижником, ибо жизнь его уже тогда длилась сотни лет, а не десятки, как у нормальных людей.

Прежде чем Троцero успел что-либо ответить, послышалось осторожное постукивание в дверь и раздался голос:

— Господин, мы поймали человека, бродившего под стенами замка. Он говорит, что хочет поговорить с твоим гостем. Мы ждем указаний.

— Шпион из Аквилонии! — прошипел Троцero, хватаясь за стилет, но Конан опередил его и, повысив голос, крикнул:

— Откройте двери, пускай он войдет!

Удерживаемый с двух сторон под руки дюжими стражниками с суровыми лицами, в двери протиснулся щуплый человек в свободном черном плаще.

— Ты служитель Асуры? — спросил его Конан.

Вошедший кивнул, и рослые воины, на лицах которых отразилось крайнее удивление, с беспокойством посмотрели на Троцero.

— С юга пришли вести, — сообщил посланник Хадрата. — Мы не можем помочь тебе за Алиманой, ибо там ряды нашей секты очень малочисленны. Но верные люди, расставленные вдоль реки Хорот, сообщили: тот, кто получил Сердце Аримана из рук Тараска, не добрался до Кордавы — он найден в горах Пуантена мертвым. Его убили бандиты. Камень попал в руки их атамана, который, не зная его секретов и опасаясь Пуантенских рыцарей, разбивших его шайку, продал драгоценность купцу по имени Зорат из Кофа.

— Ага! — словно наэлектризованный, Конан вскочил на ноги. — И что этот Зорат?

— Четыре дня назад он вышел с небольшой группой вооруженных слуг в направлении Аргоса и переправился через Алиману.

— Он глупец, если решился пойти через Зингару в такое время! — вставил Троцero. — Да, беспокойные нынче там времена...

А незнакомец продолжал:

— Зорат, по-видимому, человек практичный и по-своему смелый. Он очень спешит, чтобы добраться до Мессантии.

— Где надеется получить с камня прибыль, — подытожил Конан. — Хм!

Может, он и знает что-то о настоящем характере своей покупки. Но, так или иначе, вместо того, чтобы следовать по длинной и извилистой дороге вдоль границ Пуантена, в конце концов все равно ведущей в Аргос, он решил пройти туда более коротким и опасным путем — пересечь восточную часть Зингары.

Конан ударил по столу сжатым кулаком.

— Но тогда, черт возьми, и мне пора выходить! Коня, Троцero, и одежду Вольного Товарищества! Зорат, меня, конечно, опередил, но не настолько, чтобы я не смог его догнать, даже если для этого придется забраться на край света!

Глава XII

"Жало дракона"

На рассвете Конан вброд переправился через Алиману и двинулся широким купеческим трактом на юго-восток. На противоположном берегу остался провожавший его Троцero с отрядом своих рыцарей и алым Пуантенским леопардом, бегущим по развевающемуся полотнищу флага. В глубоком молчании провожали его воины в блестящих панцирях, глядя, как силуэт их короля растворяется в разгоравшемся алом зареве утренней зари.

Теперь Конан сидел в седле предоставленного ему Троцero огромного черного жеребца. На нем уже не было аквилонской экипировки: новая одежда выдавала в нем члена повсеместно известного Вольного Товарищества. На голове его был простой шлем без забрала, побитый и исцарапанный, обгоревшая и изношенная куртка и кольчуга свидетельствовали о многочисленности пережитых походов, а на плечах развевался порванный в нескольких местах и покрытый пятнами алый плащ. Образ наемного воина, познавшего множественные капризы фортуны, достаток и богатство одного дня и пустой дорожный мешок да туго перетянутый пояс другого, был создан достаточно убедительно.

И более того: он не только хорошо смотрелся в этой роли, но и неплохо себя в ней чувствовал — разбуженные воспоминания воскресили в его душе образы диких, безумных и опасных дней, когда он еще не вступил на путь королевской власти, а, лишь как бездомный наемник, пил, искал деньги и ночлег, совсем не задумываясь о завтрашнем дне и не мечтая ни о чем, кроме пенистого пива, алых женских губ да острого меча, которым он махал на полях сражений по всему белому свету.

Совершенно неосознанно к нему стали возвращаться давнишние привычки и навыки: он уже по-другому стал держаться в седле, на ум ему пришли полузабытые проклятия и слова старых песенок, которые они орали хором вместе с беспечными товарищами в придорожных тавернах, в пути и на полях битв.

Он ехал по беспокойному краю. Нигде не было видно отрядов всадников, обычно патрулировавших берег реки на пару с Пуантенским патрулем. Гражданская война поубавила ряды пограничной стражи. Лишь длинная белая дорога простиралась от горизонта к горизонту, не оживляемая ни караванами верблюдов, ни громяющими повозками, ни стадами скота. Лишь редкие группы конных — одетых в кожу и металл остролицых воинов с твердым взглядом, старавшихся держаться вместе, осторожно пересекали опустевшую округу. Они издали окидывали Конана подозрительным взглядом, но не отваживались приближаться, ибо один только вид этого одинокого всадника обещал не легкую добычу, а тяжелые удары.

Разграбленные села лежали в пепелищах, поля и луга были заброшены. Только самые смелые рисковали заехать в эту сторону, а сами местные жители искали убежища в близлежащих замках и за рекой. Раньше, в спокойное время, эта дорога была полна ехавших по ней из Пуантена в Мессантию, столицу Аргоса, или в обратном направлении купцов. Но теперь торговцы предпочитали ехать более длинной, но зато и более безопасной дорогой, ведущей от Пуантена сначала на восток, а уж потом сворачивающей на юг, к Аргосу. И лишь очень смелый человек мог в таких условиях рискнуть своей жизнью и товарами, выбрав путь через Зингару.

Ночью южный горизонт пламенел заревом пожаров, а днем в той стороне тянулись к небу столбы густого черного дыма — в городах и на равнинах юга погибали люди, рушились троны и обращались в пепелища замки. Конана стали одолевать старые искушения наемника —

повернуть туда коня и мчаться вперед в захватывающем предчувствии схватки, поживы и грабежа... Зачем он гнул спину в поисках власти над людьми, которые о нем уже успели забыть? И зачем теперь пытаться хватать с неба звезды, гоняясь за утраченной навеки короной? Отчего не вспомнить прошлое и вновь не погрузиться в алую волну войны и разбоя, которая так часто захватывала его в былое время? Мир вступал в эпоху войн, железа и имперских амбиций, и по-настоящему сильный человек сейчас имел неплохой шанс встать над остатками враждующих народов, как последний властитель. Так почему бы этим властителем не стать именно ему? — так шептал ему на ухо его демон-хранитель, и образы разрушительного и кровавого прошлого вновь обжигали его своим жарким пламенем... Но он не повернул коня, а продолжал мчаться вперед, стремясь нагнать цель в дымке миль, все более туманной и туманной, и ему казалось, что время для него совсем остановилось.

Он изо всех сил гнал коня, но белая дорога все так же оставалась пустой — от горизонта до горизонта. Зорат значительно опередил его, но Конан не верил, что купец с багажом мог двигаться так же быстро, как он. И так, отмеряя милю за милей, он добрался до замка барона Вальбросо, что, как гнездо грифа, возвышался на нависшей над дорогой голой серой скале.

Барон Вальбросо — одетый в черный панцирь худой, сидящий человек с быстрыми глазами и крючковатым носом, спустился с горы на дорогу во главе своих солдат — трех десятков вооруженных пиками, закаленных пограничными войнами боевых ветеранов, таких же жадных и безжалостных, как и он сам. Последнее время поток купеческих караванов, идущих по дороге, совершенно иссяк, и барон проклинал гражданскую войну, очистившую этот тракт от путешественников, но в то же время благодарил ее за то, что она избавила его от надоевших соседей.

Он не тешил себя мыслью, что с одинокого всадника, увиденного им с башни, будет богатая пожива, но и конь тоже мог стодиться. Но, оценив наметанным глазом побитую экипировку и покрытое шрамами лицо Конана, одетого в такие же обноски, как и его собственная свита, он понял — здесь не было ничего, кроме пустого дорожного мешка и тяжелого меча.

— Кто ты? — строго спросил он.

— Наемник. Я еду в Аргос, — ответил ему Конан.

— Для умного Вольного Товарища ты избрал не лучшую цель, — усмехнулся Вальбросо. — На юге и драк, и жратвы тебе было бы досыта. Лучше иди ко мне на службу — с голоду не умрешь. Пускай нет на дороге купцов, но скоро я намереваюсь двинуться на юг и испробовать свой меч. Посмотрим, чья возьмет.

Конан повременил с ответом, прекрасно понимая, что, не согласившись, тут же подвергнется нападению со стороны солдат Вальбросо. И прежде, чем он открыл рот, барон продолжил:

— Кстати: вы, забияки из Вольного Товарищества, всегда знали способы, как заставить упрямого человека развязать язык. Я тут схватил одного мерзавца — последнего виденного мною купца, по крайней мере за неделю, но эта пададь не хочет говорить. Мы не можем заставить его открыть свой железный сундучок, секрет которого он нам не называет. Я уж полагал, что мне и самому все по плечу, но, может, ты знаешь что-нибудь этакое, чтобы разговорить его? Так или иначе — поедем со мной, попробуешь что-либо сделать.

Слова барона разбудили у Конана неясные подозрения: не о Зорате ли шла речь? Конан, правда, не знал купца в лицо, но человек, бесстрашный до такой степени, чтобы в такое время пуститься в опасное путешествие по дорогам Зингары, и к тому же не сдающийся под пытками, хорошо подходил по описанию к тому, кого он искал.

Он подъехал поближе к Вальбросо и стал подниматься рядом с ним по крутой дороге, ведущей вверх, к воротам замка. Барон искоса поглядывал за новым спутником — обычный

солдат должен был слушаться его, как наместника, но опыт показывал, что теперь в этом нельзя было быть полностью уверенным. Немало лет, проведенных на пограничье, научили наместника, что здесь правят несколько иные законы, чем при королевском дворе. И, кроме того, ему было ведомо, что многим теперешним королям дорогу на трон проложили мечи бесстрашных наемников.

Замок был окружен глубоким рвом, дно которого было завалено мусором. Проехав по подъемному мосту, они миновали высокие сводчатые ворота, после чего за их спинами с грохотом захлопнулись тяжелые створки. Конан огляделся. На пустом подворье густо разрослась трава. В центре двора виднелся колодец, а у стен ютились палатки солдат, из которых выглядывали неряшливо или вызывающе одетые женщины. Солдаты в ржавых латах и кольчугах играли в кости на каменных плитах. Все вместе это смотрелось скорее резиденцией какой-то банды, чем замком наместника.

Вальбросо сошел с коня и жестом приказал Конану следовать за ним. Они прошли в узкие двери и очутились в коридоре со сводчатым потолком, где встретили одетого в побитый панцирь человека со строгим взглядом, спускающегося по ступеням спиральной лестницы. Судя по виду, это был начальник стражи.

— Ну, как дела, Белосо? — окликнул его наместник. — Он начал говорить?

— Молчит... — отозвался тот, бросая на Конана подозрительный взгляд. Вальбросо пробормотал проклятие и быстро побежал по лестнице вверх. Конан и Белосо — за ним. Когда они поднялись выше, стали отчетливо слышны крики пытаемого. Камера пыток в этом замке находилась не в подземельях, как обычно, а на самом верху башни, но тем не менее содержала все те атрибуты, что придумал и изобрел человеческий разум для разрезания тела, крушения костей, натягивания и разрывания жил: молотки, железные иглы, цепи, крючья и многое другое.

В этой комнате сидел худой — кожа и кости — заросший до бровей человек в кожаных бриджах, жадно грызущий полуголую кость, а на столе пыток рядом с ним умирал, как Конан понял с первого взгляда, обнаженный мужчина. Неестественное положение конечностей свидетельствовало о вырванных из суставов костях и о десятках еще более труднообразимых вещей. У несчастного было серое, сохранившее еще признаки интеллигентности лицо, и быстрые темные глаза, затуманенные и покрасневшие от боли. По телу его стекал пот агонии, а полуоткрытые губы обнажали почерневшие десны.

— Вот этот сундук! — в сердцах пнул Вальбросо стоявший поблизости небольшой, но тяжелый железный ларец. Тот по всей поверхности был покрыт орнаментом в виде маленьких черепов и сплетенных между собой драконов, но нигде не было заметно никакой задвижки или ручки, позволивших бы открыть его. Царапины, вмятины и пятна копоти указывали на то, что сделать это уже пытались с помощью топора, лома, зубила и огня.

— Это и есть тайна этого пса! — гневно произнес барон. — Весь юг знает Зората и его железный сундук. Но одному лишь богу известно, что там внутри.

Зорат! Значит, это правда: человек, которого искал Конан, лежал перед ним. Король Аквилонии ничем не выразил своего возбуждения, однако, когда он склонился над умирающим, сердце его готово было выскочить из груди.

— Эй! Ослабь веревки! — хрипло приказал он палачу. Вальбросо и его капитан стражи недоуменно переглянулись. Забывшись от возбуждения, Конан повысил голос, и дикарь в кожаных бриджах инстинктивно послушался. Веревки опали, но было уже поздно — длина вырванных из суставов конечностей так и осталась ужасающей, словно ничего и не произошло.

Схватив стоявший поблизости кувшин с вином, Конан поднес его к губам несчастного. Зорат начал судорожно глотать, и струя вина стала стекать на его тяжело поднимающуюся грудь.

В замутненных кровью глазах мелькнул проблеск сознания, покрытые кровавой пеной уста

задрожали, и послышался сдавленный шепот на кофийском наречии:

— Значит, я уже умер? И кончилась долгая пытка? Ведь ты — король Конан, погибший в сражении под Валкой, и мы теперь в стране мертвых...

— Нет, ты еще не умер, — возразил Конан. — Но уже умираешь. Пыток больше не будет. Это я тебе обещаю, но другой помощи оказать не могу... Я прошу тебя: прежде, чем умереть, скажи, как открыть твой железный ларец!

— Мой железный ларец... — пробормотал Зорат, как в бреду. — Он выкован в дьявольском огне пламенных гор Короши из такого металла, который не возьмет никакое зубило. Много он возил по свету всяких богатств! Но им не добраться до того, что сейчас укрыто в нем...

— Скажи, как его открыть, — настаивал Конан. — Тебе это уже не понадобится, а мне еще может помочь.

— Да, ты — Конан, — прохрипел умирающий. — Я видел, как ты, в короне и со скипетром в руке восседал на троне в большом зале для аудиенций столичного дворца. Но тебя уже давно нет в живых — ты погиб под Валкой. А значит, и мой конец близок...

— Что там несет этот кусок мяса? — нетерпеливо дернулся Вальбросо, ни слова не понимая по-кофийски. — Пусть скажет, как открыть сундук!

И, словно эти слова разбудили искру жизни в изувеченном палачом теле несчастного, Зорат повел наполненными кровью глазами в сторону вопрошавшего.

— Я скажу это лишь заместнику Вальбросо, — произнес он по-зингарски. — Смерть уже кружит надо мной. Пусть он наклонится ближе...

С побелевшим от жадности лицом барон выполнил просьбу. Стоявший позади него Белосо тоже придвинулся.

— Надави на семь черепов по окружности моего ларца, — прохрипел купец. — А потом — на голову дракона, изображенного на крышке. И наконец — жемчужину в зубах этого дракона. Так открывается тайный замок.

— Быстрее! Ларец! — с нетерпением крикнул Вальбросо, грязно ругаясь. Подхватив сундучок, Конан протянул его заместнику, жадно вцепившемуся в него.

— Давайте, я открою... — предложил Белосо, сунувшись вперед, но барон с проклятием оттолкнул его и с перекошенным лицом заорал:

— Это сделаю я и только я!

Конан, инстинктивно сжав рукой рукоять меча, быстро взглянул на Зората. Глаза умирающего, затуманенные и кровавистые, с огромным напряжением вглядывались в заместника... Улыбка, похожая на издевательскую усмешку, вдруг исказила запекшиеся губы несчастного. Купец не хотел раскрывать тайны, пока не осознал, что умирает... Переведя взгляд на Вальбросо, Конан тоже стал за ним внимательно наблюдать.

По граням ларца шел причудливый рисунок в виде семи небольших черепов и замысловатых сплетений древесных ветвей, а посреди крышки красовался инкрустированный золотом и камнями дракон в окружении богатых арабесок. Вальбросо поспешно нажал на чашки черепов и, дотронувшись до головы дракона, злобно расхохотался, потрясая в воздухе кулаком:

— Щель! — прорычал он. — Примерно в палец толщиной!

Потом он прижал пальцем золотой шарик в зубах дракона — и крышка поднялась. Глаза присутствующих ослепило яркое золотистое сияние. Им показалось, что резной ларец полон мерцающего огня, лившегося из него и растекавшегося по стенам. Белосо вскрикнул, а Вальбросо втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Конан ошеломленно молчал.

— Господи! Какой камень! — в пальцах барона появилась ало пульсирующая капля, наполнившая комнату мягким сиянием. Наместник в ее свете походил на мертвеца. И вдруг умирающий на столе пыток человек разразился диким смехом:

— Глупец! — прохрипел он. — Ты получил его, но в придачу со смертью! Ты посмотри на пасть дракона!

В тупом оцепенении все повернулись в указанном направлении. Из раскрытой пасти резного дракона торчала, поблескивая, небольшая игла.

— Жало дракона! — безумно хохотал Зорат. — Смазанное ядом черного стигийского скорпиона! Дурак! Дурак! По-настоящему дурак — ты голой рукой открыл мой ларец! Смерть! Ты уже мертв!

И с этими словами он умер, сжав запекшиеся кровавой пеной губы.

Зашатавшись, барон вскрикнул:

— О, боже! Как жарко! Огонь жжет мои жилы! Он рвет мне суставы! Это смерть! смерть! — и, согнувшись пополам, он рухнул на каменный пол. По телу его пробежала ужасная судорога, конечности его неестественно выгнулись, и он затих, уставившись широко открытыми глазами в низкий потолок.

— Умер! — оторопело произнес Конан, наклоняясь, чтобы поднять камень, выпавший из ослабевшей ладони Вальбросо и теперь пылавший на полу, как сгусток пламени закатного солнца.

— Умер... — отозвался Белосо, в глазах которого появились злобные и жадные огоньки.

Зачарованный блеском и близостью огромного драгоценного камня, Конан не обратил внимания на затаившего у него за спиной дыхание капитана стражи. А потом что-то с огромной силой ударило ему сзади по шлему, и он упал на колени, забрызгав пол кровью.

Послышался быстрый топот ног, удар и хрип еще одной агонии. Оглушенный, но не до конца лишенный сознания, король Аквилонии понял, что Белосо нанес ему удар по голове железной шкатулкой Зората, и череп уцелел чудом — только благодаря шлему. Пытаясь стряхнуть с глаз пелену, он с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, пошел к выходу, выхватывая на ходу свой меч. Перед глазами все колыхалось. Двери были открыты, а где-то вдалеке стихали звуки быстрых шагов. Лохматый палач лежал на полу, и душа его, похоже, уже успела отлететь через огромную рану на груди. Сердце Аримана исчезло.

С мечом в руке и с залитым стекающей из-под шлема кровью лицом Конан выскочил из комнаты пыток. Перемахивая через ступени, он услышал доносившиеся со двора крики, звон стали и стук конских копыт. Выбежав из башни, он заметил суматошно мечущихся по двору солдат и визжащих от ужаса женщин. Тяжелые створки ворот были распахнуты, а их охранник лежал на земле с раскрытым черепом, навалившись телом на бесполезную теперь пику. Кони, среди которых был и черный жеребец Конана, сбились в плотную кучу.

— Он сошел с ума! — визжала какая-то женщина, мечась посреди всеобщего хаоса. — Он выскочил, как бешеный пес, и стал рубить направо и налево! Он же потерял рассудок! Где господин Вальбросо!?

— Куда он поехал? — прорычал Конан. Все, как один, обернулись к нему и недоверчиво оглядели нового незнакомца с окровавленным лицом и обнаженным мечом.

— Куда-то на восток, — продолжала рыдать женщина, а кто-то из солдат ошарашено спросил:

— А это еще кто?

— Белосо убил наместника! — крикнул в ответ Конан, одним прыжком оказываясь в седле своего скакуна и вцепляясь ему в гриву. Ответом ему был дикий крик, а реакция солдат была именно такой, как он и предполагал: желание закрыть ворота и поймать незнакомца боролись у них со стремлением мчаться в погоню за убийцей и мстить за смерть господина. Как волки, удерживаемые вместе лишь страхом перед бароном, они теперь не чувствовали себя здесь никому обязанными.

Вновь раздалось лязганье стали и женский визг. И во всеобщем хаосе никто и не заметил, что Конан выскочил за ворота и погнал коня вниз по склону. Перед ним простиралась широкая долина, разделенная белым трактом: одна его часть уходила на юг, другая — на восток. И по этой восточной части что есть сил гнал коня все более удаляющийся всадник. В глазах у Конана мутилось, блеск солнца казался густой алой пеленой, и он едва сидел в седле, крепко держась за конскую гриву, но упорно продолжал гнать скакуна вперед.

Над замком, где остались тела наместника и замученного им пленника, показались первые клубы черного дыма, а снижающееся солнце освещало два темных силуэта, во весь опор скачущих по дороге на фоне вечернего неба.

Конь Конана устал, но то же самое можно было сказать и о жеребце Белосо. Конан даже не задумывался, почему зингарец бежит лишь от одного преследователя, хотя это действительно было странно. Возможно, его гнала непреодолимая паника, посеянная в его душе таящимся в камне безумием. Солнце наконец село за горизонт и в наступившем полумраке белая дорога бледной лентой бежала вперед, теряясь в далеком пурпурном сиянии.

Конь, скакавший уже на последнем пределе своих возможностей, тяжело дышал и ронял ключья пены. В сгущавшемся сумраке стало заметно, что тип местности стал меняться: голая равнина сменилась ольховыми и дубовыми рощами, а в отдалении показались невысокие холмы. Начали мерцать звезды. Жеребец под Конаном хрипел и рыскал из стороны в сторону, но между собой и черной границей приближающегося леса он разглядел размытый силуэт беглеца, что побудило его вновь погнать бедное животное. Пядь за пядью они начали выигрывать гонку. Заглушая стук копыт, откуда-то сбоку, из темноты, донесся громкий испуганный крик, но на него не обратили внимания ни преследователь, ни беглец.

Теперь они скакали почти плечо в плечо и, наконец, въехали в чащу леса. Вскрикнув, Конан поднял меч, заметив повернувшийся к нему бледный овал лица Белосо и смутный блеск стали во мраке. Противник тоже закричал, и в эту секунду усталый конь короля Аквилонии споткнулся и с шумом упал на колени, выбросив из седла ошеломленного всадника. Голова Конана, и без того уже достаточно туманная, ударилась о камень дороги, и густой туман окутал все вокруг, погасив отблески звезд.

Он не мог сказать, сколько времени пролежал без сознания. Но, едва начав приходить в себя, он почувствовал, что его тащат за руку по неровному каменистому грунту и лесной траве. Потом его отпустили, и, видимо, эта встряска окончательно отрезвила его.

Шлем исчез, голова страшно болела, а волосы слиплись от крови. Но он вспомнил, где находится. Большой красноватый месяц ярко просвечивал сквозь ветви деревьев, и было ясно, что полночь уже минула. Значит, он довольно долго лежал в беспомощности, приходя в себя после падения. Но зато сознание теперь было намного яснее, чем даже во время безумной гонки.

Начав воспринимать окружающее, он с удивлением отметил, что лежит не на обочине белой дороги — да и вообще никакой дороги рядом не было. Он находился на травянистой поляне, окруженной частоколом пней и платановыми зарослями. Он пошевелился, осмотрелся вокруг — и вздрогнул от неожиданности: в нескольких шагах от него кто-то сидел.

По-видимому, это был бред — ведь не могла быть явью эта напряженно застывшая серая бестия, вглядывающаяся в него неподвижными, ничего не выражающими глазами. Конан замер, ожидая, что она исчезнет, как образ из сна. И тут по спине его пробежала дрожь: он вспомнил слышанные им когда-то, передаваемые страшным шепотом истории о существах, населяющих леса у подножия гор пограничья Аргоса и Зингары. Их звали гулями — это были пожиратели человеческого мяса, дети ночного мрака, потомки дьявольского слияния исчезнувшей и давно забытой расы с демонами подземелий. Говорили, что где-то посреди этой первобытной чащи, в руинах проклятого черного города, во тьме заброшенных гробниц и обитают эти твари... Тело

Конана покрылось холодным потом.

Вглядываясь в маячивший перед ним бесформенный силуэт, он начал осторожно протягивать руку к поясу, где находился стилет, но, заметив его движение, бестия с жутким криком бросилась к его горлу. Киммериец выбросил вперед правую руку, и клыки, похожие на собачьи, сомкнулись на ней, стараясь сокрушить кольчугу. Костлявые мерзкие руки метнулись в поисках шеи, но Конан рванулся в сторону, одновременно выхватывая стилет левой рукой.

Они покатались по траве, нанося друг другу удары. Мускулы под серой отвратительной шкурой твари были тверды, как сталь, и явно превосходили по силе человеческие. Но здесь помогала кольчуга, предохраняющая от укусов страшных клыков и длинных когтей, и благодаря которой Конан успел нанести своему ужасному противнику удар стилетом, а потом еще один, и еще... Необыкновенная живучесть человекоподобного существа, казалось, не имела границ, и по коже короля Аквилонии то и дело пробегала дрожь отвращения, когда ее касалось холодное тело. Он вкладывал в удары все свои силы, но, казалось, минула целая вечность, прежде чем тело противника конвульсивно дернулось и застыло, когда клинок пронзил его сердце.

Конан поднялся на ноги и огляделся. Он не потерял своего инстинктивного ощущения направлений и сторон света, но не знал, где его захватил гуль и где теперь искать дорогу. Оглянувшись на залитые светом луны тихие черные силуэты деревьев, он ощутил выступившие на лбу капли холодного пота. Избитый и усталый, он оказался среди чащи тех самых ужасных лесов, а лежавшая у его ног темной бесформенной кучей тварь была немим подтверждением происходящих в этих местах кошмаров. Отдыхать было некогда — в любую секунду можно было ожидать треск веток или шелест травы под ногами других тварей.

Но вдруг тишину ночи разорвало испуганное конское ржание. Его жеребец! Кстати — кроме гулей, питающихся не только человеческим мясом, здесь водились и черные пантеры.

Не раздумывая, он рванулся прямо через заросли туда, откуда послышалось ржание. Все страхи улетучились, сменившись боевой яростью, если погибнет конь, вместе с ним исчезнет и последняя надежда на настигнуть Белосо и захватить камень. И вновь, теперь уже гораздо ближе, послышался резкий и гневный призыв скакуна. Было слышно, что тот отбивается от кого-то копытами.

Еще одно усилие — и Конан выскочил из кустов на белую ленту дороги, увидев своего коня, который, прижав уши и злобно оскалив зубы, то отступал, то прыгал вперед, отбивался от кружившей вокруг него черной фигуры, иногда замирая от страха. А самого Конана уже тоже заметили — вокруг него сомкнулось кольцо темных силуэтов — серых, подкрадывающихся существ. В ночном воздухе разнесся отвратительный и тяжелый запах разложения.

Внимание короля привлек тусклый блеск стали среди устилавших землю прошлогодних листьев: это месяц отражался на лезвии меча, оброненного там, где король, выброшенный из седла, упал в придорожную траву. Он поднял меч и с проклятием бросился на стоящего с ним лицом к лицу огромного противника. В неясном свете мелькнули оскаленные клыки и тянущиеся к нему когтистые полулапы-полуруки. Прорубив себе дорогу через отвратительно пахнущие тела, Конан стремительно вскочил в седло своего коня. Меч его молниеносно поднимался и опадал, отсекая веявшие могильным холодом лапы, и от каждого удара кто-то падал, обливаясь темной кровью. Скакун отступал, продолжая кусаться и лягаться, а потом неожиданным прыжком вырвался из окружения и застучал копытами по полотну дороги. Еще некоторое время с обеих сторон из темноты появлялись серые мечущиеся тени, но потом они остались позади...

Поднявшись на вершину заросшей лесом возвышенности, Конан разглядел впереди обнаженные горные склоны, поднимавшиеся к небу и растворявшиеся где-то в ночной мгле.

Глава XIII

"Дух прошлого"

Вскоре после восхода солнца Конан пересек границу Аргоса, но не встретил никаких следов Белосо. Либо тот успел уйти за время, пока король Аквилонии лежал без сознания, достаточно далеко, либо сам пал жертвой страшных людоедов зингарской пуши. Но свидетельств такого исхода тоже не было заметно. Тот факт, что эти твари так долго не нападали на бесчувственного человека, пока он лежал у дороги, позволял предположить, что они потратили время на бесполезную попытку догнать Белосо. А если беглец жив, то ехал он, как подсказывало Конану его предчувствие, по той же самой дороге и находился сейчас где-то впереди. Поэтому киммериец продолжал безостановочно двигаться на восток.

Пограничная стража не стала его задерживать. Одиноким странствующим наемником не нуждался ни в проверках, ни в охранном листе, да и потрепанный вид его говорил о том, что он не состоит ни у кого на службе. И Конан ехал через взгорья, по которым неслись бурные горные потоки, укрытые тенистыми дубовыми рощами и высокой травой. Он продолжал придерживаться длинной дороги, что в бледной дымке убегала вперед, возносясь на перевалы и спускаясь в долины. Это был старый, очень старый тракт, издавна связывавший Пуантен с морем.

В Аргосе царили покой и порядок: по дорогам спокойно ехали тяжело груженные товарами повозки, запряженные волами, а приветливые смуглые люди мирно трудились в садах и на полях, раскинувшихся прямо за придорожными деревьями. Старцы, сидевшие на лавках у ворот, в тени дубовых крон, приветствовали путешественника добрым словом.

И у работавших на полях крестьян, и у одетых в тонкие шелка купцов с твердым взглядом, и у разбитных завсегдаев таверн, где было принято предварять всякие расспросы большими кружками пенистого пива, Конан спрашивал о Белосо.

В основном, ответы были отрицательными, но все же стало понятно, что невысокий, жилистый зингарец с беспокойными темными глазами и нависшими бровями действительно совсем недавно прошел этой же дорогой среди вереницы других путешественников с запада и, вроде бы, собирался в Мессантию. Выбор цели был достаточно логичен — как и все портовые города Аргоса, в противоположность городам, расположенным в глубине континента, Мессантия имела космополитический характер и к тому же была самым густонаселенным городом. В ее порты заходили суда из многих заморских государств, здесь же искали убежища беглецы и изгнанники чуть ли не со всего света. Законы в столице Аргоса соблюдались слабо, так как Мессантия в основном жила торговлей, а местные обыватели в интересах дела закрывали на это глаза. Кроме того, много товаров попадало сюда не только легальным путем: руку к этому прикладывали пираты и контрабандисты. Конану это все было известно еще с тех давних времен, когда он сам был членом пиратского братства с островов Барахас и не раз под покровом ночи приводил в порт пару-тройку тяжело груженных трофеями шлюпок. Большинство пиратов с островов Барахас — небольшого архипелага к юго-западу от берегов Зингары — были выходцами из аргосского отребья и, видимо, по национальным соображениям, проявляли свой интерес к купеческому флоту других народов, практически не трогая судов из портов Аргоса.

Но Барахас не был единственным пиратским эпизодом на протяжении насыщенной неожиданностями жизни Конана, общавшегося, кроме этого, с пиратами Зингары и, наконец, что сделало список нарушенных им законов очень обширным, с черными корсарами далекого

юга, беспощадными опустошителями северных побережий. Оказаться узанным в каком-нибудь порту Аргоса для него означало немедленно потерять голову. Но это не страшило его, и он без колебаний продолжал ехать в Мессантию, делая короткие остановки лишь затем, чтобы дать отдохнуть коню да вздремнуть пару минут самому.

Никто даже не окликнул его, когда он въехал в город и смешался с толпой, подобно гигантской волне бушевавшей на торговых площадях. Вокруг Мессантии не было стен — ее стерегли море и простор.

Был уже вечер, когда Конан выбрался на улицы, ведущие к порту. Там, где они кончались, были видны песчаный берег, мачты и паруса кораблей. И вновь, впервые за несколько последних лет, он почувствовал знакомый запах соленой воды, услышал скрип снастей и мачт и волнующее прикосновение теплого бриза. Нахлынувшие воспоминания старых походов сжали его сердце.

Но он не выехал на берег, а повернул скакуна и, поднявшись по широким, истертым тысячами ног каменным ступеням, добрался до другой улицы, откуда с холма на порт глядели резиденции местной знати. Здесь жили люди, сколотившие свое состояние за счет моря — несколько старых капитанов, неизвестно у какого морского дьявола из зубов вырвавших свои богатства, и множество купцов, что сами никогда не ступали на качающуюся палубу корабля и не слышали рева шторма или грома морского сражения.

Конан свернул к богатой позолоченной ограде и въехал во двор, где шумел небольшой фонтан и прогуливались по мраморным плитам стен голуби. К нему сразу же подошел слуга в шелковой ливрее, обшитой бахромой, и в бордовом трико. На лице его застыло вопросительное выражение. Мессантийские купцы нередко встречались с удивительными и ужасающего вида людьми, от которых часто пахло морем, но наемный воин, так свободно ведущий себя на богатом подворье, не был здесь привычным явлением.

— Здесь живет купец Публио? — произнес Конан скорее утвердительно, чем вопросительным тоном, и с таким выражением, что паж снял украшенную пером шляпу и склонился в поклоне.

— Да, здесь, господин воин.

Киммериец соскочил с коня, и прибежавший на зов пажа другой слуга немедленно принял у него уздечку.

— Он дома? — стянув рукавицы, Конан снял плащ.

— Так точно. Как о вас доложить?

— Я сам представляюсь, — буркнул король. — Знаю, как к нему пройти. Оставайся здесь.

Паж послушался его приказного тона и остался стоять, с удивлением глядя ему вслед, а Конан тем временем быстро поднялся по короткой мраморной лестнице, оставив оторопелого слугу размышлять о том, какие дела могут быть у его господина с этим варварского вида наемником с севера.

Остальные слуги тоже оставили свои занятия и с раскрытыми ртами наблюдали за необычным гостем, что так уверенно прошел по широкому балкону и скрылся в просторном коридоре, освежаемом морским бризом. Преодолев около половины коридора, он услышал скрип пера и свернул в боковую комнату, большие окна которой выходили к морю.

Публио, сидевший перед резным бюро из тикового дерева, писал золотым пером на богатом пергаменте. Это был невысокий мужчина с большой головой и подвижными темными глазами, одетый в серую накидку из тончайшего шелка, обшитого золотой бахромой. На шее его висела массивная золотая цепь.

При виде незваного гостя он с досадой взмахнул было рукой, но потом поднял взгляд, и рука его застыла на полдороги. Рот его приоткрылся — он встретился глазами с привидением своего прошлого. Взор его широко открытых глаз постепенно стал наполняться недоверием и страхом.

— Ну, — первым подал голос гость, — ты что, — никак не подыщешь для меня подходящего приветствия?

Публио облизнул мгновенно высохшие губы.

— Конан... — недоверчиво прошептал он. — Господи! Конан! Амра!..

— А кто ж еще? — и плащ с рукавицами с грохотом опустился на бюро. Ну так что же? — выкрикнул он со злостью. — Ты даже не можешь предложить мне бокал вина? После дальней дороги у меня пересохло в горле.

— Ах да, вина!.. — механически повторил Публио. Он взглянул в сторону колокольчика, но вдруг задрожал и отдернул руку, словно обжегшись.

С искрой устрашающего веселья в глазах Конан наблюдал, как купец поднялся и поспешно закрыл двери, предварительно высунув в коридор голову и убедившись, что там никого нет, а потом вернулся и взял с дальнего столика золотой кувшин с вином. Он хотел было наполнить небольшой бокал, но киммериец вырвал кувшин из его рук и стал пить прямо из него. — Да... Это, без сомнения, Конан... — выдавил купец. — Э-э-э... Ты что — ошалел?..

— Черт возьми, Публио! — отозвался Конан, оторвавшись от кувшина, но не выпуская его из рук. — Ты стал жить лучше, чем раньше. Нужно действительно быть хорошим купцом, чтобы сорвать куш, начав торговлю с гнилой рыбы и прокисшего вина!

— Старого уже не воротишь, — ответил Публио, охваченный дрожью. Еще глубже запахнувшись в свою накидку, он продолжал:

— Я расстался с прошлым, как с изношенным плащом.

— Вполне возможно. Но вот только меня ты, как плащ, не сбросишь. Может, ты и считаешь меня глупцом, но зря думаешь, что я не догадываюсь, что весь этот твой дом построен на моем поту и крови. Или мало шлюпок с добром в свое время прошло через твои руки?

— Все купцы Мессантии рано или поздно имели дела с морскими разбойниками, — нервно произнес Публио.

— Но не с черными корсарами, — не обещающим ничего хорошего тоном возразил Конан.

— Ради бога, замолчи! — вскрикнул купец, вытирая со лба пот. Пальцы его тискали золотую оторочку тоги.

— Успокойся, я лишь хотел кое-что тебе напомнить, — успокоительно произнес Конан. — Да не трясись ты! Ты же часто на моей памяти рисковал в прошлом, мечтая о богатой жизни в том паршивом домике на побережье, здороваясь за руку с каждым контрабандистом или пиратом. Видать, достаток тебя расслабил.

— Я теперь знатен... — промямлил Публио.

— Что означает: богат, как дьявол, — хмыкнул Конан. — А почему? Как это ты сумел поймать удачу, оставив позади своих многочисленных конкурентов? А за счет того, что заработал большие деньги на продаже слоновой кости, страусовых перьев, меди, кожи, жемчуга, золота и других товаров с берегов Куша. А где ты все это доставал? Или вместе с другими купцами покупал за серебро в Стигии? А я тебе напомню: ты получал эти товары от меня, и то за цены бросовые по сравнению с настоящими. Я же добывал их у племен Черного побережья, или со стигийских судов — вместе со своими корсарами.

— Потихе, ради бога, — взмолился несчастный купец. — Я этого не забыл! Но что ты здесь делаешь? Я в Аргосе — единственный человек, которому известно, что король Аквилонии в прошлом был Конаном-пиратом. Но до меня недавно дошли слухи о военном поражении Аквилонии и о гибели ее короля...

— Да, мои враги уже растрезвонили об этом по всему свету. Но я, как видишь, сижу с тобой и попиваю вино.

И он подтвердил последние слова делом. Опустив опустошенный кувшин, он продолжал:

— Я попрошу тебя всего лишь об одной услуге. Мне известно, что ты находишься в курсе всего, что происходит в Мессантии. Я хочу знать — находится ли в городе зингарец Белосо, или как там еще он мог назваться. Он высокого роста, худой, смуглый, как большинство его соотечественников, и, вероятно, хочет продать большой драгоценный камень.

Публио покачал головой.

— Я не слышал о таком человеке. В Мессантии тысячи приезжих. И тысячи ежедневно уезжают из нее. Но, если он здесь, мои люди отыщут его.

— Хорошо. Пошли их на поиски. А пока прикажи слугам заняться моим конем и принести мне поесть.

Публио согласно кивнул. Поставив пустой кувшин на стол, Конан отвернулся и подошел к ближайшему окну, втянув полную грудь соленого морского ветра... Посмотрев на кривые портовые улочки, он окинул внимательным взглядом стоявшие на рейде корабли и поднял глаза туда, где в бесконечной туманной дали море сливалось с небом. Память унесла его за этот горизонт, помчавшись на крыльях к золотистым морям юга, где под палящим солнцем ни во что не ставились любые законы и когда-то протекала его стремительная, бурная жизнь. Слабый аромат пряностей и оливы пробудил образы необычных берегов, поросших мангровыми зарослями, где бубны и барабаны спешили сообщить вести о боевых трофеях, дыме, пожарах и потоках крови... Задумавшись, он едва успел заметить, что Публио тихо выскользнул из комнаты.

Подхватывая полы накидки, купец поспешил вдоль по коридору и спустился в помещение, где сидел и что-то писал на пергаменте высокий худой человек с длинным белым шрамом на щеке. Было в нем что-то такое, что свидетельствовало о присущей ему решительности и целеустремленности. Публио нервно произнес:

— Конан вернулся!

— Конан? — худой мужчина вскочил, и перо выпало из его пальцев. — Тот самый корсар?

— Да!

Собеседник его побледнел.

— Вы что — с ума все посходили? Нас же всех повесят, если его кто-нибудь узнает! Человека, укрывающего корсара, или торгующего с ним, вздергивают так же быстро, как и самого корсара! А если губернатор узнает о наших с ним старых делах?

— Не узнает, — осторожно ответил Публио. — Пошли своих людей на торговые площади и в портовые таверны, пусть узнают, есть ли сейчас в Мессантии некий Белосо из Зингары. Конан говорит, что у того есть драгоценный камень, который киммерийцу очень нужен. Скорее всего, об этом должны знать ювелиры... Но будет еще одно задание: найди-ка примерно дюжину таких мерзавцев, чтобы они могли убраться куда нужно, а потом бы язык держали за зубами. Понял?

— Понял, — подтвердил высокий медленным движением головы.

— Я не для того злодействовал, писал доносы, клеветал и убивал, вырываясь из когтей нищеты, чтобы меня сгубила тень прошлого, — прошипел Публио, и злое выражение его лица в эту минуту могло бы испугать тех богатых господ и дам, что покупали в его магазине шелка и жемчуг. Но, когда он чуть позже возвратился к Конану, толкая перед собой столик на колесиках, весь заставленный мясными и овощными блюдами, облик его вновь был совершенно спокоен и приветлив.

Киммериец все еще стоял у окна и глядел в порт, на пурпурные, пунцовые, киноварные и алые паруса галеонов, барок, галер и клиперов.

— Вон там стоит стигийская галера, если мне не изменяют глаза и память, — указал он на низкий и узкий черный корабль, пришвартованный в отдалении от всех остальных к широкому пирсу, большой дугой уходящему вдаль. — А что: Аргос и Стигия вновь между собой торгуют?

— Наши отношения дружественны, как никогда, — отозвался Публио, со вздохом останавливаясь со своим столиком в некотором отдалении от гостя, зная некоторые не лучшие черты его характера. — Теперь порты Стигии открыты для наших судов, а наши порты — для них. Но хорошо бы, чтоб мой клипер не встретился с ними в открытом море. Эта проклятая посуда вошла в наш порт прошлой ночью, но что она здесь ищет я не знаю. Они ничего не продают и ничего не покупают. Я не доверяю этим темнокожим дьяволам. Их мрачная земля — родина страха.

— Передо мной они когда-то выли от ужаса, — отвернулся Конан от окна. На своем корабле под покровом ночи я вместе с черными корсарам подкрадывался прямо к самым бастионам омываемых морем замков Кеми и сжигал пришвартованные там галеры... Ну а теперь, дорогой мой господин, отведай-ка по кусочку каждого кушанья и отпей пару глотков вина, — покажи, что ты радушный хозяин и все это действительно можно есть.

Купец выполнил эту просьбу с такой готовностью, что подозрения Конана на время исчезли. Безо всяких колебаний гость сел за стол и стал уплетать за двоих.

И, пока он утолял голод, по торговым площадям и тавернам уже ходили люди, ищущие зингарца, что хотел бы продать большой драгоценный камень или попасть на корабль, отправляющийся к каким-нибудь далеким берегам. А высокий худой человек со шрамом на щеке в это время сидел, опершись локтями о залитый вином стол в грязной пивной с почерневшим от копоти потолком, и разговаривал этак человеками с десятью даже с первого взгляда отъявленными негодьями, чей зловещий вид и рваная одежда выдавали в них готовых на все услужливых мерзавцев.

И первые звезды, засиявшие на небе, осветили необычную группу всадников, подъезжавших по белой дороге к Мессантии откуда-то с запада. Это были четверо высоких, худощавых мужчин, одетых в черные накидки с капюшонами, что безжалостно гнали таких же худых, как они сами, жеребцов, усталых и покрытых хлопьями пены, как после долгой и трудной дороги. И ехали они молча, не произнося не единого слова...

Глава XIV

"Черная ладонь смерти"

Конан пробудился от глубокого сна мгновенно, словно кошка, и молниеносно вскочил на ноги, обнажая меч. Вошедший в комнату человек испуганно отпрянул в сторону.

— Ну что, какие новости, Публио? — спросил киммериец, узнав хозяина дома.

Золотая лампа на столе все еще горела, ровным мягким светом освещая грубую накидку и богатые подушки дивана, на котором спал Конан.

Купец, медленно приходя в себя от только что пережитого ужаса при виде пробуждения своего гостя, запинаясь, ответил:

— Мои люди нашли этого зингарца. Он приехал вчера на рассвете. Всего несколько часов назад он пытался продать купцу из Шема необычно огромный драгоценный камень, но тот не захотел иметь с ним дела. Говорят, что, увидев камень, он побледнел, как полотно, и убежал, словно от заразы.

— Скорее всего, это Белосо, — произнес Конан, чувствуя охватившее его возбуждение и стук в висках. — Где он сейчас?

— Спит в гостинице Гермия.

— Да, я помню эту конуру, — буркнул Конан. — Мне нужно спешить, чтобы меня не опередил кто-нибудь из портовых головорезов, прикончив его за этот камень.

Он накинул на плечи плащ и надел поданный услужливым купцом шлем.

— Прикажи оседлать моего коня и держать его во дворе в полной готовности, — велел он. — Может быть, уходить мне придется очень быстро. Я никогда не забуду, Публио, что ты сейчас для меня сделал!

И парой минут позже, купец, стоя в проеме мощных наружных дверей, провожал взглядом исчезающий в темноте силуэт короля.

— Иди, корсар... — тихо пробормотал он. — Хм... Значит, печать греха лежит на том камне, коли его ищет человек, потерявший королевство. Жаль, я не сказал своим ублюдкам, чтобы они занялись этой безделушкой. Ну, да ладно — в этом случае все могло бы пойти не по плану. Пускай Аргос забудет Амру и утонут в пыли забвения наши с ним дела. Аллея за гостиницей Гермия... — вот где Конан перестанет быть для меня опасным.

Гостиница Гермия, грязная, сыскавшая себе дурную славу ночлежка, стояла почти на самом берегу, фасадом к морю. Это был мрачный домик из камня и больших тяжелых кирпичей.

Имея неприятное предчувствие, что за ним кто-то следит, Конан быстро шел по огибающей это здание темной аллее. Он внимательно оглядел густые заросли кустарника, но ничего не увидел, хотя отчетливо расслышал шуршание листвы. Но в этом не было ничего необычного — грабители и бандиты каждую ночь выходили на портовые улочки в поисках жертв, и казалось маловероятным, чтобы кто-нибудь из них решился напасть на человека в панцире и кольчуге.

Вдруг откуда-то впереди послышался скрип открываемых дверей, и Конан инстинктивно отступил в тень. Из темного дверного проема вынырнула какая-то фигура и двинулась по аллее ему навстречу — совершенно не скрываясь и, кроме того, беззвучно, как дикий зверь. Звезды давали достаточно света, чтобы разглядеть профиль незнакомца, когда он проходил мимо притаившегося в темноте киммерийца. Этот человек был из Стигии. Бритая голова, орлиные черты лица и просторный плащ не оставляли в этом никаких сомнений. Он спокойно направился в сторону пирса; и в тот момент, когда порыв ночного ветра резко откинул полу его

накидки, Конану показалось, что у стигийца под одеждой укрыта свеча, но блеск этот тут же вновь исчез.

Но Конан не заинтересовался этой мрачной фигурой и пошел дальше, ко все еще открытой двери. Сперва он хотел было зайти к самому Гермю и спросить, в какой из комнат ночует Белосо, но потом решил, что будет лучше, если он не станет привлекать к себе лишних подозрений. Еще несколько шагов — и он стоял перед входными дверями. И тут, положив ладонь на ручку двери, он вздрогнул — пальцы его, в свое время многому научившиеся у разбойников из Заморы, подсказали ему, что дверной засов был выломан, причем с такой силой, что согнулись его тяжелые металлические пластины и вырвался кусок косяка. И что самое удивительное — как это можно было сделать, не разбудив всей округи, ибо не было никаких сомнений, что случилось это совсем недавно, этой же ночью. Ведь, увидев это, Гермий обязательно приказал бы своим людям немедленно исправить дверь.

Размышляя, как побыстрее отыскать комнату зингарца, Конан зажал в ладони стилет и вошел в коридор. Но не пройдя в темноте и несколько шагов, он остановился, как вкопанный: мрак был пропитан смертью. Так чуяли смерть дикие звери, — не угрозу, а лишь только что лишенное жизни тело. И тут нога его наткнулась во тьме чего-то тяжелого и податливого. Охваченный внезапным волнением, он коснулся стены рукой и пошел вдоль нее, пытаясь отыскать обычно стоящую в каждой комнате этой ночлежки настольную лампу с огнивом. И через несколько секунд король Аквилонии понял, где находится. В нише грубой каменной стены стояли пустой стол и лавка — убогая обстановка этой квадратной комнаты. Двери были распахнуты, а на утопанном полу лежал Белосо. Он лежал навзничь, с разбитой головой, глядя широко открытыми невидящими глазами в низкий почерневший потолок. Растянутые агонией губы обнажали страшный оскал. Тут же лежал меч в ножнах, что свидетельствовало о внезапности нападения. Разорванная кольчуга открывала загорелую мускулистую грудь, перечеркнутую четким черным отпечатком ладони.

Молча глядя на эту картину, Конан почувствовал, как на затылке его зашевелились волосы.

— А, черт! — пробормотал он. — Черная ладонь Сета!

Ему уже приходилось встречать этот знак, смертельную мету зловещих жрецов бога Сета, ужасного божества мрачной Стигии... И тут он вспомнил необычное красное сияние, блеснувшее из-под плаща таинственного стигийца, только что вышедшего из гостиницы.

— Сердце, черт возьми! — скрипнул он зубами. — Оно было у него! Он открыл входные двери с помощью своих чар, убил Белосо и украл Сердце! Значит, это действительно жрец Сета.

Быстрый осмотр комнаты и карманов зингарца подтвердил его догадки. Камня не было. У него сразу же возникло подозрение, что все это — не случайность, и черная стигийская галера вошла в порт Мессантии с определенной целью. Но как жрец мог узнать, что Сердце появилось здесь? Ответ на этот вопрос вряд ли был бы более неправдоподобен, чем чары некромантии, что позволили убить здорового одетого в кольчугу человека одним прикосновением открытой пустой ладони.

Неожиданно из-за дверей донеслись чьи-то осторожные шаги, и Конан по-кошачьи быстро обернулся на звук. В одно мгновение он загасил лампу и выхватил меч. Слух подсказал ему, что сюда приближается группа людей. А когда его глаза привыкли к темноте, он различил размытые мраком фигуры за проемом входных дверей. Он не имел понятия, кто это, но, как всегда, взял инициативу в свои руки — вместо того, чтобы ожидать нападения, он молниеносно выскочил наружу.

Этот неожиданный маневр на мгновение ошеломил притаившихся. Но они быстро опомнились и бросились на него, и при свете звезд он различил силуэты в масках... а потом его меч утонул в чьем-то теле, а сам он быстро побежал по улице, пытаясь скрыться от бегущих за

ним по пятам незнакомцев.

На бегу он неожиданно услышал скрип весел в уключинах и мгновенно забыл о погоне. От берега к середине затоки отплывала лодка! Он со всех ног бросился к пирсу, но успел услышать лишь скрип снастей и заметить темный силуэт отходящего корабля.

Клубящийся над водой туман скрыл звезды, и Конан тщетно пытался разглядеть что-либо на черной поверхности воды, стоя на сыром песке берега. На том что-то двигалось — длинное, низкое, набирающее скорость и исчезающее во тьме. Уши его уловили ритмичный плеск весел, и он заскрипел зубами в бессильной ярости: это стигийская галера отплывала в открытое море, увозя с собой камень, значащий для него то же самое, что и трон Аквилонии.

С громким проклятием он сделал шаг вперед, уже готовый расстегнуть ремни панциря и сбросить его, чтобы поплыть за уходящим прочь кораблем... Но вдруг обернулся, услышав шаги, — преследователи быстро приближались. Первый из них тут же упал, сраженный молниеносным ударом меча, но остальных это не остановило. Темноту озарил матовый блеск клинков. Он сделал еще один выпад, раздался крик, и по рукам его стала стекать кровь, брызнувшая из чьего-то распоротого живота. И в это мгновение до него долетел какой-то знакомый глухой голос, призывающий нападавших атаковать. Оценив обстановку, Конан пробился через град ударов, и, когда порыв ветра на долю секунды развеял пелену тумана, увидел перед собой высокого худощавого мужчину с большим темным шрамом на щеке. Яростно просвистевший меч киммерийца развалил череп худого, как гнилой орех.

Но неожиданно слепой удар чьего-то топора попал ему в шлем, и в глазах вспыхнули снопы ярких искр. Конан рванулся в эту сторону и ощутил, что меч его тонет в чьем-то теле, задержавшемся в агонии. Он отступил, но споткнулся о лежавшее на песке тело, а дубина одного из нападавших сбила с его головы и без того уже погнутый шлем, и второй удар пришелся уже по обнаженной голове.

Король Аквилонии беззвучно рухнул на песок. В темноте громко и хрипло дышали волчьи фигуры убийц.

— Давай отрубим ему голову, — произнес один. — Да оставь ты его в покое! — сквозь зубы отозвался другой.

— Лучше помоги мне перевязать рану, чтобы я не истек кровью. Прилив и так унесет его в море — он же лежит у самой воды. И к тому же — у него раскрыт череп, и никто бы не смог выжить после такого удара.

— Помогите снять с него кольчугу, — предложил третий. — Получим за нее хотя бы несколько монет. И быстрее — вон идут какие-то пьяные мерзавцы. Уходим!

В темноте раздалось беспокойное кряхтение, а потом — стихающий в отдалении топот ног. Пьяное пение загулявших матросов продолжало приближаться.

Ожидая у себя в комнате вестей, Публио нервно ходил перед окном, выходящим к морю, и вдруг что-то заставило его резко обернуться. Он хорошо помнил, что надежно запер дверь в коридор, но, тем не менее, она беззвучно отворилась и в нее вошли четверо незнакомцев. Много удивительного встречал купец в своей жизни, но такого — никогда. Эти люди были высоки и худощавы, с золотистого цвета округлыми лицами, оттененными капюшонами длинных черных накидок. В руке у каждого из них был длинный посох.

— Кто вы? — спросил Публио глухим, сдавленным голосом. — И чего вы здесь хотите?

— Где Конан, что был королем Аквилонии? — спросил его самый высокий из четверых, а его бесстрастный голос привел купца в дрожь.

— Я не понимаю, о ком вы говорите, — сглотнул он, ошеломленный необычным видом своих посетителей. Я не знаю такого человека!

— Он был здесь, — продолжил тот же незнакомец, не меняя тона.

— Его конь стоит во дворе. Скажи нам, где он, но не лги.

— Гебал! — заорал Публио и, пятась, уткнулся спиной в стену. — Гебал!

Кхитайцы неподвижно смотрели на него.

— Если ты еще раз позовешь своего раба, умрешь, — предупредил его один из непрошенных гостей, пытаясь сдержать новый крик купца.

— Гебал! — завыл Публио. — Где ты, скотина?! Здесь убивают твоего господина!

За дверью раздались быстрые шаги, и в комнату вбежал Гебал — коренастый мужчина с густой черной бородой. В руке его блестел короткий широкий меч.

Он тупым взглядом окинул четверых незнакомцев, не понимая, откуда они взялись, и только сейчас сообразил, что ненадолго задремал на охраняемой им лестнице, хотя до этого он ни разу на службе не спал. Господин его продолжал истерически верещать, и он, как атакующий бык, ринулся на незваных гостей, заноса для удара меч. Но ударить он не успел.

Навстречу ему резко вылетела рука в черном рукаве, далеко вперед выбрасывая длинную палку. Конец ее, казалось, лишь слегка коснулся широкой груди нападавшего и тут же отскочил. Все это напоминало молниеносную атаку змеи.

Гебал остановился, как вкопанный, будто наткнувшись на невидимый барьер: голова его упала на грудь, меч выпал из ослабевших пальцев, а затем упал и он сам, причем так, словно тело его было совершенно без костей. Он был мертв.

Публио побелел, как мел.

— Не кричи больше, — произнес высокий. — Твои слуги крепко спят, но если ты их разбудишь, все они умрут, и ты вместе с ними. Так где Конан?

— Он ушел в гостиницу Гермия, в порт, искать зингарца Белосо, — выдавил Публио, трясаясь от страха. — Это недалеко отсюда... — Обычно купцу было не занимать уверенности в себе, но незваные гости превратили его мозги в жижу. Он конвульсивно вздрогнул, услышав в зловещей тишине приближающиеся по лестнице быстрые шаги.

— Твой слуга? — спросил кхитаец. Публио беззвучно покрутил головой — язык его от страха прилип к небу. Один из незнакомцев сорвал с ближайшего дивана шелковое покрывало и прикрыл им лежащий на полу труп. Потом все они встали за портьеру, но высокий предварительно предупредил:

— Спроси этого человека, чего он хочет, и быстро отправь прочь. Если выдашь нас — живым отсюда никто не выйдет, так и знай. Даже знаком не показывай, что здесь есть еще кто-то, кроме тебя.

И, подняв свой посох, он тоже скрылся за портьерой.

Публио все дрожал, с трудом сдерживая себя в руках. Это могло оказаться всего лишь игрой света и тени, но создавалось впечатление, что палки этих таинственных посетителей двигались сами, словно будучи какой-то непонятной формой жизни.

Огромным усилием воли он справился с собой и обернулся к человеку, что вошел в двери.

— Мы все сделали так, как ты велел, господин! — тихо произнес вошедший. — Этот варвар лежит мертвым на прибрежном песке.

Публио почувствовал за портьерой движение, и его снова объял ужас. Но ничего не заметивший посланец продолжал:

— Твой секретарь Тиберий погиб. Вместе с ним — пятеро моих товарищей. Мы унесли и спрятали их тела. Кроме пары серебряных монет, при нем ничего не было. Будут еще какие-нибудь приказания?

— Нет! — едва шевельнул губами купец. — Иди!

Посетитель поклонился и поспешно вышел, подозревая, что, кроме малословия, у Публио еще и слабый желудок.

Когда шаги стихли, четверо кхитайцев вновь появились из-за портьеры.

— О ком он говорил? — спросил высокий.

— Да об одном человеке, что не уплатил мне долга, — выдавил испуганный купец.

— Ложь, — спокойно возразил его собеседник. — Он говорил о короле Аквилонии. Это видно по твоему лицу. А ну-ка сядь на диван. Сиди спокойно. Я останусь с тобой, а мои товарищи пойдут поищут его тело.

Аргосец сел и с дрожью стал всматриваться в маячившую перед ним высокую непреклонную фигуру. Трое из четверых его незваных гостей исчезли, а потом вновь вернулись, чтобы сообщить, что на берегу киммерийца нет. Теперь Публио не знал: попытаться ли бежать, или оставаться на месте.

— Мы нашли место, где была схватка, — поведали трое. — И кровь на песке. Но сам король исчез.

Высокий принялся своей палкой чертить на шелковом покрывале дивана невидимые символы.

— Ну, что вы еще поняли? — вновь поинтересовался он.

— Он жив, и уплыл на каком-то корабле куда-то на юг.

При этом Публио был удостоен такого взгляда, что его снова прошиб холодный пот.

— Чего вы от меня хотите? — промычал он.

— Корабль, — услышал он в ответ. — Хорошо оснащенный для долгого плавания.

— Для какого долгого плавания? — мысли его путались.

— Может быть, на конец света, — мрачно произнес собеседник. — Или даже до самого адского пекла, что лежит еще дальше...

Глава XV

"Возвращение корсара"

Первым впечатлением, отмеченным возвращающимся к Конану сознанием, было ощущение движения — сам он лежал неподвижно, но деревянный настил под ним поднимался и опадал. Потом он услышал шум ветра в корабельной оснастке и, наконец, понял, что находится на борту какого-то судна. До него донесся шум голосов и ритмичный плеск весел. Издав проклятие, он с трудом поднялся и, стоя на широко расставленных ногах, огляделся вокруг. Ото всюду раздавалось хрипкое тяжелое дыхание, а в ноздри бил запах давно не мытых человеческих тел.

Он стоял на центральном помосте длинной галеры, шедшей по ветру под наполненными хорошим северным бризом парусами. Солнце еще только начинало подниматься над горизонтом в золотистом ореоле. По левую руку, как размытая багровая тень, тянулся берег, по правую — бесконечный простор океана. Все это Конан успел заметить с первого же взгляда, не обходя вниманием и сам корабль.

Длинный и узкий, он был обычным торговым судном с южных побережий. У него была высокая корма, увенчанная деревянной надстройкой. Конан вновь взглянул туда, откуда доносился тяжелый, напоминавший ему молодость запах. Это был запах людей, прикованных к веслам. Сидело их человек по сорок с каждой стороны, по большей части, чернокожих. Охватывавшая каждого из них в поясе тяжелая цепь прикреплялась к железному кольцу, прочно вделанному в тяжелую деревянную балку, тянущуюся через все судно от кормы к носу. Жизнь раба на корабле Аргоса была бесконечной пыткой. Большинство прикованных к веслам были чернокожими невольниками из государства Куш, а примерно человек двадцать — тридцать походили, как отметил про себя Конан, заметив их острые черты лица, на местных жителей тех южных островов, где находилась вотчина черных корсаров. И тут он полностью вспомнил то, что произошло с ним за последнее время.

Он стоял, широко расставив ноги и зло стиснув тяжелые кулаки. Его неприязненный взгляд уперся в окружавшие его фигуры. Солдат, обливший его водой, все еще стоял с ведром в руках, и, встретив его ядовитый взгляд, киммериец потянулся было за мечом... но вдруг осознал, что стоит совершенно безоружный и обнаженный, если не считать коротких кожаных шорт.

— Что это за паршивые шутки? — прорычал он. — И как я здесь оказался?

Солдаты — все до одного крепкие бородатые аргосцы, весело рассмеялись, а один, в богатой накидке и с гордой осанкой, по-видимому, капитан, скрестил на груди руки и властным голосом произнес:

— Тебя нашли лежавшим на пляже. Кто-то треснул тебя по башке и раздел. Так как нам нужны люди, мы тебя подобрали.

— А как называется этот корабль? — вновь поинтересовался Конан.

— "Смелый" из Мессантии. Мы везем зеркала, шелковые плащи, щиты, золоченые шлемы и боевые мечи, чтобы обменять их в Шеме на медь и золотую руду. Меня зовут Деметрио, и я — капитан этого судна, и с этой минуты твой господин.

— ...Но это, в конце концов, направление, которое мне подходит, — пробормотал киммериец, не обратив внимания на последние слова капитана. Они плыли на юг вдоль длинного побережья Аргоса. Подобные корабли, как он знал, нигде не останавливались в пути. А где-то впереди, как можно было догадываться, сейчас шла в ту же сторону черная стигийская галера.

— Вы, наверное, видели черную галеру из Стигии... — начал он, но капитан гневно ощетинился, — его перестали волновать проблемы стоявшего перед ним оборванца.

— А ну, за дело! — зарычал он. — Я и так дал тебе достаточно времени. Мы оказали тебе помощь, отливая водой на мостике, и дали ответы на твои дурацкие вопросы. Убирайся! Иди вон к той лавке...

— Я куплю твой корабль... — произнес Конан, но тут же осознал, что он — бродяга без гроша за душой. Громкий взрыв хохота заглушил его слова, а капитан побагровел. — Ты, строптивая свинья! — заорал он, делая шаг вперед и хватаясь за нож. — За работу, или я прикажу выпороть тебя! Придержи язык, а то, клянусь богом, сразу окажешься у весел вместе с черномазыми!

Конан, вулканический темперамент которого и в обычных условиях недолго позволявший ему оставаться спокойным, сразу же взорвался:

— Не повышай на меня голос, грязное отродье! — заревел он, как порыв штормового ветра, отчего ошеломленные солдаты оборвали свой смех. — А не то я накормлю тобой рыб!

— Да за кого ты себя держишь!? — закричал капитан.

— Сейчас увидишь! — пообещал ему взбесившийся Конан и бросился к большому деревянному щиту, на котором висело оружие.

Капитан метнулся к нему, выхватывая нож, но прежде, чем он успел нанести удар, запястье его попало в железные тиски пальцев Конана, и рука была выдернута из сустава. Он заревел, как раненый бык, и, отброшенный мощным ударом, повалился на настил. Конан, не теряя времени, сорвал со щита боевой топор и обернулся к приближавшимся солдатам. Они бросились на него, словно волки, высунув языки, но движенья их были неловки и медлительны по сравнению с тигриной быстротой киммерийца. И, не успели они напасть на него со своими ножами и кинжалами, он ворвался в их гущу и стал наносить налево и направо молниеносные удары. Двое сразу же упали, заливая кровью и забрызгивая мозгом из разбитых голов грязный настил.

Стальные клинки рассекали пустое пространство, а Конан, пробившись через строй неприятеля, вскочил на парапет, отделявший капитанский мостик от сидящих внизу гребцов. Несколько солдат, пораженных смертью своих товарищей, остались неподвижно стоять на мостике, но еще человек тридцать погнались за киммерийцем с оружием в руках.

Черные лица обернулись к застывшей над ними с поднятым топором и разметавшейся львиной черной гривой фигуре.

— Откуда вы!? — прорычал он. — Смотрите, псы! Аранга, Ясунга, Ларанга, смотрите! Узнаете меня?

И снизу стал нарастать шум, неожиданно перешедший в мощный рев:

— Амра! Это же Амра! Лев вернулся!

Солдаты, услышав этот крик и разобрав его смысл, остановились и побледнели, с ужасом глядя на возвышающуюся над ними дикую фигуру. Неужели это был он, кровавый оборотень южных морей, что так таинственно исчез много лет назад, продолжая жить в кровавых легендах?

Пена безумия покрыла губы чернокожих гребцов, схватившихся за цепи и, как молитву, произносящих имя Амры. Даже люди из Куша, до этого никогда не видевшие Конана, поддержали этот грозный крик. Невольники в кормовой надстройке тоже начали биться в стены, словно охваченные общим безумием.

Ошалевший от боли Деметрио, приподнявшись и опершись на здоровую руку, заорал не своим голосом:

— Вперед! Убейте его, пока черномазые не успели освободиться!

Приведенные в себя его словами, — наибольшей опасностью для гребных галер, солдаты бросились на своего врага со всех сторон. Но он прыжком очутился внизу, среди лавок.

— Смерть им! — загремел он, и топор его взметнулся, чтобы опуститься на железную цепь и перерубить ее, как гнилую веревку. Через секунду невольник уже был свободен и лихорадочно ломал весло на увесистую дубину. Солдаты в панике бегали по мостику, а на палубе "Смелого" началась свалка и хаос. Топор Конана безостановочно поднимался и опускался, и каждый его удар освобождал покрытого пеной и вопящего атлета, опьяненного ненавистью, свободой и жаждой мести.

Солдаты, прыгнувшие вниз, чтобы схватить или убить обнаженного белого гиганта, который, как ошалелый, рубил цепи, были сбиты с ног еще не освобожденными гребцами, чьи получившие волю товарищи, как слепой черный шквал, вырвались наверх и с дьявольским воодушевлением, под звон порванных цепей, дрались сломанными веслами и железными палками, рвали противника зубами и ногтями. И в замешательстве схватки солдаты даже не заметили, что за их спинами вдребезги разлетелась стена кормовой надстройки и оттуда вырвалась наружу еще одна группа невольников.

Освободив человек шестьдесят, Конан перестал рубить цепи и поспешил помочь ударами зазубренного топора дубинам своих новых товарищей.

И это была уже бойня. Даже крепкие и неустрашимые, как и весь их народ, закаленные морскими ветрами аргосцы не могли противостоять обезумевшей черной орде, ведомой в бой ужасным варваром. Удары плетей, унижения и издевательства теперь вылились в один кошмарный приступ ярости, что, как ураган, пронесся с кормы до носа. А когда он утих, в живых на палубе "Смелого" остался лишь один белый человек — забрызганный кровью гигант, вокруг которого в неопишуемой безумной радости скакали и прыгали чернокожие. Со слезами на глазах они опускались на окровавленный настил и в экстазе бились головами о доски, восхищаясь своим освободителем.

— Амра! Амра! — орали они. — Лев вернулся! Теперь-то завоюют от страха проклятые стигийцы и черные псы Куша! Вновь запыхают прибрежные селения и пойдут на дно их поганые корабли! И вновь у нас будут женщины и вино!

— А ну-ка, замолчите, мерзавцы! — довольным тоном зарычал Конан. — Десяток — вниз, освободить остальных! Другие — к парусам, рулю и веслам. Тысяча чертей! Вы что — не видите, что нас снесло к берегу, пока шла драка? Или вы снова хотите попасть в лапы своих господ, сев на мель у самого берега? Трупы выбросить за борт! За работу, если вам дороги ваши головы!

С криками, воплями и радостью чернокожие бросились исполнять его приказания. Тела убитых — и белых, и черных, были выброшены за борт, где сразу же собрались косяки рыб.

Конан стал на мостике, хмуро оглядывая своих новых подчиненных, что преданно и восхищенно смотрели в его сторону. Он скрестил на груди руки, а ветер разметал его длинные черные волосы. Никогда еще на этом мостике не стояла фигура более дикая и варварская, и немногие из придворных Аквилонии узнали бы сейчас своего короля в этом суровом корсаре.

— В грузовых трюмах есть еда! — загремел над палубой его голос. — И достаточно оружия, предназначавшегося для торговли. Нас хватит, чтобы управлять судном и сражаться! Что вы выбираете: быть цепными гребцами псов Аргоса или вольными людьми Амры?

— Эгей! — заорали они. — Мы дети твои! Веди нас, куда захочешь!

— Тогда — за работу! И очистите лавки! Вольные люди не работают в таком дерьме. Трое — ко мне, пойдете за пищей. Хоть зубами поработаете, пока наш рейс не кончился!

Ответом ему был страшный восторженный рев, и голодные чернокожие охотно побежали выполнять указание. Ветер налетел с новой силой, расправив парус, и корабль поплыл в открытое море, раздвигая носом пляшущие волны.

Конан твердо встал на широко расставленных ногах и расправил могучие плечи. Может, он

и не имел больше короны Аквилонии, но был теперь королем безбрежных океанских просторов.

Глава XVI

"Тени черных стен"

"Смелый", веслами которого теперь правили вольные руки, на полном ходу летел к югу. Из невинного купеческого судна он превратился в военную галеру, насколько это было возможно. Гребцы теперь сидели за веслами с мечами на поясах и с золочеными шлемами на кудрявых головах. Вдоль бортов стояли щиты, а связки стрел, луков и дротиков висели на мачте. Даже природа теперь, казалось, помогала Конану — день за днем сильный бриз наполнял парус, и не было необходимости в веслах.

Но несмотря на то, что впередсмотрящий и день и ночь оглядывал горизонт из своей бочки на верхушке мачты, длинной черной галеры нигде видно не было. И сутки за сутками нигде не было видно ничего, кроме пенных волн, разрезаемых носом корабля и теряющихся вдаль, как стая потревоженных птиц. Торговый сезон подходил к концу, и теперь редко кто выходил в море, кроме рыбаков.

Неожиданно показался парус, но только не с той стороны, где его ожидали. У самой линии горизонта, но в сторону, противоположную выбранной Конаном, показалось идущее под всеми парусами судно. Команда умоляла Конана, чтобы он развернулся и захватил этот корабль, но он лишь упрямо покачал головой, — где-то на юге к портам Стигии уходила черная галера.

И упорство его было вознаграждено: тем же вечером, уже перед наступлением темноты, впередсмотрящий заметил ее, а потом увидел тот же силуэт и на утро. Было ясно, что быстро ее настичь не удастся, но не придавал этому особого значения. И каждый день, приближавший их к берегам Стигии, наполнял его душу жгучим нетерпением. Догадки его подтверждались. И в том, что Сердце Аримана украл жрец Сета, он уже нисколько не сомневался, точно так же, как и в том, что утром солнце обязательно должно взойти. А куда еще, кроме Стигии, мог направляться этот жрец? Чернокожим передавалось его нетерпение, и они старались грести еще быстрее, чем даже под плетью надсмотрщиков. Они ждали кровавых грабежей и пока были вполне довольны. Люди далеких южных островов не знали другой работы, и даже выходцы из Куша были не прочь пограбить своих богатых соотечественников. Узы крови значили для них немного, гораздо больше — тугой кошелек и жажда поживы.

Вскоре характер линии берега стал меняться. Обрывистые скалы кончились, а с ними и неясные вершины далеких нагорий. Низкое побережье открывало взору обширные равнины, исчезающие в голубой дымке. Здесь было мало бухт, и еще меньше портов, но белели в лучах солнца раскиданные по всей равнине стены аккуратных городков Шема.

В степях пасся скот и ездили небольшие группы крепких, плечистых всадников. У них были широкие бледно-серые бороды и тяжелые луки. Таким было побережье Шема, где каждый город-государство устанавливал свои собственные законы. Дальше к востоку, как знал Конан, степи уступали место пустыням, населенным лишь дикими племенами кочевников.

По мере того, как плавание их продолжалось, монотонная панорама застроенной городками и замками равнины, наконец, начала меняться. Появились кроны тамариска и пальмовые рощи. За ними был виден зеленый ковер деревьев и кустарника, а еще дальше — горы и пески пустынь. Здесь в море впадала река, берега которой покрывала буйная растительность.

Миновав устье этой широкой реки, они разглядели на южном горизонте возвышавшиеся над побережьем черные стены и башни какого-то города.

Река эта называлась Стикс, и по ней проходила граница Стигии, а городом был Кеми —

известнейший порт этой страны и в настоящее время крупнейший ее город. Король Стигии жил в столичном городе Луксуре, а Кеми был столицей жрецов, хотя и поговаривали, что настоящим центром их мрачной религии был расположенный на берегу Стикса, но в глубине континента старый заброшенный город. Стикс, берущий свое начало где-то в неизведанных краях далекого юга, сначала гнал свои воды тысячи миль на север, чтобы потом свернуть к западу и через несколько сотен миль влиться в океан.

С погашенными огнями "Смелый" под покровом ночи прошел мимо порта и, прежде, чем его застал рассвет, остановился на стоянку в небольшой бухте в нескольких милях от города. Бухту окружали густые мангровые заросли, оплетенные лианами, где кишмя кишели крокодилы и змеи. Обнаружить здесь их корабль было практически невозможно. Конану это было известно еще с тех пор, когда он искал здесь укрытия, будучи корсаром.

Проходя в ночной тишине мимо ни о чем не подозревавшего города, мощные бастионы которого поднимались прямо у входа в порт, экипаж "Смелого" мог различить огни факелов и низкое гудение бубнов. Здесь не стояло столько кораблей, сколько в портах Аргоса. Силу свою и славу стигийцы видели не во флоте. Они имели, как это хорошо было известно, некоторое количество купеческих и военных судов, но количество это было совершенно непропорционально сухопутной мощи этого государства. Большинство их кораблей плавало по рекам, а не вдоль морских побережий.

Жители Стигии были народом древним, темным, загадочным, но твердым и безжалостным. В древности владения Стигии простиралось далеко на север от Стикса — за степи Шема, и почти до самых нагорий теперешних Кофа и Офира, и тогда Стигия граничила с самим Ахероном. Но Ахерон пал, и дикие предки всех этих новых государств, одетые в волчьи шкуры и рогатые шлемы, победоносно двинулись на юг, вытесняя исконных хозяев этих земель. Стигийцы до сих пор не забыли этого.

Целый день стоял "Смелый" на якоре под прикрытием деревьев, по ветвям которых скакали пестро раскрашенные птицы с громкими пронзительными голосами и ползали быстрые безмолвные змеи. А перед заходом солнца наблюдатели сообщили, что заметили неподалеку плывущую вдоль побережья лодку. Это было именно то, что подошло бы Конану для его плана: стигийский рыбак в плоскодонном челне.

По приказу Конана этого человека быстро доставили на борт "Смелого". Это был высокий, седой, загорелый мужчина с побледневшим от страха лицом. Он уже понял, что схвачен промышлявшей у этого побережья бандой кровопийц, и ожидал наихудшего. Единственной его одеждой была шерстяная набедренная повязка, да в лодке лежал широкий плащ, в который обычно кутаются рыбаки, пережидая ночную прохладу.

Задрожав, мужчина упал перед Конаном на колени в ожидании пыток и смерти.

— Встань на ноги и перестань трястись! — нетерпеливо произнес киммериец, редко понимавший слепой страх. — Никто здесь не сделает тебе ничего плохого. Но скажи мне вот что: не возвратилась ли сюда из Аргоса вчера черная быстрая галера, и не заходила ли она в здешний порт?

— Да, господин! — ответил рыбак. — Не далее, чем вчера на рассвете вернулся из далекого плавания на север жрец Тутотмес. Говорят, что он был в Мессантии.

— И что же он оттуда привез?

— Я этого не знаю, господин.

— А зачем он плавал в Мессантию? — не отступал Конан.

— И этого я, господин мой, не знаю. Кто я такой? — простолюдин. Откуда мне знать замыслы жрецов Сета? Я могу рассказать лишь то, что сам видел или слышал в порту. Поговаривали, что ему пришла с севера весть чрезвычайной важности, но вот о чем — никто не

знает... Хотя известно то, что Тутотмес после ее получения в огромной спешке снарядил свою галеру и вышел в море. А вот теперь он вернулся, но что привез и что делал в Аргосе, не знает никто, кроме его помощников. Люди рассказывают, что он бросил вызов самому Тот-Амону, верховному жрецу Сета, живущему в Луксуре, и теперь ищет силы, способные одолеть Великого. Но кто я такой, чтобы знать об этом точно? Когда жрецы воюют между собой, обычный смертный может лишь вжаться в землю и надеяться, что беда минует его.

Философские рассуждения рыбака заставили Конана поморщиться, а потом он обернулся к своим людям:

— Мне в одиночку нужно сходить в Кеми: я должен найти этого мерзавца Тутотмеса. А этого человека содержите как пленника, но зла ему не причиняйте. Тысяча чертей! Перестаньте выть! Вы что — думаете, что мы можем войти в порт открыто и захватить город штурмом? Я должен идти туда сам.

Отклонив все протесты, Конан скинул свою одежду, чтобы облачиться в скромное одеяние рыбака: сандалии и узкий ремешок на волосы. Из оружия он выбрал лишь короткий нож. Простонародье Стигии не имело права носить оружие, а рыбацкий плащ не был столь широк, чтобы скрыть огромный двуручный меч киммерийца. Нож он привязал к поясу. Это был добротный охотничий клинок, выменянный, по-видимому, у одного из племен, населяющих пустыню к югу от Стигии, — с широким, тяжелым и плавно загибающимся лезвием из отличной стали, острым, как бритва, и достаточно длинным, чтобы убить человека.

И после этого, оставив пленника под охраной пиратов, он соскочил в лодку.

— Ждите меня до рассвета, — велел он. Если я к этому времени не вернусь, значит не вернусь совсем. Тогда поднимайте якорь и уходите на юг, к вашим родным краям.

Вслед ему раздались жалобные крики, и ему пришлось вновь высунуть из-за борта голову и с проклятиями приказать им замолчать. Он уселся на дно лодки и, взявшись за весла, погнал ее по волнам так быстро, как этого, наверное, никогда не смог бы сделать настоящий владелец этой утлой посуды.

Глава XVII

"Осквернитель веры"

Порт Кеми лежал между двумя протяженными, далеко входящими в море мысами. Конан обогнул южный причал, над которым нависали огромные черные башни крепостей, мрачно вглядывающиеся вдаль черными пустыми глазницами амбразур и бойниц, и уже в сумерках, когда света было еще достаточно, чтобы береговые наблюдатели распознали рыбацкую лодку и плащ, но уже не настолько, чтобы заподозрить вражескую хитрость, стал грести к берегу. Никем не окликаемый, он миновал ряд черных военных галер, что стояли у причала затемненные и тихие, и подплыл к опускающимся к воде широким каменным ступеням и, подобно многим другим рыбакам, привязал свою лодку к вмурованному в камень железному кольцу у самой воды. Здесь никто не приковывал лодки цепями, и в этом не было ничего необычного — только рыбаков могли быть такие убогие челны, а такие люди друг у друга ничего не крали.

Поднявшись по длинной каменной лестнице, аккуратно обходя тут и там горевшие костры, чтобы избежать при их свете любопытные взгляды, он осмотрелся. Он выглядел, как обычный рыбак, вернувшийся с неудачного лова у побережья с пустыми руками. Но, если бы кто-нибудь присмотрелся к нему повнимательнее, он, вероятно, удивился бы, заметив, что походка у этого "рыбака" все-таки нездешняя. Но он шел быстро, а простонародье Стигии, в большинстве своем, не было склонно к бессмысленным раздумьям, в отличие от жителей менее экзотических стран.

Завернувшийся в плащ киммериец почти не отличался от представителей военной касты стигийцев, тоже высоких и мускулистых людей. Опаленный морским солнцем, он был чуть менее смуглым, чем они. К тому же сходство с ними придавала ему его черная, перехваченная над самыми бровями узким ремешком, длинная грива. Но вот отличала его от местных жителей иноземная походка, черты лица и светлые глаза.

Но на плечах его висел длинный плащ, и, кроме того, там, где это было возможно, он старался придерживаться тени и отворачивался от проходивших мимо прохожих.

Это была рискованная игра, и он знал, что долго оставаться неузнанным ему не удастся. Кеми не был северным портом, где в любое время можно встретить представителей самых разных рас. Единственными иноземцами здесь были чернокожие невольники, а киммериец напоминал их еще меньше, чем самих стигийцев. Чужестранцы не были в городах Стигии желанными гостями: здесь принимались только торговцы и получившие лицензии купцы, да и тем не позволялось ступать на эту землю после наступления темноты. А сейчас, к тому же, ни один иностранный корабль не стоял в порту. Какая-то атмосфера опасности окружала этот город, полный древних амбиций, но причина этой опасности была неясной. Конан чувствовал вокруг себя какое-то напряжение, о котором ему говорили его обострившиеся инстинкты.

Если его опознают, участь его будет ужасна. Как чужеземца его бы просто убили, но опознанный, как Амра, корсар, опустошавший это побережье огнем и мечом... — по плечам его пробежала невольная дрожь. Обычных смертных он не страшился. Но это был край мрачной магии и безымянной угрозы. И, как он слышал, в темных святилищах этого города, где происходили страшные и непонятные ритуалы, скрывался старый и древний род огромных змей, вывезенных когда-то из северных земель.

Он уже достаточно отдалился от берега и углубился в длинные и мрачные улицы центральной части города. Здесь не было такого привычного для городов севера блеска уличных фонарей, под которым обычно со смехом прогуливались ярко одетые прохожие, поглядывая на

выставленные в лавках и магазинчиках многочисленные товары.

Лавки в Кеми закрывались с наступлением сумерек, и единственным освещением улиц было коптящее пламя факелов, стоящих друг от друга на достаточно большом расстоянии. Прохожих было мало — и с течением времени становилось все меньше и меньше. Они поспешно проходили мимо с плотно сжатыми губами. Мрачным и неприветливым представлялся Конану этот город — молчаливые люди, их поспешная походка, мощные каменные стены по обеим сторонам улиц. Была в архитектуре Стигии какая-то устрашающая величественность — угнетающая и подавляющая.

Где-то на крышах домов мерцали огоньки свечей. Конан знал, что большинство местных жителей спят ночью прямо под открытым небом, среди пальм, растущих во внутренних садах. Откуда-то доносились негромкие звуки незатейливой музыки. Мимо по брусчатке прогрохотала повозка, в которой мелькнула фигура ее высокого седока с орлиными чертами лица, завернувшегося в шерстяной плащ, чьи волосы украшал золотой обруч, покрытый изображениями змей. Горячими и дикими лошадьми, запряженными в повозку, резкими движениями ног управлял полуобнаженный возница.

Пешком по улицам ходили лишь бедняки, торговцы, лодочники и работники, но таких в этом месте было мало. Конан приближался к святилищам Сета, где он надеялся найти нужного ему жреца. Он полагал, что сумеет узнать Тутотмеса, хотя и видел-то его всего одно мгновение в полумраке мессантийской аллеи. В том, что убийцей Белосо был этот самый жрец, он давно не сомневался. Только служители культа самой высшей касты Черного Круга владели тайной Черной Руки, приносившей смерть одним лишь прикосновением, и только они осмелились бы выступить против Тот-Амона, который для всего запада был ужасным мифом.

Улица стала шире, и Конан догадался, что приближается к священному месту города. Огромные здания — странные, необъяснимо грозные в мерцающем свете факелов, возносили к бледным звездам свои черные громады. И вдруг где-то впереди, по другой стороне улицы, раздался истерический женский крик. Обнаженная куртизанка, с вплетенным в ее волосы гребнем из птичьих перьев, обозначающим ее профессию, прижалась к темной стене здания и с ужасом глядела на что-то, что Конан пока не видел. Услышав ее крики, на голос ее обернулась еще какая-то пара запоздалых прохожих, тоже застывших в оцепенении: в сумерках можно было различить, что по мостовой что-то ползет. Из-за угла, волна за волной, выползало чешуйчатое, темное тело, увенчанное отвратительной треугольной головой.

Конан вздрогнул — на память ему пришел слышанный от кого-то рассказ: змеи в Стигии были священными животными, поскольку бог Сет, как утверждалось, и сам был похож на змею. Эти твари жили в темноте святилищ и, когда становились голодными, им позволялось выползать на городские улицы, где они могли сожрать любого понравившегося им прохожего. Их ужасное пиршество считалось кровавым жертвоприношением кровожадному богу. Мужчины и женщины, которые сейчас находились в поле зрения Конана, падали на колени и покорно ожидали свою судьбу. Тот, кого выбирала огромная змея, раздавливался в кровавую кашу и пожирался, как мышь. Остальные оставались жить. Такова была воля богов.

Но это не была воля Конана. А питон уже полз в его сторону, скорее всего, обратив на него внимание потому, что он теперь был единственным, кто на этой улице не встал на колени. Сжав под плащом рукоять ножа, киммериец надеялся, что скользкая тварь все же минует его, но тот продолжал неумолимо приближаться: раздвоенный язык высывался и вновь прятался, а глаза светились извечной холодной жестокостью змеиного рода. Он уже поднял изогнутую шею и угрожающе раскрыл пасть... когда молниеносный удар ножа рассек его треугольную голову и утонул в шее.

Конан выдернул клинок и отскочил в сторону, чтобы не попасть под удары огромного

агонизирующего тела. И, пока он, как завороченный, следил за этим, на улице наступила неестественная изумленная тишина, нарушаемая лишь шипением и звуками агонии.

А потом шокированные этой картиной прихожане Сета заорали:

— Богохульник! Он убил святого сына нашего бога! Смерть ему! Смерть! Смерть!

В воздухе засвистели камни, а охваченные истерическим возбуждением и ненавистью стигийцы бросились в сторону Конана. Из раскрывшихся дверей домов выскочили другие и тоже подняли крик. Выругавшись, киммериец развернулся и стремглав рванулся к черным воротам какой-то незнакомой аллеи. Не разбирая дороги, он мчался вперед, слыша за спиной топот босых ног и отдающиеся эхом призывы к святой мести. Подбежав к воротам, он быстро нащупал засов и отбросил его в сторону, после чего, не теряя времени, метнулся в темноту. По обеим сторонам узкой аллеи тянулись грубые каменные стены, а высоко над головой мерцали безучастные звезды. Эти гигантские стены были, как он догадывался, стенами святилищ. Он услышал, что преследователи, увлеченные погоней, миновали малозаметный вход в скрывающую его аллею, и их крики стихли в отдалении. Они прозевали его маневр и побежали в темноту. Поразмыслив, он решил идти вперед, хотя мысль о возможной встрече в темноте с другими "святыми сыновьями бога" приводила его в дрожь.

Неожиданно где-то впереди появился движущийся ему навстречу огонек. Конан прижался к стене и сжал рукоять ножа. Через несколько мгновений стало ясно, что это: навстречу ему шел человек с факелом. Вскоре уже можно было различить силуэт темной ладони, сжимавшей факел, и едва видимый овал лица. Еще несколько шагов — и незнакомец заметит прячущегося в темноте человека... Конан сжался, как готовый к прыжку тигр... и вдруг приближавшийся остановился. Свет факела вырвал из темноты контуры дверей, перед которыми и остановился стигиец. А тот уже отворил створки и ступил внутрь. Свет исчез, и темнота вновь окутала все вокруг. Эта фигура, как инстинктивно ощутил Конан, таила в себе неосознанную враждебность — может быть, это был жрец, возвращавшийся с очередного богослужения?

Король Аквилонии осторожно подобрался к дверям. Уж коли один человек прошел здесь, могли появиться и другие. Возвращаться же туда, откуда он только что пришел, значило рисковать вновь встретиться с разыскивающей его толпой. В любое мгновение она может вернуться и обнаружить эту аллею. Он чувствовал себя беззащитным перед этими мрачными стенами и решил бежать, даже если это бегство будет означать проникновение в чужое здание.

Тяжелые двери не были заперты и открылись от толчка рукой. Быстрый осмотр показал, что за дверями находится большая квадратная прихожая, выложенная из блоков черного камня. В нише горел факел, и комната эта была пуста. Конан переступил через порог и быстро прикрыл за собой двери.

Сандалии на его ногах не издавали ни звука, и он без опасений прокрался по мраморному полу к видневшимся в противоположной стене дверям из тикового дерева. За ними был широкий мрачный зал, освещаемый откуда-то сверху тусклым светом софитов, в стенах которого угадывались ряды высоких сводчатых дверей. Бронзовые лампы давали очень мало света, но все-таки в противоположном конце зала можно было разглядеть широкие, похожие на балюстраду, ступени из черного мрамора, самые высокие из которых терялись где-то в темноте и по обеим сторонам которых на манер глазниц тянулись входы окутанных мраком галерей.

По спине беглеца пробежала дрожь: он находился в святилище неизвестного стигийского божества, — если не самого Сета, то все равно, не менее страшного. И слава богу, что пока не было видно никого из хозяев. Посреди огромного зала возвышался черный каменный алтарь, грубый и неэстетичный, а на нем, поблескивая в тусклом свете чешуей, лежала свернувшаяся в кольца змея. Она не двигалась, и Конан припомнил рассказ, что здешние жрецы часто усыпляют своих подопечных. Киммериец сделал было несколько осторожных шагов, но неожиданно

отступил в сторону и скрылся в прикрытой шелковой портьерой нише, услышав где-то поблизости тихие шаги.

В одном из проходов со сводчатым потолком появилась фигура высокого, хорошо сложенного человека в шерстяной тунике, сандалиях и свисающем с плеч широком белом плаще. Голову и лицо его скрывала большая маска, сочетающая в себе черты человека и чудовища, а на верхушке колыхался пучок страусиных перьев. Было известно, что некоторые свои церемонии жрецы проводили в масках.

Конан надеялся, что его присутствие не будет обнаружено, но что-то предостерегло стигийца — он свернул с дороги и направился прямо к нише, где спрятался беглец. Но едва он откинул портьеру, горло его мгновенно сжала сильная рука и, не успев даже вскрикнуть, он был втянут в темноту, где уже наготове ждал его нож.

Теперь следующий шаг стал для Конана очевиден. Он снял с убитого страшную маску и натянул ее на свою голову. Спрятанное в нише тело он прикрыл рыбацким плащом, а белую накидку жреца набросил себе на плечи. Судьба вновь поворачивалась к нему лицом — быть может, весь Кеми уже мечется в поисках богохульника, осмелившегося поднять оружие на священное животное, но кому придет в голову искать его под маской жреца?

Он смело вышел из алькова и направился к первым выбранным из всего ряда высоким сводчатым дверям, однако не успел пройти еще и полдюжины шагов, как вновь остановился, каждой частицей своего тела ощущая приближающуюся грозную опасность.

Через несколько мгновений причина его тревоги стала ясна: на самых верхних ступенях лестницы показалась странная процессия. Ее составляли люди, одетые совершенно так же, как и он. Он заколебался, но остался неподвижно стоять, надеясь на свою новую маскировку, хотя на лбу и на ладонях у него выступил холодный пот. Никто не произносил ни единого слова, и фигуры в масках, словно привидения, спустились в зал. Миновав неподвижно стоявшего киммерийца, они проследовали к черным дверям в противоположном конце святилища. Предводитель их держал в руках посох из черного дерева, увенчанный оскаленным серебряным черепом, и Конану стало ясно, что он является свидетелем одной из ритуальных, непонятных для непосвященного чужеземца процессий, игравших очень важную, а зачастую и зловещую роль в религиозных обрядах Стигии. Неожиданно последний участник шествия слегка обернулся к киммерийцу и слегка качнул головой в маске, словно приглашая его следовать за ними. Тот подумал было, что чем-то навлек на себя подозрения, но, приспособив свой шаг к мерной поступи процессии, замкнул ее строй.

Теперь они шли длинным, мрачным коридором со сводчатым потолком, освещаемым лишь, как он с дрожью отметил про себя, фосфоресцирующим сиянием неожиданно засветившегося черепа на посохе предводителя процессии. Конан едва сдержал приступ животного страха и желание выхватить нож, чтобы начать разить справа и слева обступившие его страшные фигуры и бежать, спасая свою голову, прочь из ужасного святилища. Но ему удалось взять себя в руки, в предчувствии чего-то важного, и Конан продолжил идти за демоническими привидениями, которыми казались ему его спутники, и вышел вслед за ними через предусмотрительно распахнутые перед ними служками широкие двустворчатые двери.

Над ними было усыпанное звездами ночное небо. Конан вновь заколебался — не попытаться ли бежать, скрывшись в какой-нибудь очередной темной аллее, но, как и в прошлый раз, не он решил и остался в хвосте процессии, двигавшейся теперь по темной неосвещенной улице. При виде их белых балахонов встречные прохожие резко разворачивались и бежали прочь, и на него, несомненно, обратили бы внимание, если бы он свернул куда-нибудь. И пока он соображал, что же ему делать, колонна жрецов минула низкие городские ворота и покинула пределы мрачного Кеми. По обеим сторонам показались низкие мазанки с плоскими крышами и

плохо различимые в тусклом свете звезд пальмовые рощи. Вот оно — лучшее время для бегства!

И вдруг, словно по мановению руки, вся компания жрецов прервала молчание и стала оживленно переговариваться. Оставив мерный ритуальный шаг, предводитель процессии подхватил свой посох с набалдашником под мышку, и повел смешавшуюся группу жрецов дальше. И Конан последовал за ними, ибо слух его уловил из тихого бормотанья спутников одно слово, круто изменившее все его решения.

И слово это было: "Тутотмес"!

Глава XVIII

"И не узнаешь смерти..."

С внезапно обострившимся вниманием Конан стал вглядываться в своих спутников, лица которых были скрыты масками. Либо один из них был Тутотмесом, либо цель всей этой церемонии заключалась во встрече с этим жрецом — это он уловил четко. И тут он понял, куда они направлялись, разглядев за пальмами черный силуэт высокой пирамиды, четко вырисовывавшийся на фоне ночного неба.

Мазанки и рощи остались позади, и, если жрецов кто и заметил, то не подал вида, чтобы случайно не навлечь на себя опасность. За спиной остались и башни Кеми, нависшие над отражающей звезды водой. Впереди расстилалась окутанная ночным мраком пустыня. Где-то неподалеку таявал шакал, и это был единственный звук во всех спящих окрестностях, так как сандалии поспешно ступающих жрецов не издавали по песку ни единого шороха. Служители культа казались бесплотными духами, плывущими к вырастающей из темноты огромной пирамиде.

Один лишь вид ее заставлял сердце Конана биться быстрее, а нетерпение, охватившее его от осознания близкой встречи с Тутотмесом, совершенно заглушило страх перед неизвестным. Ни один человек не смог бы остаться равнодушным при взгляде на эти черные громады. Само их название служило народам севера символом отвращения и ужаса, а легенды рассказывали, что они были построены еще задолго до стигийцев и поднимались к небу уже в те времена, когда в древние, забытые годы этот смуглый народ пришел, чтобы заселить земли у большой реки.

Когда процессия вплотную приблизилась к пирамиде, у ее подножия стало различимо тусклое сияние, при ближайшем рассмотрении оказавшееся светом небольших костров, разложенных у подножия больших каменных львов с женскими головами, служивших символом страха. Жрец, возглавлявший шествие, без промедления направился прямо к центральному portalу, в дверном проеме которого маячил размытый смутный силуэт.

На короткое мгновение задержавшись рядом с этой фигурой, жрец скрылся в глубине коридора, и спутники его один за другим последовали его примеру. Каждый из пересекающих мрачный портал жрецов в масках задерживался перед таинственным стражем, чтобы обменяться с ним парой слов, либо, возможно, жестов, которые Конану никак не удавалось уловить. Поэтому киммериец немного задержался и, наклонившись, сделал вид, что занялся ремешком своих сандалий. Дождавшись, когда последний из жрецов скрылся за дверью, он двинулся вперед.

Пытаясь припомнить что-нибудь из только что слышанных им слов, он с облегчением отметил, что охранник у входа — обычный человек, после чего все его колебания сразу улетучились. Тусклый бронзовый светильник, висевший в портале, освещал начало длинного узкого коридора, теряющегося во мраке, и стоящую у его входа высокую безмолвную фигуру в черном плаще. Больше никого не было — все жрецы уже вошли внутрь.

По-видимому, складки плаща, заслонившие большую часть лица Конана, вызвали подозрение охранника, потому что он сделал левой рукой какой-то непонятный жест. Конан уже решил было, что это пароль, но тут же понял, что ошибся — правая рука стражника вылетела из-под плаща, и тускло сверкнула сталь. Удар был силен и молниеносен и, несомненно, пронзил бы сердце любого обычного человека.

Но тот, в кого он был направлен, обладал стремительностью дикого зверя. Матово

сверкнувший стилет еще не достиг цели, а Конан уже отбил руку противника левой ладонью и нанес правым кулаком мощный удар в голову нападавшему. Затылок несчастного ударился о стену, и глухой хруст сообщил о том, что череп его не выдержал.

Еще несколько мгновений киммериец стоял неподвижно, настороженно прислушиваясь. Но в темноте не было заметно никакого движения, и лишь только откуда-то снизу донеслось слабое, едва различимое звучание гонга.

На всякий случай он перетащил безжизненное тело в тень отворявшихся наружу дверей и поспешил вдоль по коридору, совершенно не представляя, куда тот может привести. Не успев сделать и нескольких десятков шагов, он очутился на распутье — проход разветвлялся надвое. Наудачу свернув налево, он пошел по плавно спускавшемуся куда-то вниз проходу со стертým за столетия каменным полом. Тут и там виднелись тусклые огоньки углых светильников. Можно было только гадать, в каком веке какой забытой эпохи было возведено это колоссальное здание. Оно было старым, очень старым. Никто не знал, сколько тысячелетий черные пирамиды Стигии молча вглядываются в звездное небо.

По обеим сторонам коридора стали попадаться низкие двери с полукруглым верхом, но Конан продолжал придерживаться главного направления, хотя у него и появилось уже чувство, что он выбрал неверный путь. Но, даже если и предположить, что жрецы его опередили, он уже должен был бы их настичь. Он начал нервничать. Ничто не нарушало тишины, но ему постоянно казалось, что здесь есть кто-то еще: уже не раз, минуя очередной дверной проем, он чувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. И, наконец, не выдержав, он остановился, решив возвращаться обратно, как вдруг резко обернулся назад, схватившись за нож и пытаясь сохранить контроль над натянутыми, как струна, нервами.

За спиной у него стояла, внимательно вглядываясь в его рослую фигуру, стройная девушка. Ее мраморная кожа указывала на то, что она происходит из какого-то древнего аристократического рода Стигии: она была высокого роста, с хорошей фигуркой, а на лбу ее, среди разметавшихся черных волос, горел большой алый рубин в золотой оправе. Кроме пары обшитых шелком сандалий и широкой, украшенной драгоценными камнями набедренной повязки, на ней ничего не было.

— Что ты здесь делаешь? — спокойно спросила она.

Раскрыть рот и ответить ей означало бы обнаружить свое иноземное происхождение. Поэтому Конан стоял безмолвно — устрашающий суровый силуэт в омерзительной маске с кольшущимися перьями. А глаза его ощупывали мрак за ее плечами, но там никого не было видно, хотя могло случиться, что по ее зову сюда может сбежаться целая толпа воинов.

Она бесстрашно подошла ближе.

— А ведь ты не жрец, — произнесла она. — Ты воин, и это видно даже под плащом и маской. Между жрецом и тобой разница такая же, как между мужчиной и женщиной. О, господи! — вскрикнула она, широко раскрыв от изумления глаза. — Да ты ведь даже не из Стигии!

Быстрым движением он протянул к ней руки и слегка сжал ее хрупкую шею.

— А ну-ка тихо! — шепнул он. Ее гладкое белое тело было холодно, как мрамор, а во внимательных темных глазах не было заметно и тени страха.

— Не беспокойся, — спокойно сказала она. — Я тебя не выдам. Но ты безумец, если пришел в запретное для всех непосвященных святилище Сета!

— Я ищу жреца Тутотмеса, — ответил он. — Этот человек здесь?

— А зачем он тебе?

— Он украл у меня принадлежавшую мне вещь.

— Хорошо, я провожу тебя к нему, — заверила она с такой готовностью, что у него сразу же

появились подозрения.

— Ты лучше не играй со мной, девочка! — предупредил он.

— Я не шучу. Мне незачем выгораживать Тутотмеса.

Некоторое время поразмыслив, он, наконец, решился. В конце концов — теперь он был точно так же в ее воле, как и она в его.

— Ладно. Иди рядом, — согласился он, сжимая ее руку и отпуская горло. — Но смотри! Если сделаешь хоть один подозрительный шаг...

И она повела его вниз по коридору, все ниже и ниже. Вскоре светильники исчезли, и он скорее чувствовал, чем мог различить во мраке ее силуэт. А один раз, когда он обратился к ней, она повернула к нему лицо и он с изумлением заметил, что глаза ее светятся во тьме золотистым огнем. И вновь в душе его проснулась тревога, но отступить было поздно, и он продолжал следовать за ней по лабиринту темных ходов и коридоров, под конец утерев свое природное чувство направления. Он уже клял себя за то, что влез в эти темницы, но ничего не мог поделать. В один из моментов он ясно ощутил в темноте перед собой присутствие живого существа и исходящее от него резкое ощущение голода, и, если его не обманул слух, до него донеслось какое-то слабое движение, быстро стихшее в отдалении после едва различимого ответа девушки.

И вот, когда он уже совсем впал в отчаянье, они внезапно вошли в освещенную алым пламенем свечи небольшую комнату. Каким-то шестым чувством он определил, что место это находится глубоко под землей. Он осмотрелся. Комната эта со стенами, выложенными полированным черным мрамором, была почти квадратной и обставленной согласно обычной стигийской моде. А посреди комнаты стояло прикрытое черной шелковой накидкой ложе, неподалеку от которого возвышался на каменном основании расписанный барельефами саркофаг.

По всем четырем стенам комнаты располагались двери из черного дерева. Конан выжидающе поглядел на них и с удивлением отметил, что девушка не собирается никуда дальше идти. Томно распростершись на ложе, она закинула руки за голову и взглянула на своего гостя из-под длинных тяжелых ресниц.

— Ну и что? — раздраженно спросил он. — Куда ты меня привела? Где Тутотмес?

— Не спеши, — ответила она лениво. — Всему свое время... Что теперь значит час... день, год или даже столетие? Сними маску. Я хочу увидеть твоё лицо...

Усмехнувшись, Конан стянул тяжелую маску, и девушка с одобрением кивнула, окидывая горящим взглядом его скуластое, покрытое шрамами лицо.

— В тебе есть сила... огромная сила...

Все это совершенно перестало ему нравиться. Он положил ладонь на рукоять ножа и обошел комнату, с беспокойством заглядывая за портьеры, не переставая следить за хозяйкой этих апартаментов.

— Если ты заманила меня в ловушку, — угрожающе произнес он, — то долго не проживешь. А ну слезай с топчана и делай то, что обещала, а не то...

И вдруг он замолчал, поглядев на саркофаг, на инкрустированной слоновой костью крышке которого было вырезано изображение, поразительно жизненное и потому пугающее. И оно что-то до боли напоминало. И тут, словно в шоке, он понял, что это: перед ним был портрет лица девушки, что в небрежной позе лежала перед ним на ложе. Ее портрет! Но этого не могло быть — не было никаких сомнений, что этому саркофагу уже не менее, чем несколько сотен лет. На расписной крышке проступали архаичные иероглифы, и, покопавшись в своей богатой памяти, Конан перевел:

— Акиваша!

— Ты слышал о княжне Акиваше? — отозвалась девушка.

— А кто ж о ней не слышал? — иронично буркнул он. Имя этой дьявольской, но тем не менее прекрасной женщины ходило по всему свету в легендах и песнях, несмотря на то, что уже десять тысячелетий минуло с тех пор, когда жена правителя Стигии Тутхамона предавалась кровавым вампирским пиршествам в черных подземельях древнего Луксура.

— Единственным ее преступлением было то, что она очень любила жизнь и все, что та с собой несет, — произнесла задумчиво хозяйка комнаты. — И, чтобы сберечь себе жизнь, она сеяла смерть. Она не могла вынести мысли, что будет стариться, покрываться морщинами, слабеть и в конце концов умрет, как старая ведьма. Она служила Мраку любовницей, и он подарил ей за это жизнь, но не такую, что ведома обычным смертным: она с тех пор не могла ни постареть, ни умереть...

Еще несколько мгновений Конан молча буравил ее лицо своим пронзительным яростным взглядом, а потом резко обернулся и сорвал с саркофага крышку. Тот был пуст. Зато за спиной у него раздался взрыв смеха, от которого в жилах у него застыла кровь, а на голове зашевелились волосы.

— Значит, ты и есть Акиваша? — скрипнул он зубами. Она рассмеялась, тряхнув матово блестящими темными волосами и томно поведя плечами.

— Да, я и есть Акиваша! Я та, что никогда не познает старости и никогда не умрет! Та самая, что, как говорят глупцы, унесена богами на небо в расцвете молодости и красоты, чтобы стать королевой небесных садов! О, нет! Лишь Тьма может дать человеку бессмертие. И я умерла десять тысяч лет назад, чтобы обрести вечность. Поцелуй меня, мой милый!..

Она легко вскочила и подбежала к Конану, поднявшись на цыпочки, чтобы коснуться ладонями его головы. А он, словно замороженный, неподвижно смотрел на ее прекрасный стан, обнаженные плечи и руки, одновременно охваченный необычайным волнением и ледяным страхом.

— Стань моим! Полюби меня! — со стоном прошептала она, откидывая назад голову и полураскрыв губы. — Подари мне свою кровь, чтобы укрепить мою молодость и вернуть мне силы к вечной жизни. Я и тебя сделаю бессмертным! Я научу тебя мудрости всех минувших эпох, открою тебе секреты, что в темных безднах под этими святилищами пережили века. Ты станешь королем моего народа, живущего среди древних гробниц, окутанных вечной ночью. Я властвую уже над сотнями жрецов, чародеев и рабов, с криком прошедшими врата смерти. Но мне нужен настоящий мужчина. Стань моим, варвар!

Она опустила свою темную голову ему на грудь, и у самого основания шеи Конан неожиданно ощутил сильный укус. Отброшенная мощным толчком, Акиваша распростерлась на ложе.

— Чертова вампирша!

Из ранки на шее текла тонкая струйка крови. Разогнувшись, как пружина, она вновь поднялась с ложа и сделала в его сторону выпад, словно пытаясь удержать его. В ее огромных глазах пылали желтые огни. Полуоткрытые губы обнажали острые белые зубы.

— Глупец! — прошипела она. — Ты думаешь, что тебе удастся уйти от меня? Да нет же: ты останешься здесь и здесь же сдохнешь! Я завела тебя глубоко под святилище, и самому тебе никогда не найти дороги обратно. И не миновать тебе тех, кто стережет эти коридоры и тоннели. Если бы не я, "дети Сета" уже давно сожрали бы тебя! Глупец! Я еще напьюсь твоей крови!

— Держись подальше, а то костей не соберешь! — прохрипел Конан, еле сдерживая дрожь и отвращение. — Может, ты и действительно бессмертная, но сталь тебя одолеет.

И с этими словами он стал отступать к дверям, через которые они вошли сюда. Но не успел он сделать и двух шагов, как неожиданно наступила темнота. Пламя единственной свечи угасло, причем, как этослучилось, он не понял — Акиваша до нее не дотрагивалась. А из темноты

вновь донесся злой смех вампириши, отдающий вечным покоем адских гробниц. Обливаясь холодным потом, киммериец стал шарить по стене рукой в поисках двери и, нащупав какую-то, вырвался прочь, даже не задумавшись, та ли она. У него сейчас была лишь одна мысль: бежать подальше от этой страшной комнаты, что уже много столетий была домом прекрасной и отвратительной, живой и мертвой одновременно и, несомненно, дьявольской твари.

Бегство по черному извилистому тоннелю было настоящим кошмаром. Было слышно, что отовсюду — спереди, сзади и по бокам — кто-то ползет к нему, а временами еще доносилось эхо ужасного смеха, слышанного им в комнате Акиваши. Даже не вытирая струящийся по лицу пот, он наносил удары ножом на любой подозрительный звук, или туда, откуда, как ему казалось, кто-то движется. Изредка клинок попадал во что-то, что на ощупь казалось материей, но это могла быть и обычная паутина. И, наконец, беглеца охватило паническое предчувствие, что он попал в ловушку, откуда ему уже не выбраться и где с ним теперь расправятся клыки и когти невидимых демонов. И, кроме стальных тисков отчаянья, его преследовала еще мысль, обязанная своим происхождением открывшейся ему правде: легенда об Акиваше была очень старой, и, с ходом времени в зловещих рассказах о ней облик ее стал представляться очень идеалистично — как цветок вечной молодости. Для большей части мечтателей, поэтов и менестрелей она была не столько страшной княжной, сколько символом бессмертной красоты и юности, живущей вечно в заоблачной обители богов. Правда была куда страшнее. Источником вечной жизни оказался отвратительный грех. И это порождало жгучую боль разочарования и крушения идеалов юности: словно золото и цветы, так заманчиво зовущие издали, на деле оказались грязным болотом и свалкой. Теперь все его попытки стали казаться ему бессмысленными и бесполезными, и взамен появилось ощущение фальши всех человеческих взглядов на мир.

Теперь сомневаться не приходилось — его неуклонно настигали, и преследователи двигались в темноте гораздо быстрее его самого. За спиной раздавались шорохи, которые явно не могли быть изданы ни человеческими ногами, ни лапами обычных зверей. Осознав безвыходность своего положения, он решил обернуться и встретиться с невидимым им противником лицом к лицу. Но все отзвуки неожиданно стихли, а сам он, вновь повернувшись и продолжив свой путь, вдруг разглядел где-то в глубине длинного коридора, впереди, слабый отсвет.

Глава XIX

"В обители мертвых"

Конан стал осторожно продвигаться в направлении источника света, одновременно прислушиваясь, не раздастся ли за спиной шум погони. Но ничего не было слышно, хотя, как он чувствовал, тьма была полна жизни.

Источник света не стоял на месте — было видно, что он передвигается, нелепо и гротескно подпрыгивая. А потом, наконец, стала ясна причина этого. Тоннель, которым двигался Конан, в некотором отдалении пересекал более широкий коридор, по которому сейчас шла необычная процессия — четверо высоких худощавых мужчин в черных распахивающихся на ходу накидках с капюшонами. Все они опирались на длинные посохи, а предводитель их держал над головой факел, сиявший удивительно ровным светом. Как вереница привидений, они пересекли поле зрения киммерийца и вновь исчезли, оставив после себя лишь слабеющее по мере их удаления свечение. Облик их был достаточно удивителен — они не напоминали ни стигийцев, ни вообще кого-либо из других ранее виденных Конаном рас. Можно было даже усомниться — люди ли это: они производили впечатление духов, неслышно крадущихся по страшным извилистым коридорам.

Так как в положении, котором он сейчас оказался, выбирать было не из чего и, кроме того, при наступлении темноты за спиной его вновь возобновились шорохи, Конан стремглав побежал вперед, за таинственными незнакомцами. Он свернул в коридор, по которому они только что прошли, и заметил огонь, освещавший этой процессии дорогу. Следуя за ней на безопасном расстоянии и внимательно следя за действиями незнакомцев, он успел заметить, что их удивительные фигуры неожиданно остановились и сбились в кучу. Он тоже остановился и прижался к стене. А они теперь развернулись и пошли в обратном направлении, словно решив возвращаться по той же дороге. Ничего не оставалось делать, кроме как быстро свернуть в первый попавшийся темный проем какого-то хода и спрятаться там. Осторожно осмотревшись в ставшем уже привычным полумраке, король Аквилонии убедился, что ответвление это идет не прямо, а почти сразу же сворачивает круто в сторону. Поэтому, укрывшись за первым поворотом, где его не могли заметить таинственные преследователи, он стал ждать.

И вдруг у себя за спиной он услышал низкое гудение, напоминавшее шум множества человеческих голосов. Резко обернувшись и пройдя немного по направлению к источнику звука, он убедился, что его предположения оказались верными. Конан моментально отказался от первоначального плана бегства отсюда по следам необычной компании и решил идти на голоса, чтобы разобраться, что там происходит.

Миновав еще несколько поворотов, он, наконец, увидел рассеивающие темноту отблески света и вышел в широкую галерею, в противоположном конце которой в свете факелов были заметны широкие двери. По левой стене галереи куда-то вверх поднималась узкая лестница, на которую, послушавшись какого-то внутреннего голоса, и ступил Конан. Голоса доносились из-за этих самых дверей, и звуки их постепенно ослабевали по мере его восхождения вверх по ступеням. Одолев последние из них, киммериец увидел перед собой низкие двери, толкнув створки которых, он попал в огромный зал, освещенный каким-то необычным сиянием. Он стоял на узком балконе, нависшем над помещением огромных, колоссальных размеров. И неожиданно понял, где находится — ему приходилось слышать об этом месте в леденящих душу рассказах. Это была Обитель Мертвых, которую, кроме молчаливых жрецов Стигии, видели

очень немногие. Выдолбленные в черном камне ряды ниш заполняли фрески и расписные саркофаги. Ниши эти тянулись вдоль всех стен, и ряды их терялись где-то далеко во мраке, а самые верхние ярусы их исчезали высоко под потолком. Тысячи резных каменных масок спокойно и безучастно глядели вниз, где, незначительная и малочисленная по сравнению с присутствующей здесь армией мертвых, стояла жалкая кучка живых людей.

Десятеро из них были жрецами, в которых, несмотря на то, что они сняли маски, Конан узнал своих спутников похода к пирамиде. Они окружили высокого человека с орлиными чертами лица, что стоял у черного алтаря, на котором лежала мумия в истлевших бинтах. А сам алтарь, казалось, был залит живым огнем, что, пульсируя и мерцая, отбрасывал на камень рваные отблески. Это ослепительное сияние исходило от лежащего тут же, на алтаре, красного драгоценного камня и придавало лицам стоявших рядом жрецов трупную бледность. И, глядя вниз, Конан неожиданно ощутил на своих плечах груз пройденных им долгих миль пути, всех дней и ночей этого трудного похода, и стал раздумывать, в какой момент лучше напасть на мрачных жрецов, чтобы пробиться с помощью ударов ножа через их строй и завладеть камнем. Пальцы его нетерпеливо сжались в кулаки, но он сдержал себя и пока остался стоять в тени каменной балюстрады. Еще раз внимательно осмотревшись, он заметил, что вниз с балкона ведет еще одна лестница — она тесно прижималась к одной из стен зала и сейчас была скрыта тенью. Кроме того, он убедился, что здесь, в зале, нет больше никого из других служителей культа или верующих — только небольшая группа людей, окружившая алтарь.

В огромном пустом зале голос высокого жреца разносился громко и зловеще:

— ...и вот эта весть пришла к нам, на юг. О ней шептал ветер, о ней кричали с небес птицы, ее передавали друг другу ночные совы, змеи и нетопыри, населяющие древние развалины. Ее узнали оборотни и вампиры, и демоны мрака. Ночь черных бездн проснулась и потрянула своей тяжелой гривой, а на дне глубочайших пропастей, где царит вечная тьма, загудели бубны, и эхо далеких незнакомых криков испугало людей, идущих в ночи. Ибо Сердце Аримана вновь увидело свет, чтобы, наконец, выполнить свое предназначение.

Не спрашивайте меня, как я, Тутотмес из Кеми, новый Князь Ночи, сумел услышать эту новость раньше Тот-Амона, мнящего себя владыкой всех чернокнижников. Эти секреты не предназначены даже для таких ушей, как ваши. Но Тот-Амон теперь перестал быть единственным Магистром Черного Круга!

Получив эту весть, я немедленно отправился на поиски Сердца, неуклонно движущегося на юг. Оно было, как магнит, что неумолимо притягивал меня. Оно плыло по реке человеческой крови и несло с собой смерть. Кровь дает ему силы, кровь притягивает его к себе. И наибольшей мощью оно обладает в тот момент, когда, вырванное из мертвых рук только что убитого предыдущего обладателя, лежит в окровавленных ладонях убийцы. Всюду, где оно пылает, — льется кровь, рушатся королевства и силы природы несут хаос и разрушение.

И вот теперь я, новый повелитель Сердца, тайно призвал вас, самых верных мне людей, чтобы разделить с вами власть нового черного королевства, королевства завтрашнего дня. Этой ночью рухнут оковы Тот-Амона, давно связывавшие нам руки, и мы возродим древнюю империю.

Но кто я такой, Тутотмес, чтобы знать, какие таинственные силы кроются в алых глубинах Сердца? Эти секреты утеряны три тысячелетия назад. Но мы узнаем их. Их поведают нам они!..

И он широким жестом указал на ряды безмолвных саркофагов.

— Видите? Они спят, глядя на нас мертвыми глазами своих мраморных масок. Короли и королевы, властители и жрецы, чернокнижники и аристократы древней Стигии — из пропасти десятков тысяч лет! Прикосновение Сердца разбудит их от вечного сна...

Долго, очень долго Сердце находилось здесь, в древней Стигии. Здесь был его дом на

протяжении многих тысяч лет, прежде чем оно было увезено в Ахерон. И древние знали его таинственные возможности. А теперь они поведают о них нам, когда мы возвратим их к жизни, и станут нам служить!

Мы разбудим и поднимем их, чтобы услышать забытую мудрость, когда-то навеки укрытую в их сморщенных черепахах. Из темницы смерти мы вызволим их живыми! И тогда короли и королевы, герои легенд и чернокнижники прошлого станут нашими помощниками и рабами. И кто тогда устоит против нас?!

Смотрите! Этот иссохший, сморщенный прах на алтаре был когда-то Тотмекром, верховным жрецом Сета, и умер три тысячи лет назад. Он был посвящен в Черный Круг и в тайны Сердца. И он сам поведает нам о его силе!

И, взяв большой драгоценный камень, Тутотмес возложил его на сморщенную грудь мумии, после чего поднял ладонь, простер ее над алтарем и начал заклинание. Но не успел его закончить, так и застыв с поднятой рукой и раскрытым ртом, глядя куда-то над головами своих помощников, отчего все тоже обернулись, чтобы взглянуть туда же.

Через темный дверной проем в огромный зал вошли четыре худощавые фигуры в черном. В тени больших капюшонов лица их казались невыразительными желтыми пятнами.

— Кто вы?! — выдавил Тутотмес голосом, похожим на шипение разъяренной кобры. — Вы что, сошли с ума, что врываетесь в запретное святилище Сета?

Голосом, таким же ровным и бесцветным, как звон кхитайских колокольчиков, самый высокий из вошедших ответил:

— Мы ищем Конана из Аквилонии.

— Здесь нет такого! — зарычал Тутотмес, и, как пантера, гневно обнажающая клыки, резким угрожающим жестом скинул плащ с правого плеча.

— Ты лжешь. Он в этом святилище. Мы выследили его от трупа в верхнем портале пирамиды и шли за ним по целому лабиринту коридоров, пока не наткнулись на этот зал. Сейчас мы уйдем, чтобы продолжить поиски. Но сначала отдай нам Сердце Аримана.

— Смерть безумцам! — прорычал Тутотмес и сделал решительный шаг к собеседнику. Остальные жрецы без колебаний сделали то же самое, но четверо незнакомцев остались неподвижными.

— Кто же может смотреть на него без зависти? — продолжал кхитаец. — Нам доводилось слышать о нем и у нас на родине. Оно позволит нам отомстить тем, кто изгнал нас из нашего отечества. Власть и сила дремлют в его пурпурных глубинах. Отдайте его нам, иначе все вы умрете...

Ответом на эти слова был всеобщий крик ярости, и один из жрецов прыгнул, словно дикая кошка, в направлении говорившего, сжав в руке стилет. Но прежде, чем он успел ударить, навстречу ему рванулся посох и коснулся его груди. Не издав ни звука, несчастный рухнул замертво. И секундой позже мумии стали свидетелями кровавой и отвратительной сцены. Сверкали забрызганные алой кровью стилеты, бамбуковые палки разили, как змеи, и тот, кого они касались, с криком падал на каменные плиты и умирал.

При первом же ударе Конан сорвался с места и ринулся по лестнице вниз, краем глаза продолжая следить за этой короткой, но дьявольской схваткой — мечущимися, спотыкающимися людьми, рвущими друг друга в смертельных объятиях и истекающими кровью. Один из кхитайцев уже был буквально разорван на куски, но другие еще были на ногах и продолжали наносить направо и налево смертельные удары. Внезапно к одному из них подскочил Тутотмес и ударил его в грудь раскрытой пустой ладонью, отчего тот пошатнулся и опрокинулся навзничь, хотя перед этим было недостаточно даже стали, чтобы совладать с его нечеловеческой живучестью.

И к тому времени, когда Конан спрыгнул с последних ступеней, схватка уже практически закончилась. Трое кхитайцев были буквально растерзаны на куски, но и из жрецов остался в живых один Тутотмес.

Собравшись с силами, стигиец бросился на своего последнего противника, но тот оказался проворнее — из рук кхитайца метнулась палка, и, словно удлинившись, коснулась живота нападавшего. Жрец пошатнулся, но посох ударил еще раз, и еще... Тутотмес рухнул и замертво распростерся на полу. По лицу его пошли черные пятна, которые, увеличиваясь и разрастаясь, словно черная волна, прошли по всему его телу, придав ему вид статуи из черного дерева, точно такого же цвета, как и его магическая ладонь.

Осмотревшись вокруг, оставшийся в живых кхитаец спокойно направился к алтарю, где на груди мумии все еще пылал огромный драгоценный камень. Но Конан его опередил, встав между ним и Сердцем.

Среди груды трупов, под равнодушным взглядом каменных глаз они стояли друг напротив друга в полном молчании.

— А!.. Король Аквилонии, — наконец спокойно произнес кхитаец. — Долго же мы тебя искали. По большой реке, в горах, в Пуантене и Зингаре, нагорьях Аргоса и вдоль морского побережья... Нелегко было обнаружить в Тарантии твой след, но было ясно, что тебя укрыли жрецы Асуры. Мы потеряли твой след в Зингаре, но потом нашли твой шлем в лесу у самой границы гор, где ты сражался с гулями, и едва не утратили его только что, в этом лабиринте подземных ходов под пирамидой.

При этих словах Конан подумал про себя, что ему явно повезло, что он ушел из комнаты вампирши по другому коридору. В противном случае он неминуемо столкнулся бы с этими желтокожими демонами, способными почуять его еще издали, и ступавшими за ним след в след, как охотничьи псы, и ведомыми черт знает каким дьявольским чутьем.

Кхитаец едва заметно покачал головой, словно читая его мысли.

— Это уже не имеет значения: ты на пороге смерти.

— Но зачем же вы искали меня? — спросил Конан, сжимаясь в кулак и готовясь уклониться от внезапного удара в любую сторону.

— Это была цена клятвы, — ответил его собеседник. — Человеку, который сейчас умрет, можно открыть правду. Мы были вассалами Валерия, нового короля Аквилонии, и долго служили ему. Но теперь мы стали свободны — братья мои мертвы, а я выполнил возложенную на меня миссию. Я вернусь в Аквилонию с двумя сердцами — Сердцем Аримана для себя и сердцем Конана для Валерия. Поцелуй этого посоха, вырезанного из ветви живого Дерева Смерти...

Посох его выстрелил, как атакующая змея, но удар ножа Конана оказался быстрее. Палка упала, разрубленная на две части, еще раз блеснула сталь, и голова противника с треском ударилась о каменные плиты пола.

Убедившись, что ему ничто не угрожает, Конан обернулся, протянул руку за камнем... и отшатнулся назад, будто пораженный громом.

Ибо на алтаре лежали уже не иссохшие и пожелтевшие останки в истлевших бинтах. Живой огонь мерцал на широкой мускулистой груди живого человека, вокруг которого с алтаря свисали обрывки гнилых бандажей. Живого!? Вот в этом Конан как раз и не был до конца уверен, — в темных глубинах блестящих глаз ожившей мумии горели нечеловеческие устрашающие огоньки.

Зажав камень в ладони, воскрешенный медленно поднялся: смуглый, обнаженный, с красивым скульптурным лицом. Он молча протянул к Конану руку, в которой пульсировало Сердце Аримана. Киммериец взял его, но не избавился от ощущения, что принял дар из пальцев трупа. Видимо, нужные заклинания так и не были закончены, ритуал не был доведен до конца...

и жизнь этого человека так окончательно и не вернулась в его тело.

— Кто ты? — с трудом произнес Конан. Ответ был произнесен совершенно безразличным тоном, напоминавшим стук капель воды, падающей со сталактитов в подземной пещере.

— Я был Тотмекром. Теперь — мертв...

— Выведи меня из этой проклятой пирамиды! — приказал киммериец, не в силах сдержать дрожь.

Ровным механическим шагом "мертвец" пошел к дверям. Еще раз окинув прощальным взглядом длинные шеренги саркофагов, трупы у алтаря и лицо кхитайца, уставившегося мертвыми глазами в пляшущие тени, Конан последовал за своим новым проводником.

Блеск пылающего Сердца освещал темный тоннель, словно роняющая золотые капли волшебная лампа. И в этом необычном свете один раз на границе тьмы мелькнул силуэт мраморного тела — это княжна Акиваша отступала перед светом. Одновременно с ней в темноте растворились и другие, еще менее похожие на людей темные фигуры.

Воскрешенный молча шел вперед, никуда не сворачивая. Конана, обливавшегося холодным потом, вновь стали одолевать беспокойство и подозрения. Можно ли было быть полностью уверенным, что это странное привидение прошлого приведет его к выходу? И в то же время он понимал, что в одиночку он никогда не разгадает ошеломляющую путаницу коридоров и тоннелей, и продолжал двигаться за стигийцем в круге сияния Сердца. Тьма расступалась впереди и вновь смыкалась за его спиной.

И вдруг, совершенно неожиданно, длинный коридор кончился, показались наружные двери, и в воздухе повеял пустынный ветер. Над головой ярко светились низкие звезды, и далеко в пески убегала черная тень зловещей пирамиды. Тотмекр молчаливым жестом указал вперед, а потом развернулся и вновь исчез во мраке. Конан задумчиво посмотрел ему вслед: тот ступал так уверенно, что создавалось впечатление, словно он знал, что идет навстречу неотвратимой судьбе или возвращается к вечному сну.

Очнувшись от оцепенения, король Аквилонии пробормотал проклятие, выскочил из портала и изо всех сил побежал прочь, словно преследуемый сворой демонов. Не оборачиваясь и не обращая внимание на вырисовывающиеся вдали черные башни Кеми, он свернул к побережью и, задыхаясь, рванул туда, гонимый каким-то чувством, похожим на панику. И это невероятное усилие вырвало его разум из пасти тьмы, чистый горячий ветер пустыни выдул из его души кошмарные картины, а страх сменился безумным триумфом и радостью. Пустыня уступила место зарослям платанов, и через некоторое время впереди показалась черная поверхность воды, бухта и неподвижно стоявший на якоре "Смелый".

Пройдя по пояс в чавкающей грязной жиже берега, он добрался до чистой воды, убедился, что поблизости нет ни крокодилов, ни акул, нырнул и поплыл к судну. Возбужденный, со стекающей с него ручьями водой, он взобрался по якорной цепи на палубу, где его и заметил караульный.

— Просыпайтесь, мерзавцы! — радостно прорычал он, отбрасывая в сторону направленное ему прямо в грудь ошеломленным часовым копье. — Поднять якорь! Конец стоянке! Выдать пленнику полный шлем золота и отправить его на берег! Скоро рассветет, а нам еще до восхода солнца нужно всю гнать к ближайшему порту Зингары!

И он потряс над головой огромным драгоценным камнем, горевшим, словно горсть живого огня.

Глава XX

"...И восстанет из праха Ахерон..."

Зима кончилась. На деревьях появились первые листья, а молодая трава уже весело пробивалась под ласковым дыханием теплых южных ветров. Но большинство полей Аквилонии лежали в запустении, и не одно пятно черного пепла указывало место, где некогда поднимались просторные дворянские усадьбы или цветущие города. Волки открыто бродили вдоль поросших травой дорог, а по лесам рыскали банды исхудавших, бездомных людей. Лишь в Тарантии можно было еще увидеть богатство и достаток.

Власть Валерия походила на власть безумца. И в последнее время против него стали поднимать голоса даже многие из тех баронов, что первоначально были рады его приходу. Его сборщики податей одинаково обирали и богатых и бедных, и весь этот доход стекался из разграбляемой страны в Тарантию, переставшую уже напоминать столицу, превратившись, скорее, в гарнизон грабителей, в сердце покоренной страны. Купцам, правда, жилось неплохо, но никто из них не мог быть уверен, что не сегодня-завтра его не схватят по ложному обвинению или доносу и не сгноят в темнице или в яме, а то и просто отрубят голову на плахе, и имущество его будет конфисковано.

Валерий даже не пытался расположить к себе подданных. Он опирался на военную силу Немедии и на отряды наемников. Ему было совершенно ясно, что он — марионетка в руках Амальрика и служит интересам барона, а поэтому нечего даже и мечтать об объединении Аквилонии под властной рукой и освобождении из-под ярма захватчиков: во-первых—приграничные провинции будут сражаться против него до последней капли крови, а во-вторых—сами немедийцы беспощадно сбросят его с трона, поняв, что он стремится к объединению королевства. Он попал в ловушку чужих властных амбиций и, терзаемый мрачными размышлениями, бросился в пропасть развратных и пьяных утех, как человек, живущий лишь сегодняшним днем и не помышляющий о дне завтрашнем.

Но тем не менее в его с первого взгляда безумном поведении был тайный смысл, настолько глубоко спрятанный, что его не понял даже Амальрик. Возможно, долгие годы, проведенные в изгнании, отучили его от сострадания и дружеских чувств, а быть может, и обретенная власть превратила его старые обиды в своего рода помешательство. В любом случае: его преследовало лишь одно желание — разорить всех своих старых союзников.

Ибо он прекрасно понимал, что его власть моментально кончится, как только Амальрик решит, что Валерий уже сыграл отведенную ему роль. Знал он и то, что, пока он разоряет свою отчизну, немедиец его терпит, поскольку раздавить независимость Аквилонии входило в его собственные планы. Барону было нужно утопить страну в рабской зависимости и в конце концов полностью подчинить себе, а тогда, если повезет, завладеть всеми ее богатствами и ресурсами и с помощью ее народа вырвать из рук Тараска корону Немедии. Императорский трон был давней мечтой Амальрика, и Валерий прекрасно отдавал себе в этом отчет. А вот Тараск, похоже, еще не осознал этого, но Валерий ориентировался на то, что король Немедии проводит против Аквилонии беспощадную политику, явно испытывая к ней ту ненависть, которую порождают застарелые войны. Не оставалось сомнений, что он преследовал цель полностью уничтожить своего западного соседа.

А Валерий хотел объединить страну в единое целое и сбросить с нее власть Амальрика. Он ненавидел барона Тора, впрочем, как и своих соотечественников, и тешил себя мыслью, что

дождется дня, когда Аквилония ляжет в руинах, а Тараск и Амальрик сожрут друг друга в безнадежной гражданской войне, что точно так же уничтожит и Немедию.

Было понятно, что победа над главными очагами сопротивления — Пуантенном, Гандерландом и Боссонией означает конец правления Валерия. Если исполнятся замыслы Амальрика, он, Валерий, станет не нужен. И поэтому, все время откладывая решительные удары по этим областям, он ограничивался беспорядочными грабежами и наездами, а на понукания, на которые не скупился Амальрик, уклончиво отвечал всевозможными призывами к осторожности и различными подозрениями.

Жизнь его стала сплошной вереницей пиров и диких разнузданных оргий. Он наполнил свой дворец самыми красивыми девушками королевства, привезенными сюда по своей воле или даже против нее. Он хулил богов и в пьяном беспамятстве валялся на полу пиршественного зала, прямо в короне и заляпанных вином пурпурных королевских мантиях. В приступах кровавого бреда он заполнял виселицы на городских площадях сотнями тел, заставлял неустанно работать топоры палачей и рассылал во все стороны отряды немедийских всадников в опустошительные набеги. Доведенный до разрухи край был отдан на откуп нескольким гарнизонам, жизнь которых текла сыто и кроваво. Валерий грабил, насиловал и сжигал дотла свою землю так яростно, что, наконец, не выдержал и стал протестовать сам Амальрик, который, так и не понимая истинных замыслов своего союзника, все же стал опасаться, что Аквилония при таком положении дел может погибнуть и стать бесполезной для выполнения его собственных планов.

Как в Аквилонии, так и в Немедии народ обсуждал безумства Валерия. Но у немедийцев была еще одна тема для разговоров: Ксальтотун, человек в маске. Он редко появлялся на улицах Бельверуса. Рассказывали, что он подолгу беседует где-то высоко в горах с представителями древних народов — таинственными молчаливыми людьми в необычных одеждах, что хвалятся своим происхождением от жителей какого-то древнего и могучего королевства. Шептались о бубнах, гремящих на далеких горных склонах, о светящихся в темноте огнях, о приносимых ветром необычных песнях, о заклинаниях и ритуалах, забытых уже много столетий назад и передававшихся от поколения к поколению только как утратившие смысл формулы и бормотанья над кострами высокогорных селений, где жили люди, чуждые жителям долин.

Никто не знал тем этих бесед, за исключением, быть может, Ораста, который теперь с гораздо менее хладнокровным выражением лица довольно часто следовал за чернокнижником.

Но в самый разгар весны в погибающем королевстве неожиданно распространился слух, пробудивший весь край к активной жизни. Словно теплый ветер прилетел с юге и разбудил людей, погруженных в зимний сон. Никто точно не мог сказать, откуда этот слух взялся. Одни рассказывали об удивительной седой старухе, что с распущенными волосами и ступающим у ее ног, словно огромный пес, большим серым волком спускались с гор. Другие шептали о жрецах Асуры, что, как неуловимые привидения, приходили из Гандерланда, Пуантена и лесных сел Боссонии.

Как только слух этот пронесся по разграбленной стране, все пограничье, словно пожар, охватило восстание. Немедийские отряды и гарнизоны были разбиты и отброшены, западные области подняли бунт, принявший теперь уже совершенно другой характер, в отличие от предыдущих случаев: безумная ярость уступила место явно целенаправленным действиям, наносили удары по наиболее уязвимым местам обороны оккупантов. Поднялся не только простой люд — даже бароны укрепляли свои замки и провозглашали себя независимыми губернаторами провинций. Разведчики доносили о замеченных передвижениях войск на границах с Боссонией — это шли крепкие, отважные воины в стальных чепцах и блестящих полупанцирях, сжимая в руках огромные луки. Из разрухи, руин и упадка начинал гордо подниматься край, полный жизни, яростный и грозный. Амальрик поспешно сообщил об этом

Тараску, немедленно прибывшему в Аквилонию во главе своей армии.

В одной из комнат королевского дворца Тарантии сидели трое — Амальрик, Тараск и Валерий. Темой их разговора было это неожиданное восстание. Они решили не приглашать на свое совещание Ксальтотуна и оставить его в горах Немедии за его таинственными занятиями. С того самого кровавого дня в долине Валки они больше не были настроены иметь дело с магией, он же, оставив их наедине с собственными проблемами, с тех пор тоже редко выражал желание с ними встречаться.

Не пригласили они также и Ораста, который, однако, совершенно неожиданно пожаловал сам — бледный, как гонимая штормом морская пена, с бескровными губами. И вот теперь он стоял перед ними, а они задумчиво и с удивлением рассматривали его трясущиеся от страха руки и дрожащее лицо — раньше за ним подобного не замечалось.

— Ты же устал, Ораст, — произнес, прервав долгое молчание, Амальрик. — Лучше приляг, отдохни. Я прикажу принести тебе вина. Путь твой был долог...

Нетерпеливым движением руки Ораст отклонил предложенное.

— Три коня пали подо мной в пути от Бельверуса. И я не стану пить и отдыхать, пока не расскажу, с чем приехал.

Словно сжигаемый каким-то внутренним огнем, что не позволял ему стоять на месте, он стал нервно мерить комнату шагами, изредка задерживаясь перед собеседниками.

— Когда мы воспользовались Сердцем Аримана, — резко начал он, — мы не догадывались, как опасно тревожить черный прах прошлого. В этом моя вина и мой грех. Мы думали только о своих амбициях, совершенно позабыв, что воскрешенный нами человек тоже может их иметь. И, сами того не осознавая, мы выпустили на свет демона, дьявола в человеческом обличье. Конечно, мы и так глубоко погрязли в злодеяниях, но и там существуют свои границы, которые ни я, ни любой другой человек моего народа переступить не сможет. Предки мои были обыкновенными людьми, безо всяких дьявольских замашек, и только я ступил на путь, ведущий в пропасть греха, но я никогда не преступал границ, которые сам себе поставил. А за плечами Ксальтотуна — тысячелетия черной магии и некромантии, все то, что он впитал в себя от своих предшественников, целая древняя традиция. Мы не в состоянии понять его не только оттого, что он — чернокнижник, но еще и потому, что он сам — наследник и правитель рода чернокнижников.

То, что я увидел, сопровождая его, потрясло меня. Я видел, как высоко в горах он разговаривал с душами давно сгинувших, ужасных и страшных демонов забытого Ахерона. Видел, как ему оказывают почести остатки проклятых богом и людьми потомков гнусной империи, как они величают его своим верховным жрецом. И тогда я понял, к чему он клонит, и теперь скажу об этом вам: он задумал ни больше, ни меньше, как возрождение древней и ужасной империи Ахерон!

— О чем ты говоришь? — спросил удивленный Амальрик. — Ахерон уже давно превратился в пыль веков. И нет уже стольких ахеронцев, чтобы вновь создать империю. Или Ксальтотун хочет вернуть жизнь останкам, которым уже три тысячи лет?

— Вы очень мало знаете о его силе, — с содроганием ответил Ораст. — Я видел, как после его заклятий даже горы начинают приобретать вид нездешний и древний. И поэтому я уверен, что ему под силу изменить контуры долин и придать им те очертания, которые они имели в те далекие эпохи... и после всего этого я чувствую, что становятся реальностью мерцающие далеким светом в вечернем воздухе пурпурные башни древнего Пифона.

И вот во время последнего шабаша, в котором я участвовал вместе с ним, пришло ко мне, когда били бубны, а его отвратительные поклонники завывали, катаясь в экстазе и посыпая себе головы пеплом, последнее понимание всей этой магии и его замыслов. Я говорю вам: своими

чарами, своими чудовищными заклятиями, подкрепленными таким количеством человеческой крови, которое никто из нас еще никогда не видел, он воскресит Ахерон. Он поработит весь мир и невиданными потоками крови смоем настоящее, чтобы вернуть прошлое.

— Ты сошел с ума! — закричал Тараск.

— Сошел с ума? — Ораст обернулся к нему. — А кто, увидев то, что довелось увидеть мне, смог бы остаться в здравом рассудке? Но я сказал правду. Он хочет возродить Ахерон — с его башнями, чернокнижниками, королями и всеми мерзостями, точно такой же, каким он был в то время. Остатки народов древнего Ахерона послужат при этом скелетом, каркасом, а тела людей сегодняшнего дня станут глиной и камнями для построения этого здания. Я не могу сказать вам, когда и как это произойдет, — в голове моей все начинает вертеться, как только я начинаю задумываться об этом. Но я видел! Ахерон вновь станет Ахероном, и горы, долины, леса и реки станут такими же, что и много тысячелетий назад. А почему нет? Ведь если даже я, со своим скромным запасом чернокнижных сил и знаний сумел воскресить человека, умершего три тысячи лет назад, то почему бы величайшему чернокнижнику всего света не удалось сделать то же самое с королевством, погибшем в то же время? По его зову Ахерон восстанет из праха!

— Но как же мы сможем помешать его планам? — поинтересовался обеспокоенный Тараск.

— Есть лишь один способ, — твердо ответил Ораст. — Мы должны выкрасть у него Сердце Аримана.

— Но я... — начал было Тараск, и тут же прикрыл рот. Никто даже не обратил на это внимания, и Ораст продолжил:

— Это та сила, которую можно обратить против него. Если оно будет в моих руках, я смогу ставить ему условия. Но как нам его найти? Он, несомненно, спрятал его в каком-то надежном месте, откуда его не смогут достать даже разбойники Заморы. Мне не известно, где это место. Ах, если бы он вновь уснул сном черного лотоса... Но я уверен — он спрятал его еще тогда, после сраженья на Валке, и...

Закончить он не успел. Двери, надежно запертые на засов, неожиданно беззвучно раскрылись, и в комнату спокойно вошел Ксальтотун. Он неторопливо поглаживал свою бороду ладонью, но можно было заметить, что в глазах его пылают дьявольские огоньки.

— Ты слишком многое увидел, — произнес он бесцветным голосом, в упор глядя на Ораста.

И прежде, чем кто-нибудь успел сдвинуться с места, он бросил под ноги окаменевшего от ужаса жреца горсть пыли. Коснувшись каменных плит пола, пыль загорелась дымным пламенем, и вверх потянулась тонкая струйка дыма, охватывая тело Ораста плотной спиралью. Достигнув плеч, она резко обвилась вокруг шеи несчастного и с быстротой атакующей змеи затянулась в удавку. Испуганный крик Ораста тут же перешел в предсмертный хрип. Руки умирающего рванулись к горлу, глаза выкатились из орбит, а язык вывалился изо рта. Дым душил его, словно стальная струна, еще какое-то мгновение, а потом побледнел и рассеялся. Мертвый Ораст со стуком рухнул на пол.

Ксальтотун хлопнул в ладоши, и в комнату вошли двое, которых часто видели в обществе чернокнижника. Это были низкорослые, поразительно темнокожие люди с красноватыми раскосыми глазами и острыми белыми зубами.

Они безмолвно подняли тело и вынесли его прочь.

Словно успокаивая присутствующих и призывая их не обращать на произошедшее внимание, Ксальтотун махнул ладонью и присел напротив побледневших королей за столик из слоновой кости.

— Так по какому же поводу вы здесь собрались? — спросил он.

— Западные области Аквилонии подняли восстание... — все начали постепенно оправляться от шока, произведенного на них внезапной и страшной смертью Ораста. — Какие-

то мерзавцы распространили слух, что король Конан жив и теперь возвращается во главе армии Пуантена, чтобы отвоевать королевскую корону. Но вот в чем дело: даже если бы он и появился живым сразу же после битвы на Валке, центральные области Аквилонии не поднялись бы, опасаясь твоей силы. Но жестокость Валерия довела их до того, что они теперь готовы пойти за всяким, кто поведет их против нас, предпочитая быструю смерть пыткам, мучениям и нужде.

И слух этот, что Конан не погиб, распространялся по стране с таким упорством, что народ, наконец, поверил в него. Паллантид вернулся из Офира, где он был в изгнании, и клянется, что король в тот день лежал больной в шатре, а латы его были на другом рыцаре. Кроме того, говорят, что королевский оруженосец, наконец пришедший в себя после удара по голове дубиной во время валкийской битвы, полностью подтверждает все это — так это или нет.

Известно, что по стране ходит какая-то страшная старуха с прирученным ею волком и рассказывает, что Конан все еще жив и скоро вернется, чтобы возратить себе корону. А в последнее время проклятые жрецы Асуры стали тоже подхватывать ту же песенку. Они утверждают, что им по тайным каналам сообщили весть о скором возвращении Конана. Но ни ведьмы, ни жрецов пока схватить не удалось. Я уверен, что это проделки Троцера. Наши лазутчики доносят, что Пуантен собирает силы для вторжения в Аквилонию. Я подозреваю, что Троцера пригласил какого-то самозванца, выдавая его за Конана.

Амальрик замолчал и перевел дух. А Тараск хмуро усмехнулся и украдкой пощупал под кафтаном шрам, вспомнил кружившихся над беглецом воронов и привезенное с пограничных гор тело его оруженосца Аридея, разорванное на куски, как рассказывали, огромным волком. Припомнил и украденный у спящего наркотическим сном чернокнижника драгоценный камень, спрятанный в золотой шкатулке. Но не произнес ни слова.

Валерий же в этот миг подумал об ужаснувших его словах умирающего от чудовищных ран вассала и четверых кхитайцах, исчезнувших в лабиринте южных земель, чтобы уже никогда не вернуться обратно. Но и он решил держать язык за зубами, ибо ненависть и подозрительность его по отношению к своим союзникам грызли его, словно червь, и единственной его мечтой сейчас было увидеть тот день, когда немедийцы сдохнут от междоусобиц. Но Амальрик крикнул: — То, что Конан жив, — вранье!..

Вместо ответа Ксальтотун молча бросил на стол перед собой свиток пергамента. Амальрик схватил его, развернул, и из горла его вырвался неопределенный крик. А потом он прочел вслух: "Ксальтотуну, верховному шаману и шарлатану Немедии. Ахеронская собака, я возвращаюсь в свое королевство. А из твоей паршивой шкуры намерен сделать бубен. Конан." — Фальшивка! — крикнул Амальрик. Ксальтотун покачал головой.

— Письмо настоящее. Я сравнил почерк с подписями на королевских документах, обнаруженных в канцелярии. Подпись не поддельная.

— Но если он жив, — выдавил Амальрик, — это восстание примет будет отличаться от предыдущих, ведь совершенно точно известно, что лишь Конан способен объединить силы Аквилонии. Но, — осторожно продолжил он, — это послание совершенно не характерно для Конана. Невозможно представить, чтобы Конан предупреждал противника. Я считал, что основным приемом варваров всегда была внезапность...

— Но мы и так уже были предупреждены, — возразил на это Ксальтотун. — Наши шпионы донесли о военных приготовлениях в Пуантене. Ему все равно не удалось бы переправиться через горы незамеченным, вот он и послал мне вызов.

— А почему тебе? — поинтересовался Валерий. — Почему не мне или Тараску? Ксальтотун окинул собеседника своим загадочным взглядом.

— Потому что он более мудр, чем все вы, — ответил он, немного помолчав. — И понял то, до чего вы еще не дошли: настоящим правителем народов запада является не марионетка Тараск,

не Валерий, и даже не барон Тор. Властелин этот — я, Ксальтотун.

Наступила тишина. Все смотрели на чернокнижника, словно в трансе, одеревенев от услышанной из его уст правды.

— У меня нет иного пути, кроме возрождения империи, — тем временем продолжал чернокнижник. — Но сначала я должен покончить с Конаном. Не знаю, как ему удалось бежать из Бельверуса, ибо мне неизвестно то, что произошло во время моего сна, навеянного черным лотосом. Но мне известно то, что он сейчас находится на юге и собирает армию. И это стало возможно только благодаря лютой жестокости Валерия в обращении со своим народом. Но пускай они бунтуют — они все у меня в руках. Дождемся, пока он выступит против нас, и навеки покончим с ним.

А уже тогда мы раздавим Пуантен, Гандерланд и этих глупых боссонцев. Потом — Офир, Зингару, Аргос и Коф — все эти народы мы объединим в одну огромную империю. Вы там будете править, как мои наместники, в отличие от всех других королей, в гораздо меньшей степени подходящих на эти роли. Я теперь непобедим, ибо Сердце Аримана надежно спрятано и ни один человек не сможет обратить его против меня.

Тараск старательно избегал встретиться глазами с чародеем, боясь, что тот прочитает его мысли. Было ясно, что у Ксальтотуна не было никаких сомнений в том, что камень все еще находится в золотой шкатулке и с тех пор он туда даже не заглядывал. Только так можно было объяснить последние слова чернокнижника — он не имел понятия, что Сердце у него вновь украдено. И похоже, что оно теперь находилось за пределами его досягаемости, а также вполне вероятно, что даже всей магии этого надменного ахеронца будет недостаточно, чтобы вернуть ему украденную вещь, коли даже его необыкновенные способности не подсказали ему, что тайник пуст. Кстати, вопреки предположениям Ораста, Ксальтотун и не вспоминал о возрождении былого королевства Ахерон, а говорил только об основании нового. И последнее: Тараск неожиданно понял, что чернокнижник не до конца уверен в своих силах — также, как и они когда-то попросили у него помощи при выполнении своих планов, так и он теперь пришел просить помощи у них, хотя открыто он об этом не говорил. Магия, как бы сильна она ни была, явно нуждалась в поддержке ударов мечей, боевых топоров и копий. Король уловил брошенный на него украдкой взгляд Амальрика — пускай Ксальтотун тешится себе мечтами об империи, помог бы им только одолеть грозного врага, а уж потом-то будет достаточно времени, чтобы найти способ, как бороться против этого чародея. вполне вероятно, что им и удастся задушить те силы, которые они так неосторожно призвали на свет...

Глава XXI

"Цена расплаты"

Война стала фактом, когда десятитысячная армия Пуантена, поблескивающая сталью, под развевающимися знаменами перешла горы и вылилась в долины Аквилонии. А во главе ее, как доносили лазутчики, ехал человек огромного роста, одетый в черные доспехи и накидку с вышитым на ней золотым львом Аквилонии. Король был жив! Конан был жив! И никто уже в этом не сомневался — ни враги, ни друзья.

В одно и то же время с известием о вторжении из Пуантена курьеры принесли сообщение о выступлении на юг армии баронов северо-запада и Боссонии, а также войск из Гандерланда. Тараск во главе тридцати одной тысячи воинов двинулся на юг, вдоль реки Ширки, которую гандерцы обязательно должны были бы форсировать, чтобы напасть на находящиеся под защитой немедийских гарнизонов замки, и встал у города Галпаран. Ширки была своенравной и бурной рекой, широкой дугой изгибающейся на юго-запад по скалистым каньонам с порогами, и была годной для переправы целой армии всего в нескольких местах, особенно во время весеннего половодья. Весь край к востоку от Ширки находился в руках немедийцев, и казалось вполне логичным, что гандерская армия нанесет удар по Галпарану или лежащему чуть южнее Танасулу. Со дня на день Тараск ожидал прибытия гонцов из Немедии, но его ждало разочарование — ему сообщили, что король Офира осуществляет на южной границе военные провокации и нет никакой возможности перебросить в Аквилонию дополнительные силы — это может означать вторжение с южного направления.

Амальрик с Валерием вышли из Тарантии с двадцатью пятью тысячами воинов, оставив ее под защитой сочтенного ими достаточным для подавления возможного восстания гарнизона. Целью их было как можно скорее встретиться с Конаном и разбить его, пока он не взбудоражил все королевство.

А тот, перевалив вместе с армией Пуантена через горы, не торопился ввязываться в сражения, не нападал на города и не сжигал вражеских крепостей. Он появлялся и вновь исчезал. И, как стало известно, для большей безопасности свернул к западу, чтобы, двигаясь по диким, малонаселенным горным массивам, добраться до боссонского пограничья, по дороге пополняя свои ряды добровольцами. Амальрик и Валерий же, во главе своей состоящей из немедийцев, наемников и предателей Аквилонии армии, метались по всей стране в полном ошеломлении, разыскивая так и не встретившегося им противника.

Барон убедился, что перестал получать о Конане другие сведения, кроме как предельно туманные и расплывчатые. Обычным делом уже стало то, что передовые разъезды уходили на разведку и больше не возвращались, обычной стала и картина повешенных на деревьях немедийских лазутчиков. Простонародье восстало и сражалось, как только было способно: жестоко, смертельно и тайно. И теперь Амальрик уверенно знал лишь то, что значительные силы гандеров находятся где-то к югу от него на другом берегу Ширки, а Конан со своей армией движется по юго-западу.

Он опасался, что, если они с Валерием углубятся в эти дикие западные области, Конан обойдет их и спокойно ударит по центральной части Аквилонии. И именно поэтому немедийской армии было приказано отойти от Ширки и встать лагерем в долине, на расстоянии примерно одного дневного перехода от Танасула. Теперь оставалось лишь ждать. Тараск находился у Галпарана, подозревая, что все маневры Конана сводятся к тому, чтобы выманить его

в глубину края и открыть армии Гандерланда путь к сердцу королевства.

И вот, во время тревожного ожидания, в обоз Амальрика на своей повозке, запряженной необыкновенными, не знающими усталости конями, прибыл Ксальтотун. Не теряя времени, он сразу направился в шатер, где барон с Валерием обсуждали планы боевых действий, склонившись над разложенной на походном столе картой.

Пренебрежительным жестом чародей смял эту карту и сбросил ее на землю.

— Того, чего не смогли разузнать ваши жалкие шпионы, — произнес он холодно, — сообщили мне мои разведчики, хотя и их вести тоже сомнительны и не проверены, словно против меня действуют какие-то тайные силы.

Конан идет вдоль Ширки во главе десяти тысяч Пуантенцев, трех тысяч боссонцев и баронов юго-западных окраин со своими дружинами общей численностью пять тысяч человек. Тридцатитысячная армия гандеров и северных боссонцев движется на соединение с ним. Они идут тайными тропами, ведомые проклятыми жрецами Асуры, которые, как я уверен, тоже на их стороне. Мерзавцев этих после окончания войны нужно всех скормить змеям!

Обе армии собираются соединиться у Танасула, но подозреваю, что гандерцы могут переправиться и в другом месте. И тогда первым здесь покажется Конан, чтобы обеспечить им переправу.

— А почему же он до сих пор не переправился на тот берег сам?

— Потому что время играет на него, а наше положение с каждым часом становится все хуже. Горы на той стороне реки полны верных ему людей — беглецов, изгнанников и остатков разбитой под Валкой армии. По одному и целыми отрядами к нему присоединяются люди со всего королевства. Наши передовые разъезды попадают в ловушки, восставшие селяне убивают их. В центральных областях страны нарастает беспокойство, которое того и гляди перейдет в открытый бунт. Численность гарнизонов, оставленных там, недостаточна, а мы даже не можем надеяться на подкрепление из Немедии. А в волнениях на границе с Офиром явно заметна рука Паллантида, у которого там много родственников.

Таким образом, если мы достаточно быстро не встретимся с Конаном и не уничтожим его, за спиной у нас тоже разгорится восстание. Кроме того, если мы сейчас станем отступать к Тарантии, чтобы хотя бы удержать в руках то, что нами было ранее завоевано, это будет бегство по охваченному бунтом краю с наступающей нам на пятки армией неприятеля, а потом еще и сражение за город с врагами не только снаружи его стен, но и внутри их. Нет, ждать мы больше не можем. Мы должны быстрее покончить с Конаном, иначе войско его станет по численности больше нашего, а центральные области королевства сбросят нашу власть. Вы еще увидите, как быстро утихомятся все эти подонки, когда его голова повиснет над воротами Тарантии!

— Но почему же ты сам не обрушишь на его армию свои заклятия, чтобы уничтожить их? — не сдержавшись, произнес Валерий.

Ксальтотун уперся в него взглядом, словно пытаясь проникнуть в глубины его души.

— Успокойся! — ответил он резко. — В конце концов мои чары раздавят Конана, как змею. Но даже заклятия нуждаются в помощи ударов мечей и копий.

— Кстати, его будет очень трудно одолеть, если он сам переправится на тот берег и займет выгодную позицию в горах, — заметил Амальрик. — Но если мы настигнем его на этой стороне, более выгодным будет наше положение. Как далеко он от Танасула?

— Он движется в таком темпе, что доберется до него к завтрашнему вечеру. Он дал своим людям отдохнуть и теперь может идти достаточно быстро. Как мне кажется, он намерен добраться туда примерно на день раньше гандеров.

— Хватит ждать! — Амальрик рубанул рукой воздух. — Я успею к Танасулу раньше его. Пошлю к Тараску гонца с приказом, чтобы ждал меня. И, как только прибуду, отброшу его от

переправы и разобью, а потом мы вместе с Тараском переправимся через Ширки и расправимся с армией Гандерланда!

Ксальтотун отрицательно покрутил головой.

— Достаточно хороший план, но совершенно не подходит к Конану. Двадцать четыре тысячи твоих солдат может быть мало, чтобы успеть одолеть его восемнадцать тысяч до подхода гандеров. Ведь они будут драться с яростью обреченных. И что с тобой будет, если в самый разгар битвы подспеют гандерцы? Попав между двух огней, ты погибнешь, и Тараск не успеет прийти тебе на помощь. Он доберется до Танасула слишком поздно.

— Но что же тогда делать?

— Выступишь против Конана со всей своей армией, — ответил ахеронец. — Пошли Тараску гонца с приказом, чтобы спешно шел сюда. Мы будем его ждать. А уже потом вместе с ним двинемся на Танасул.

— А пока мы будем ждать, — запротестовал Амальрик, — Конан возьмет и переправится через реку и соединится с гандерами!

— Он не переправится через реку, — твердо заверил его Ксальтотун. Амальрик поднял голову и взглянул ему в лицо.

— Что ты хочешь этим сказать?

— В горах, далеко на севере, у истоков Ширки, сегодня начнутся ливневые дожди. Поднявшаяся вода сделает невозможной переправу у Танасула, даже если Конан этого захочет. И почему бы нам тогда не рвать когти, а пойти туда с той скоростью, с какой сможем, напасть на него, разбить и, когда вода спадет, переправиться на тот берег и покончить с проклятыми его приспешниками? Так мы сможем разбить противника по частям, и части эти будут уступать нам по численности.

Валерий рассмеялся, как всегда радуясь возможности увидеть чью-либо смерть, а потом нервно провел ладонью по своим золотым регалиям, висящим на груди. Амальрик же смотрел на ахеронца со смешанным чувством страха и удивления.

— Да... там мы действительно разобьем его... — согласился он. — Но ты уверен... что дожди... пойдут?

— Уясни себе, — ответил Ксальтотун, поднимаясь, — что тебе не следует пытаться понять меня. Шли гонца к Тараску. И пускай никто не подходит к моему шатру.

Последние слова явно были лишними. Даже за большие деньги в армии вряд ли нашелся человек, что подошел бы к таинственной палатке со всегда задернутым пологом. В нее не входил никто, кроме самого Ксальтотуна, но, тем не менее, иногда изнутри доносились голоса. Стены этого павильона колыхались даже в безветренную погоду, и оттуда часто слышалась необычная музыка. Бывало, посреди ночи сквозь полотно начинали просвечивать алые отблески пламени и становились видны пляшущие по стенам бесформенные тени.

Отправившись спать, Амальрик услышал доносившееся из этого странного шатра ритмичное гудение бубна. Немедиец мог бы поклясться, что временами этому бубну вторил низкий хриплый голос. Его передернуло — голос этот не принадлежал Ксальтотуну. Бубен ворчал и грохотал, словно далекий гром, и утром, перед рассветом, выйдя из своего шатра, Амальрик заметил на далеком северном горизонте красные сполохи молний. Остальная часть неба была ясной и усыпанной звездами, но эти молнии сверкали неустанно, словно отблеск пламени на острие ножа.

На следующий вечер прибыл Тараск со своей армией. Солдаты его были измучены долгим маршем, причем пехота пришла через несколько часов после конницы. Остановившись неподалеку, они расположились на ночлег, чтобы с первыми лучами солнца вновь выступить на запад.

Вперед были посланы группы разведчиков, и Амальрик нетерпеливо ожидал их возвращения с известием о том, что половодье застало Пуантенцев врасплох и они теперь находятся в ловушке. Но, когда они вернулись, удивлению его не было предела: Конан переправился через реку!

— Что?! — орал Амальрик. — Он переправился через половодье?

— Не было никакого половодья... — ответили испуганные разведчики. — Вчера поздно ночью он добрался до Танасула и перешел реку...

— Не было половодья!? — теперь кричать настала очередь Ксальтотуна, впервые на памяти Амальрика сбитого с толку. — Это невозможно! Ведь у истоков Ширки уже два дня идут сильные дожди!

— Может быть, Ваше Сиятельство, — ответил один из разведчиков. — Вода была мутной, и жители Танасула утверждают, что вчера уровень реки поднимался примерно на фут, но этого было недостаточно, чтобы помешать переправе.

Ксальтотун подвел! Эта мысль стала лихорадочно биться в мозгу Амальрика. Его страх перед удивительным пришельцем из прошлого постоянно нарастал с той самой ночи в Бельверусе, когда он увидел, как порыжевшая сморщенная мумия увеличивается в размерах, чтобы превратиться в живого человека. А потом смерть Ораста превратила этот страх в панический ужас. Он уже уверился было, что этот человек, а может быть, и дьявол, — непобедим. Однако сейчас налицо было его явное поражение.

"Значит, даже величайшие некроманты порой совершают ошибки!" — подумал барон. Но он не осмелился сказать что-либо против ахеронцу — по крайней мере, пока. Ораст был мертв и жарился в каком-то одном черту ведомом пекле, и Амальрик прекрасно понимал, что меч его значит довольно мало, там, где не помогла черная магия жреца-отступника. Еще неизвестно, что в дальнейшем может взбрести в голову Ксальтотуну, а в настоящее время реальной опасностью оставался Конан со своей армией. И поэтому помощь чернокнижника сейчас могла оказаться совсем не лишней.

Вскоре они достигли Танасула, расположенного в месте, где естественный скальный мост делал возможной переправу даже через реку при большой воде. Передовые разъезды сообщили, что Конан встал лагерем в видневшихся в нескольких милях за рекой горах Рокимантана, и перед самым заходом солнца соединился с гандерами.

Наступила ночь. Взгляд Амальрика был прикован к лицу Ксальтотуна, непреклонного и какого-то нечеловечески величественного в мерцающем свете свечей.

— Ну и что теперь? Твоя магия подвела... Теперь Конан занимает более выгодную позицию, чем мы, и армия его почти не уступает по численности нашей. И выбор сейчас у нас невелик: либо ждать его нападения, либо отступать к Тарантии, ожидая удара в спину.

— Ожидание для нас равносильно смерти, — ответил Ксальтотун. — Поэтому нам тоже необходимо переправиться и стать обозом на той стороне, в долине. А на рассвете мы начнем наступление.

— Но ведь его позиция гораздо лучше нашей! Мы будем обречены!..

— Дурак! — неожиданная вспышка гнева сорвала с чернокнижника маску его обычного спокойствия. — Может, ты забыл Валку? Или считаешь меня бездарем, раз какая-то паршивая шутка природы предотвратила половодье? Да, я хотел бы, чтобы врага уничтожили ваши мечи. Но раз все изменилось, не беспокойся: мои заклятия раздавят мятежников. Конан попал в ловушку. И завтрашнего захода солнца ему не увидеть. Начинай переправу!

Переправляться пришлось уже при свете факелов. Копыта их коней громко громыхали по камням, поднимая фонтан брызг на отмелях. Черная поверхность воды искрилась отблесками огня, точно так же, как и сталь лат. Каменный мост был широк, но, несмотря на это, армия

сумела выйти в долину и разбить там лагерь лишь к полуночи. Где-то высоко в горах были заметны огни костров, — это Конан расположился на стоянку в горах Рокимантана, уже не раз становившихся последним местом расположения лагеря королей Аквилонии.

Так и не сумев уснуть, Амальрик вышел из своего шатра и решил обойти лагерь. В палатке Ксальтотуна вновь мерцал необычный свет, время от времени тишину прорезали истошные крики, а гудение зловещего бубна скорее походило на рев.

Барон, инстинкты и чувства которого обостряли ночь и опасность, интуитивно почувствовал, что силе Ксальтотуна противостоит какая-то иная сила, не принадлежащая обычным людям. Теперь все его подозрения окончательно рассеялись. Он взглянул на далекие огни и лицо его перекосила судорога ярости. Армия его сейчас стояла в самом сердце враждебного дикого края. Там, высоко в горах, притаились тысячи утративших человеческий облик существ с волчьими сердцами и душами, из которых ненависть к оккупантам и неутоленная жажда мести вытравили все иные чувства, мысли и надежды. Ожидать чего-либо или бежать от всей этой орды обезумевших врагов значило смириться со своим полным поражением и гибелью. А утро могло поставить его лицом к лицу со страшнейшим из всех воинов запада варваром и его полудикой толпой. И если магия Ксальтотуна подведет и на этот раз...

Из темноты вынырнули несколько караульных. Пламя факела ярко отсвечивало в их полированных шлемах и панцирях. Они наполовину вели, наполовину волокли какую-то худую фигуру в лохмотьях.

Отдав честь, солдаты доложили:

— Ваша Светлость, этот человек сдался в руки караула и заявил, что хочет говорить с королем Валерием. Это аквилонец.

Человеком это существо в лохмотьях назвать было трудно: он скорее напоминал волка, до костей ободранного зубьями капкана. На ногах и запястьях его были заметны старые шрамы, которые могли быть оставлены только кандалами. А лицо его было обезображено большим выжженным раскаленным железом клеймом. Когда его опустили на колени перед бароном, глаза его загорелись сквозь свалявшиеся кудри, словно угли.

— Так это ты, паршивый пес? — прогремел немедиец.

— Зовут меня Тиберием, — ответил тот, заскрежетав зубами. — Я пришел рассказать вам, как одолеть Конана.

— Ты что — шутишь?! — зло спросил Амальрик.

— Говорят, у вас есть золото... — еле слышно отозвался Тиберий, дрожа всем телом. — Дайте мне хоть немного! Дайте мне золота, и я расскажу, как убить короля!

Его широко раскрытые глаза безумно блестели, а растопыренные пальцы умоляюще протянутых рук казались когтями.

Амальрик молча пожал плечами. Пусть так — его никогда не смущали даже самые отвратительные способы и методы борьбы с противником.

— Если ты говоришь правду — получишь столько золота, сколько сможешь унести. Но если ты шпион, я прикажу подвесить тебя за ноги. Ведите его за мной!

Войдя в шатер Валерия, который тоже не спал, барон ухмыльнулся и сказал, указав на приведенного с собой человека:

— Говорит, что знает способ, как помочь нам в нашем деле. А это может нам понадобиться, если план Ксальтотуна снова провалится. А теперь говори ты, пес!

Тело предателя билось в каких-то болезненных конвульсиях, а слова сливались в быстрое бормотание.

— Конан со своей армией стоит в глубине Долины Львов, у которой очень

труднопроходимый рельеф. Она окружена с обеих сторон горами. Не имея возможности обойти его с фланга, вы будете вынуждены ударить ему в лоб. Но, если бы король Валерий решился прибегнуть к моим услугам, я показал бы ему, как напасть на Конана с тыла. Если вы доверитесь мне, выходить нужно прямо сейчас. Это несколько часов езды — сначала на запад, потом — на север, и под конец — на восток, чтобы войти в Долину Львов с тыла, как это сделали гандерцы.

Амальрик колебался и нерешительно теребил подбородок. И все-таки, это не было ничем неправдоподобным — в часы всеобщего хаоса всегда находились люди, готовые продать душу за несколько золотых монет.

— Но если заведешь меня в западню, — умрешь, — с угрозой в голосе предупредил Валерий. — Ты это понял?

Оборванец задрожал, но глаз не опустил.

— Ты убьешь меня сразу же, как только в чем-либо заподозришь!

— Конан не станет разделять свои силы, — вступил в разговор Амальрик. — Ведь он специально объединил свои войска, чтобы отразить наше нападение, и вряд ли пошлет даже один отряд на сооружение в горах ловушки. Кроме того, этот мерзавец, — он посмотрел на трясущегося оборванца, — знает, что жизнь его зависит от того, приведет ли он нас туда, куда сейчас пообещал. И потом — чтобы такой подлец пожертвовал ради кого-то жизнью? Вздор! Нет, Валерий, мне кажется, что он говорит дело.

— В таком случае он величайший злодей из всех виденных мною, коль скоро он готов продать своего освободителя от бывшего рабства! — рассмеялся Валерий. — Но я уже решил. Я пойду за ним. Сколько ты дашь мне людей?

— Пять тысяч, — отозвался Амальрик. — Неожиданное нападение со спины приведет противника в замешательство, а к тому времени уже успею подойти и я. Я буду ожидать твоего удара до полудня.

— Ты сам увидишь, когда я ударю, — успокоил его Валерий.

Возвращаясь к себе, барон с презрением отметил, что Ксальтотун все еще находится в своем шатре, о чем свидетельствовали леденящие кровь крики, еще более усилившиеся в темноте. А когда, наконец, он услышал во тьме лязг стали и позвякивание конских уздечек, губы его растянулись в кривой усмешке. Валерий поехал делать свое дело. Барон хорошо понимал, что Конан, словно смертельно раненый лев, бьющийся в агонии, прежде, чем погибнуть, может сокрушительными ударами уничтожить ударившего ему в тыл Валерия. Тем лучше. Одним дураком и соперником меньше. Да и вообще — пора списывать Валерия в расход — он уже начинал мешать выполнению властолюбивых планов немедийца.

Пять тысяч отданных под командование Валерия всадников в основном были закоренелыми предателями Аквилонии. В тишине звездой ночи они молча оставили лагерь и ушли на запад, где на фоне ночного неба черными громадами выделялись горные цепи. Валерий ехал впереди, а рядом с его конем, привязанный веревкой за стянутые за спиной руки к седлу одного из королевских телохранителей, бежал Тиберий. Остальные ехали, сбившись в тесную кучу и озираясь по сторонам. В темноте тускло отсвечивали обнаженные мечи.

— Только попробуй выкинуть какой-либо фортель! Умрешь на месте! — жестко произнес Валерий. — Пускай я и не знаю в этих горах каждой тропки, но хорошо ориентируюсь, чтобы понять, в каком направлении ты нас ведешь и где находится Долина Львов. Смотри, не заведи нас в ловушку!

Тиберий, склонив голову и громко стуча зубами, горячо убеждал Валерия в своей преданности, а потом, придав своему лицу глупое выражение, стал пристально рассматривать развевающийся у него над головой штандарт древней династии с золотым змеем.

Обходя скалистые отроги, окружавшие Долину Львов, они по большой дуге прошли на

запад, и еще часом позже — на север. Путь их проходил по едва заметным тропам, поросшим травой дорогам, тайным стежкам. Восход солнца застал их, по расчетам Валерия, в нескольких милях к северо-западу от лагеря Конана. И теперь проводник свернул на юг, непонятно как ориентируясь в сплошном лабиринте обрывов и скал. Валерий вертел головой, пытаясь оценить положение, в котором оказался его отряд, но видел только высокие горные склоны, хотя по рисунку отдаленных пиков он мог определить, что идут они в правильном направлении.

Но совершенно неожиданно откуда-то с юга на их войско накатила клубящаяся серая пелена, окутавшая горы и долину у них за спиной. Туман скрыл солнце, превратив его свет в серое колышущееся сияние, в котором видно что-либо было едва ли на пару шагов в любом направлении. Марш стал похожим на метание вслепую. Валерий сыпал проклятиями. Он уже не видел ничего, что могло бы для него послужить ориентиром, и ему приходилось теперь надеяться только на своего проводника. Штандарт с золотым змеем беспомощно повис в неподвижном воздухе.

В конце концов стало заметно, что и сам Тиберий начал плутать. Он остановился и стал оглядываться вокруг.

— Ты что: погубить нас решил, подонок? — резко процедил Валерий.

— Слушайте! — неожиданно отозвался тот. Откуда-то спереди до них донесся слабый гремящий звук — ритмичный бой бубнов и барабанов.

— Барабаны Конана! — закричал Тиберий.

— Но если мы от него так близко, чтобы слышать барабаны, — с подозрением спросил Валерий, — то почему не слышим криков и звона оружия? Ведь бой уже должен был начаться?

— Ветер и эхо в горах играют порой невероятные шутки, — отозвался, стуча зубами, проводник. — Слушайте!

До слуха их долетел далекий глухой рев.

— Бой в долине уже начался! — закричал Тиберий. — А бубны и барабаны Конан, видимо, расположил на склонах гор. Быстрее!

И он уверенно двинулся прямо на звук, словно определив, где находится конечная цель. Проклиная туман, Валерий двинулся за ним, про себя решив, что нет худа без добра — пелена тумана скроет его передвижение и сыграет ему на руку. Конан не заметит его. Он нападет на ненавистного киммерийца со спины, как только солнце рассеет этот туман.

Он уже не мог определить, что сейчас находится вокруг: обрывы, лес или пропасти. Громыхание приближалось, и за этим гулом совершенно невозможно было услышать шум битвы. Неожиданно по обеим сторонам от всадников из тумана вынырнули высокие скальные колонны, и Валерий вздрогнул, поняв, что они минуют какую-то узкую расщелину. Но их проводник не показывал никакого замешательства, а скалы расступились и вновь исчезли в тумане. Узкое место осталось позади, и, если бы кто-нибудь замыслил устроить ловушку, лучше всего это было бы сделать именно там. Валерий перевел дух.

Но Тиберий вдруг остановился. Ритмичный гул оглушал, а Валерий никак не мог понять, откуда он раздается. То казалось, что справа, то слева, то спереди, и даже сзади. Он нетерпеливо оглядывался вокруг, но не мог разглядеть ничего, кроме клубящегося тумана да оседающей на стали доспехов влаги. Длинная колонна закованных в сталь рыцарей за его спиной казалась ему в туманном мареве процессией ведьм.

— Чего ты ждешь, мерзавец? — сурово взглянул он на проводника.

Тиберий не ответил, продолжая вслушиваться в устрашающий гул. А потом он резко обернулся и с презрительной усмешкой посмотрел в глаза Валерию.

— Туман расходится, мой король, — процедил он враз изменившимся злым голосом. — Смотри!

Грохот замолк. Мгла начала рассеиваться. И сразу же, высокие и величественные, вверху показались вершины гор. Туман опускался все ниже, редел и бледнел. Валерий поднялся в стремени... и с губ его слетел крик, многократно повторенный эхом и всеми его солдатами. Вокруг всюду громоздились скалы. Они стояли не посреди широкой долины, как предполагал еще несколько мгновений назад, а в слепом котле, окруженном вертикальными скалами высотой в несколько сотен футов, единственный вход в который они только что прошли.

— Подонок! — Валерий что было сил ударил Тиберия по лицу своим закованным в сталь кулаком. — Что это за дьявольская шутка!?

Оборванец сплюнул кровь и зашелся зловещим смехом.

— Шутка, что избавит свет от одной отвратительной твари!

— Смотри, грязная обезьяна!

И вновь Валерий вскрикнул, как громом пораженный. Вход в котловину преградила огромная людская толпа, молчаливая и неподвижная, как скульптурная группа — сотни заросших оборванцев с пиками и копьями в руках. А сверху, со скал, выглядывали другие лица — тысячи! — дикие, изможденные, страшные. Глаза их горели от ненависти.

— Хитрость Конана! — зарычал Валерий.

— Нет, Конан об этом ничего не знает! — рассмеялся Тиберий. — Это хитрость людей, доведенных тобою до нужды, тех, кого ты разорил и превратил в зверей. Амальрик был прав: Конан не стал делить свою армию. Мы же — свора, за кусок хлеба бегущая за ним, волки этих гор, люди без дома и без надежды. Это был наш план, и жрецы Асуры послали нам в помощь туман. Посмотри на них, мой король! Каждый из них носит на себе знак твоей власти — на теле или в душе! А теперь посмотри на меня! Ты не узнаешь меня, правда? Но это клеймо на моем лице выжег твой палач! Когда-то ты знал меня — мое имя было Амилий. Моих сыновей ты приказал повесить, а жену мою твои наемники изнасиловали и зарубили. Ты говорил, что я расстанусь с жизнью, если заману тебя в ловушку? Боги всемогущие! Да мы отдали бы тысячи жизней, все отдали бы, лишь бы купить за это твою голову!

И теперь она наша! Посмотри на людей, доведенных тобою до нищеты, на тени людей, что когда-то жили и радовались жизни! Пришел их час! Эта каменная котловина станет твоей могилой. Попробуй-ка влезть на скалы: они высоки и обрывисты. Попробуй-ка вырваться: эти люди встанут на твоём пути и выцарапают тебе глаза! Собака! Встретимся в аду!

И, откинувшись назад, он громко рассмеялся, а эхо его зловещего смеха многократно отразилось от скал. Валерий выскочил из седла и с размаху ударил его своим длинным мечом, рассекая плечо и грудь. Тиберий упал навзничь, но не перестал смеяться, хотя хлынувшая из его рта кровь превратила смех в хрипение.

Вновь загрохотали бубны и барабаны, охватывая котловину кольцом низкого гула, а сверху, со скал, полетели первые камни и хлынул свистящий ливень стрел, заглушая крики и стоны умирающих...

Глава XXII

"Дорога в Ахерон"

Небо на востоке уже заалело, когда Амальрик во главе своей армии подошел ко входу в Долину Львов. Долину эту окружали крутые горные склоны, а дно было иссечено нагромождениями скал различной высоты и вида. Армия Конана стояла на самом большом возвышении, ожидая нападения противника. Корпус из Гандерланда, присоединившийся к ней незадолго до этого, состоял примерно из семи тысяч боссонских лучников и четырех тысяч всадников — баронов с севера и запада со своими дружинами.

Воины, вооруженные пиками, общим числом около двенадцати тысяч — в основном, гандерцы и, кроме того, четыре тысячи аквилонцев из других областей, — стояли в дальнем, узком конце долины, выстроившись наподобие огромного клина. По обоим флангам располагались по пять тысяч боссонских лучников. А позади пехоты стояли с поднятыми пиками и копьями конные рыцари — десять тысяч пуантенцев, и девять — аквилонских баронов со всеми своими вассалами.

Это была удачная позиция: ее невозможно было обойти со стороны, — это означало бы необходимость карабкаться на кручи под ливнем стрел и ударами мечей. Обоз Конана стоял непосредственно за спиной выстроенного войска, в узкой, похожей на змею части долины. Киммериец не опасался нападения сзади — горы были полны бесконечно преданными ему людьми: беглецами из центральных областей Аквилонии и разоренными дворянами.

Занять такую позицию уже само по себе было достаточно трудно, но оставить ее было еще трудней. По существу, она одновременно являлась и бастионом, и ловушкой, и единственным выходом из нее была победа, хотя, при большом желании, можно было покинуть Долину Львов и через узкий проход в задней ее части.

Ксальтотун поднялся на высокий холм, возвышавшийся неподалеку от входа в Долину Львов. Это место было великолепным наблюдательным пунктом — оно находилось выше всех остальных точек долины и давным-давно было названо Королевским Алтарем. Причины этого были, видимо, известны только Ксальтотуну, на памяти которого прошли многие столетия.

Он был не один — с ним пришли двое безмолвных длинноволосых слуг, тащившие за собой связанную молодую девушку. Они быстро и умело уложили ее на широком венчавшем вершину камне, по виду действительно напоминавшем алтарь. Никто не помнил уже, сколько столетий этот камень простоял здесь во власти ветров и дождей, и казалось, что это не просто обычная скала, а какой-то удивительный и таинственный символ. Но чем он был в действительности и кто его сюда водрузил, забыл даже Ксальтотун. Когда слуги — сгорбленные карлики — отошли прочь, черно книжник остался в одиночестве. Взгляд его был прикован к долине, ветер развевал его бороду.

Глаза его пробежали по поблескивающей неподалеку реке, окружающим со всех сторон долину горным склонам, блестящему стальному клину рядов противника, выстроившихся на господствующей высоте, железным чепцам лучников, сверкающим среди кустарника и обломков скал, молчаливым рыцарям, восседавшим на нетерпеливо бьющих копытами конях, их развевающимся султанам и поднятым, как лес игл, копьям. А прямо у подножия холма были видны сомкнутые стальные ряды немедийцев, неумолимо вливавшиеся в устье долины, и за ними — красные палатки и шатры баронов и рыцарей, и серые — обычных солдат.

Алый штандарт с драконом колыхался во главе стальной реки. Впереди, ровными

щерегами, шли стрелки с наполовину поднятыми арбалетами, держа пальцы на спусковых крючках. Дальше шли отряды копейщиков, а за ними — главная сила армии — конные рыцари. Перья над их головами гордо развевались по ветру, копья с вызовом смотрели в небо, а огромные жеребцы выступали, как на параде.

Рыцарей было тридцать одна тысяча, и, как и у большинства государств, именно они составляли ударный кулак армии. Пешие воины же, вооруженные копьями, пиками и арбалетами, должны были лишь расчищать дорогу коннице.

Армия Аквилонии безмолвно и неподвижно ожидала их приближения.

И вот, не меняя строя, немедийские арбалетчики стали стрелять прямо с ходу, но их стрелы летели вверх и либо не долетали, либо просто отскакивали на излете от стальных панцирей высоко над ними стоявших гандеров. Зато, когда ряды арбалетчиков сами попали в зону поражения боссонских лучников, те внесли в немедийские ряды некоторое замешательство.

Через некоторое время, осознав всю бессмысленность попытки ответить противнику такой же смертоносной лавиной стрел, немедийцы стали откатываться назад. На них были легкие панцири, не защищавшие их от тяжелых стрел врага, которые прошивали их насквозь. Немедийская пехота, предназначенная для расчистки дороги коннице, тоже не справилась со своей задачей и была вынуждена отступить.

Арбалетчики уступили место в рядах наемникам, которых всегда без колебаний посылали на смерть. Единственной их целью теперь было заслонить собой ряды наступающих рыцарей, пока те не соприкоснутся с противником. Когда отряды стрелков окончательно вышли из-под обстрела, наемники рванулись прямо под ливень стрел, давая возможность почти беспрепятственно идти за ними рыцарям. Они медленно продвигались вперед, пядь за пядью сокращая расстояние до рядов гандеров. Еще немного — последний рывок, и вот уже зазвучали трубы, оставшиеся в живых пехотинцы рассыпались в стороны, и конница выплеснулась вперед.

Но нет, — и это было бесполезно: их стальная река вновь утонула в тучах свистящей смерти. Стрелы, длинные, как дротики, находили каждую щель в их панцирях. Жеребцы, с трудом взбирающиеся по каменным торосам, опрокидывались на спины, увлекая за собой всадников. Стальные фигуры устлали землю. Атака захлебнулась и схлынула назад.

Амальрик был в ярости — все это нападение на занявшего столь удачную позицию противника было безумием. Но ему ничего не оставалось делать. Он перестроил ряды. Сам Тараск рвался встать во главе своих рыцарей, в ярости размахивая мечом, но руководство армией взял полностью барон Тор. Он проклинал все и вся, видя неподвижный лес копий за спинами гандеров, и молил бога, чтобы его отход выманил аквилонскую конницу, которая, спустившись вниз, станет легкой добычей его арбалетчиков, а потом и самой немедийской конницы. Но противник даже не дрогнул. Немедийские рыцари выхватывали из рук снующих между рекой и полем битвы слуг бурдюки с водой и, снимая шлемы, обливали ею свои потные головы. Лежавшие тут и там раненые беспомощно просили пить. Зато оборонявшиеся, которых снабжал водой бьющий в горной части долины источник, казалось, совершенно не испытывают жажды, несмотря на горячий весенний ветер.

Ксальтотун, стоя на высоком каменном обрыве у Королевского Алтаря, бесстрастно следил за бушующими внизу стальными волнами. Вот с поднятыми копьями и развевающимися перьями в атаку вновь пошли рыцари. Они преодолели ливень стрел... но разбились, как штормовая волна, о стену пик и копий неприятеля. Над шлемами поднимались мечи и топоры, но пики гандеров безжалостно сбрасывали всадников на землю и калечили коней. Они стояли, как неприступная стена. Их былая военная слава вновь получала свое подтверждение. Это была самая стойкая пехота на свете, и по традиции дух их оставался несокрушимым. Ряды их были, все равно что скала, а за их спинами развевался штандарт с золотым аквилонским львом. И

среди них, на самом острие стального клина, как ураган, дрался огромного роста атлет в черных доспехах, чей окровавленный топор крушил с одинаковой легкостью и кости, и железо.

Но и немедийцам было не занимать упорства и отваги, хотя им так и не удавалось сломить железный клин. Кроме того, стрелы, летящие со скал, целыми десятками косили их плотные ряды. От их собственных арбалетчиков не было никакого прока, а пехотинцы не могли взобраться на крутые склоны, чтобы навязать боссонским лучникам ближний бой. Снова и снова накатывались и отступали рыцари, и много коней уже металось в хаосе битвы с пустыми седлами. Гандерцы не отступали — они молча смыкали ряды, заполняя бреши на месте своих павших товарищей. Глаза им заливал соленый пот, но они крепко сжимали пики и копья, воодушевленные тем, что сам король сражается в их рядах. А за их спинами, все еще неподвижные и безмолвные, стояли аквилонские рыцари.

Пришпоривая покрытого пеной коня, на Королевский Алтарь въехал рыцарь и, взглянув на Ксальтотуна полными отчаянья глазами, прохрипел:

— Амальрик приказал мне передать вам, что пришло время вашей магии. Мы гибнем там, в долине, как мухи. Самим нам не опрокинуть противника!

Облик Ксальтотуна, казалось, стал еще загадочнее и значительнее.

— Возвращайся к Амальрику, — ответил он. — Скажи ему, чтобы построил войска для атаки и ждал моего сигнала. И вот тогда он увидит то, что запомнится ему до конца его дней!

Словно против своей воли, рыцарь отдал ему честь и, рискуя сломать себе шею, погнал коня вниз по склону.

Стоя рядом с жертвенным камнем, чернокнижник окинул взглядом долину, лежащих тут и там убитых и раненых, забрызганный кровью аквилонский корпус и напротив него — перестраивающиеся порядки немедийцев. Глаза его вознеслись к небу, а потом опустились на дрожавшую на холодном темном камне связанную побледневшую девушку. И, занеся над ее головой стилет, рукоять которого украшали древние письмена, он громким голосом начал заклятие:

— Услышьте меня, боги тьмы, скрытые мраком властители ночи! Кровью этой женщины и семикратным символом власти я вызываю ваших сынов из черных глубин земли! Дети черных и красных бездн — проснитесь и потряхните своими тяжелыми гривами! Пусть пошатнутся горы и рухнут скалы на моих врагов! Пусть потемнеют над ними небеса и задрожит земля под их ногами! Да повеет из сердца черной земли ветер, спутает им ноги, разорвет и иссушит их тела!..

И вдруг он замолчал, замерев с поднятым в руке стилетом. Принесенный ветром рев обеих армий разорвал наступившую было тишину.

У противоположного края алтаря стоял человек в черной мантии, капюшон которой оттенял бледное одухотворенное лицо и темные, спокойные глаза.

— Проклятый пес Асуры! — прошипел Ксальтотун, словно разъяренная змея. — Ты что — сошел с ума, или ищешь смерти? Эй! Ваал! Хирон! Ко мне!

— Покричи-покричи, мразь ахеронская! — разразился пришедший смехом. — Да погромче! Иначе они не услышат тебя из адского пекла!

Неожиданно из-за зарослей кустарника, растущих неподалеку, вышла суровая седая женщина в простой одежде, волосы которой ниспадали на плечи. За нею, след в след, ступал огромный серый волк.

— А-а-а!.. Жрец, ведьма и волк! — злобно процедил Ксальтотун, а потом рассмеялся. — Глупцы! Вы решили помериться силами своих знахарских бормотаний с моими чарами? Ну что же! Я смету вас с дороги одним взмахом руки!

— Теперь твои чары — что сухая трава на ветру, пифонская собака, — спокойно ответил жрец. — Кстати, ты не задумывался, почему река не разлилась, чтобы задержать Конана на том

берегу? Я понял твой план, увидев ночью молнии, и разогнал тучи, прежде чем они сделали свое дело. А ведь ты даже не понял, что все твои призывы дождя оказались напрасными...

— Ложь! — закричал Ксальтотун, но в голосе его уже не было обычной уверенности. — Да, я чувствовал, что против меня действует какая-то сильная магия... Но нет на Земле человека, кто мог бы отменить произнесенные мною заклинания дождя, если в руках у него не будет главного источника магической силы!

— Но ведь запланированное тобой половодье не наступило, — возразил ему жрец. — Посмотри на своих союзников в долине, пифонец! Ты же отправил их на смерть! Они увязли в сражении, и никто не сможет им помочь! Смотри!

Он протянул вперед ладонь, — за спиной Пуантенцев показался вылетевший из узкой горловины в противоположном конце Долины Львов всадник, размахивающий над головой чем-то блестящим в лучах солнца. Он, как очумелый, промчался между шеренгами гандеров, при его виде издавших громовой рев и начавших потрясать в воздухе пиками. А всадник уже выскочил между обеими армиями, осадил покрытого пеной коня и что-то заорал, как безумный, размахивая зажатым в руке предметом. Это был обрывок алого штандарта, и солнце ослепительно сверкало на вышитом на нем золотом змее.

— Валерий поплатился за свои дела! — с удовлетворением крикнул Хадрат. — Туман и бубны привели его к смерти! Это я призвал этот туман, и я его разогнал! Я, с помощью моей магии, что превосходит твою, пифонская собака!

— Какое это имеет значение! — зарычал Ксальтотун, который с горящими глазами и перекошенным конвульсивной гримасой лицом сейчас представлял собой жуткую картину. — Валерий был идиотом! И мне он был уже не нужен! А теперь я сам покончу с Конаном, безо всякой человеческой помощи!..

— А чего ж ты тогда так долго ждал до этого? — усмехнулся жрец. — Зачем же ты позволил своим союзникам задарма лечь от наших стрел и копий?

— Да потому что большая магия требует большой крови! — заорал Ксальтотун так, что затряслись скалы. Лицо его, перекошенное яростью, окружил искрящийся нимб. — И потому, что ни один чернокнижник никогда не тратит своих сил впустую! Я не для того копил свою мощь целыми тысячелетиями, чтобы растратить ее в какой-то паршивой драке! Но теперь, клянусь богом, я покажу все, на что способен! Смотри, грязное отродье, фальшивый жрец гнилого божка! Смотри, и ты увидишь то, что разорвет тебя и твою мерзкую душонку на куски!

В ответ на это Хадрат вновь запрокинул голову и разразился зловецким смехом.

— А теперь посмотри и ты, черный дьявол!

И его ладонь вынула из складок накидки какой-то предмет, искрящийся на солнце золотым пульсирующим сиянием, придавшим лицу Ксальтотуна трупную бледность.

При виде этого предмета ахеронец закричал, словно его резали ножом:

— Сердце! Сердце Аримана!

— Да! Единственная сила, превосходящая твою!

Ксальтотун прямо на глазах стал горбиться и стариться. В бороде его неожиданно блеснула седина, а на голове показалась лысина.

— Сердце! — прохрипел он. — Они украли его! Мерзавцы! Подонки!

Хадрат покачал головой.

— Нет, это сделал не я! Оно вернулось из дальней дороги, с юга. Но теперь, когда оно в моих руках, мне не страшны твои черные чары. Как оно вернуло тебе жизнь, так оно вернет тебя и в бездны ада, во Тьму, откуда ты был призван. Ты отправишься в свой Ахерон по дороге молчания. Мрачная империя, так и не воскрешенная тобой, останется навсегда лишь страшной легендой. Конан вновь займет свой трон. А Сердце Аримана вернется в подземное святилище,

чтобы гореть еще тысячи лет, как символ могущества Аквилонии!

Страшно завыв, Ксальтотун с занесенным стилетом бросился бежать вокруг алтаря, чтобы настичь своего противника, но неожиданно откуда-то: быть может, с неба, а может — с горящего в ладони жреца огромного драгоценного камня, — к нему метнулся сноп искрящегося ослепительного света. Он ударил Ксальтотуна прямо в грудь, и горы эхом повторили отзвук этого удара. Чернокнижник из Ахерона рухнул на землю, словно сраженный молнией, но прежде, чем он коснулся травы, с ним произошла поразительная перемена. У алтаря упал не только что убитый человек, а скорченная мумия: коричневый, иссохший, с трудом узнаваемый труп, распростертый среди гниющих бинтов.

Старая Зелата с отвращением взглянула на него.

— Он не был живым человеком, — произнесла она. Сердце Аримана лишь придало ему видимость жизни, которая сейчас вновь его оставила. Я всегда видела в нем лишь мумию...

Хадрат наклонился над алтарем, чтобы освободить бледную испуганную девушку, когда из-за кустов показалась повозка Ксальтотуна, запряженная все теми же необыкновенными лошадьми. Она беззвучно подъехала к Алтарю и остановилась рядом с лежащими в траве иссохшими останками чернокнижника.

Хадрат поднял прах Ксальтотуна и положил его в повозку. Кони тотчас же развернулись и самостоятельно поехали вниз по склону, направляясь куда-то на юг. А Хадрат, Зелата и волк стали молча смотреть им вслед, наблюдая, как они начали свою долгую дорогу в забытый Ахерон, расположенный где-то на зыбкой границе человеческого зрения...

Амальрик даже приподнялся в седле, рассмотрев скачущего во весь опор и размахивающего над головой окровавленным штандартом всадника. А потом какое-то предчувствие заставило его оглянуться на холм, названный Королевским Алтарем. Рот его от удивления раскрылся. Возглас удивления прокатился и по всей долине — от самой вершины этой возвышенности в небо поднялся луч ослепительного света, роняющего золотистые искры, чтобы где-то там, в бездонной вышине зажечь сияние, на мгновение затмившее солнце.

— Это не похоже на сигнал Ксальтотуна! — зарычал барон.

— Нет! — неожиданно вскрикнул Тараск. — Это сигнал для аквилонцев! Смотри!

Рука его потянулась по направлению к противнику, неподвижные шеренги которого дрогнули и пошли вперед, наполняя долину глухим ревом.

— Ксальтотун опять подвел нас! — заорал Амальрик. — И Валерий тоже! Мы в ловушке! Будь он проклят, поганый ахеронец! Это он нас сюда завел! Труби сигнал к отходу!

— Поздно! — взвыл Тараск. — Смотри!

Лес копий в горной части долины наклонился вперед. Шеренги гандеров, словно скорлупа, расступились в стороны. А из-за них, гремя, как ураган, рванулись в бой рыцари Аквилонии.

И удару этой лавины уже ничего не могло противостоять. Стрелы немедийских арбалетчиков отскакивали от рыцарских щитов или застревали в них, высекая искры. Гремя копытами, под шелест султанов и воинственный рев аквилонская конница рассекала смешавшиеся ряды немедийской пехоты и, как лавина, хлынула в долину.

Амальрик немедленно дал сигнал к контратаке, и немедийцы начали упорное сопротивление, пытаясь поражать коней пиками и острогами. И какое-то мгновение казалось, что они смогут устоять на месте. Но кони немедийских рыцарей устали и с трудом поднимались вверх. Зато аквилонцы до этого не сделали ни одного удара. И теперь они, словно шквал, неслись вперед, в щепки разметывая шеренги неприятеля и обращая его в бегство.

А за первой волной бежала гандерская пехота, охваченная жаждой крови. Боссонцы тоже спускались с горных склонов, прямо на ходу поражая все, что еще двигалось на позициях противника. Волна битвы спускалась все ниже, неся на своем гребне ошеломленных

немедийцев. Стрелы из их арбалетов летели вслепую, а тех, кто уцелел после атаки конницы, безжалостно добивали гандерцы.

И вот свалка и хаос боя выплеснулись через устье Долины Львов на широкое поле у ее входа и разлилось во все стороны. По всему простору рассыпались фигурки сражающихся — беглецы и их преследователи, и везде носились поодиночке и группами рыцари на ошалевших конях. Но немедийцы уже были не в состоянии вновь сформировать свои ряды и дать достойный отпор. Они целыми сотнями бежали к реке, переправлялись и пытались уйти дальше, на восток. Но там уже все было охвачено восстанием: их гнали, как волков, и лишь немногие из них добрались до Тарантии.

Последняя фаза битвы закончилась смертью Амальрика, предпринявшего последнюю попытку спасти положение. Барон, бесполезно пытаясь собрать вокруг себя людей, наткнулся на конный отряд противника, возглавляемый гигантом в черном панцире с вышитым на накидке золотым королевским львом, за спиной которого развевались штандарты со львом Аквилонии и Пуантенским леопардом. Высокий рыцарь в блестящих доспехах опустил свое копьё и рванулся навстречу барону. Противники сшиблись с оглушительным треском. Копьё немедийца, ударившись в голову неприятеля, разорвало ремни и застежки шлема, обнажив лицо графа Паллантида. Зато копьё аквилонца пронзило щит, панцирь и пробило сердце барона.

Вылетев из седла и сломав застрявшее в его безжизненном теле копьё, Амальрик рухнул под копыта аквилонских коней, и, увидев это, немедийцы закричали от ужаса и отчаянья, ринувшись прочь от накатывающейся на них стальной волны. В слепом страхе они бежали к реке, сметая все на своем пути. Час Дракона кончился.

Тараску теперь было все равно. Он не побежал. Амальрик был мертв, все военачальники исчезли, а королевский штандарт Немедии лежал, втоптаный в кровь и грязь. Аквилонцы преследовали последних немедийских рыцарей. Он понял, что битва окончательно проиграна, но с группой самых верных ему воинов все еще метался по полю сражения, одержимый единственным желанием — встретиться с киммерийцем. И наконец он его увидел.

Обе армии были разбросаны по всему полю — одни убегали, другие — преследовали их. Султан Троцero развеялся на одном конце равнины, Паллантида и Просперо — на другом. Конана никто не сопровождал. Гвардейцы Тараска погибли. Короли встретились один на один.

Но, как только они начали съезжаться, скакун Тараска неожиданно захрипел, зашатался и упал. Конан соскочил с седла и бросился к королю Немедии, поспешно высвобождая ноги из стремян. Ослепительно сверкнула на солнце сталь, раздался звон мечей, посыпались искры, и Тараск во весь рост растянулся на земле под молниеносным ударом тяжелого меча Конана.

Киммериец поставил закованную в сталь ногу на грудь поверженного противника и поднял меч. Шлема на его голове уже не было — грива его развеялась на ветру, а в глазах горел яростный огонь.

— Ну что, сдаешься?

— А ты сохранишь мне жизнь?

— Да. И даже дам гарантии, которых ты мне в свое время не дал! Жизнь тебе и всем людям, которые сложат оружие... Хотя, по правде говоря, тебе за все твои мерзости следовало бы снести голову...

Тараск повертел головой и осмотрел долину. Остатки его армии со всех ног перебежали каменный мост, а на пятки им наступали аквилонские воины, в дикой ярости размахивающие окровавленными мечами. Боссонцы и гандерцы рассыпались по захваченному немедийскому обозу, врываясь в шатры, хватая трофеи и пленников, переворачивая повозки.

Оглядев все это, Тараск, насколько позволяло ему его положение, пожал плечами:

— Я согласен. У меня нет выбора. Каковы твои условия?

— Ты возвратишь мне все, что вывез из Аквилонии. Прикажешь, чтобы все ваши гарнизоны сложили оружие и оставили занятые ими города и замки. А потом ты выведешь из моего королевства свои проклятые войска так быстро, как это только будет возможно. Вернешь всех аквилонцев, проданных в неволю, и, кроме того, выплатишь репарации, которые я назначу позже, когда точнее будет определен ущерб, нанесенный твоей оккупацией. Останешься у меня в плену, пока не будут выполнены все эти условия.

— Хорошо, — согласился Тараск. — Я прикажу без боя оставить все замки и города, занятые моими гарнизонами, и сделаю все остальное. А какой ты назначаешь за меня выкуп?

Конан рассмеялся, снял ногу с груди короля Немедии и, подав тому руки, помог ему встать на ноги. Он уже раскрыл рот, но заметил, что к ним приближается Хадрат. Жрец был, как всегда, спокоен и погружен в свои мысли, старательно обходя человеческие и конские трупы.

Окровавленной ладонью Конан смахнул с лица прилипшие потные волосы. Он дрался целый день — сначала в пешеходных порядках копейщиков, потом — на коне, ведя в атаку рыцарей, и его погнутая и исцарапанная ударами топоров и стрел броня была густо забрызгана кровью. И на кровавом фоне побоища он смотрелся, как богатырь из языческой легенды.

— Мы хорошо потрудились, Хадрат! — Сагремел он. — Черт возьми! Я был так рад увидеть твой сигнал! Еще немного, и мои рыцари сошли бы с ума от напряжения и нетерпения. Они прямо из кожи вон лезли, хватаясь за мечи. Дольше я бы просто не смог их удержать! Что с чернокнижником?

— Он уехал в Ахерон по дороге забвения, — загадочно произнес Хадрат. — А я... я поеду в Тарантию. Здесь мои дела закончены, и теперь я отправляюсь в святилище Митры... Здесь, на этом поле, мы отстояли Аквилонию! Твой марш к столице будет триумфальным походом через обезумевшую от радости страну. Вся Аквилония будет праздновать возвращение короля. Итак, до встречи в твоём тронном зале!

Конан молча смотрел вслед удаляющейся фигуре жреца, а со всех сторон сюда уже начинали съезжаться рыцари. Он узнал Паллантида, Троцера, Просперо и Сервия — все они были забрызганы кровью. Шум битвы уступил место дикому победному реву и радости. Все глаза, распаленные сражением и наполненные восхищением, были обращены к огромной черной фигуре короля, закованные в сталь руки приветственно размахивали над головами окровавленными мечами. И над всем полем возносился крик — мощный и глубокий, как удар прибоя:

— Слава Конану, королю Аквилонии!

Подождав немного, Тараск вновь напомнил:

— Так ты еще не назвал выкупа...

Конан обернулся к нему и рассмеялся, вкладывая меч в ножны. Потом расправил свои мощные плечи и провел окровавленными пальцами по густым черным волосам, словно в поисках вновь обретенной короны.

— Есть в твоём дворце девушка по имени Зенобия...

— Да, есть. Ну и что?

— Так вот, — король усмехнулся, словно на ум ему пришло приятное воспоминание. — Она и будет твоим выкупом. Она и ничто другое. Пошли за ней в Бельверус, как обещал. У тебя в Немедии она была простой служанкой, а в Аквилонии... в Аквилонии она станет королевой!..